

Комитет по делам архивов Нижегородской области
Государственный архив специальной документации
Нижегородской области

**«О ПУШКИНЕ
АРХИВНОЮ СТРОКОЙ...»**

МАТЕРИАЛЫ
XIII МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ
АРХИВОВЕДЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

31 мая 2024 года

Нижний Новгород
2025

УДК 821.161.10(063)
ББК 83.3(2=411.2)52-8Пушкин А.С.я431
О11

Редакционная коллегия:

Е.Д. Гордина (председатель), **Б.М. Пудалов**, **Т.В. Соколова**,
А.А. Глазырина, **Е.Э. Ешан**, **Л.В. Зарубина**, **С.А. Курицын**

Составитель

У.Н. Березуцкая

О11

«О Пушкине архивною строкой...». Материалы XIII Межрегиональной архивоведческой конференции. 31 мая 2024 года. – Нижний Новгород, 2025. – 200 с.

ISBN 978-5-6053373-0-0

В сборнике публикуются материалы XIII Межрегиональной архивоведческой конференции «О Пушкине архивною строкой...», приуроченной к 225-летию со дня рождения великого классика русской литературы, проходившей 31 мая 2024 г. в Нижнем Новгороде, а также не публиковавшиеся ранее и малоизвестные историко-краеведческие исследования слабоизученных аспектов региональной истории.

Издание предназначено для архивистов, историков, краеведов, преподавателей вузов, архитекторов, сотрудников библиотек и музеев.

УДК 821.161.10(063)

ББК 83.3(2=411.2)52-8Пушкин А.С.я431

ISBN 978-5-6053373-0-0

© Комитет по делам архивов
Нижегородской области,
2025

© ГКУ Государственный архив
специальной документации
Нижегородской области,
2025

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

31 мая 2024 г. в Нижнем Новгороде состоялась XIII Межрегиональная архивоведческая конференция «О Пушкине архивною строкой...», приуроченная к 225-летию со дня рождения великого классика русской литературы Александра Сергеевича Пушкина (1799–1837).

В работе конференции (в очном и заочном формате) приняли участие архивисты и ученые, преподаватели высшей школы, работники музеев и библиотек, архитекторы, реставраторы, краеведы из Нижнего Новгорода и Нижегородской области, Санкт-Петербурга, Великого Новгорода, Липецка, Пензы, Саратова, Ульяновска и Улан-Удэ. В рамках конференции состоялось пленарное заседание, прошла работа секций «Архивные источники и их использование в изучении жизни и творчества А.С. Пушкина» и «Сохранение и использование памятных мест, мемориалов и усадеб, связанных с именами А.С. Пушкина и его современников»; проведена презентация фотодокументальной стендовой выставки «О Пушкине архивною строкой...».

В настоящий сборник включены тексты докладов участников конференции, а также не публиковавшиеся ранее и малоизвестные историко-краеведческие исследования, касающиеся слабоизученных аспектов региональной истории.

Значительный блок материалов юбилейного сборника посвящен именно «пушкинской» тематике, широко представленной в докладах участников конференции: от актуализации архивных источников о вотчине Пушкиных в нижегородском Болдине – до осмысления опыта увековечения памяти о жизни и творчестве А.С. Пушкина через проведение юбилейных мероприятий, создание книжных коллекций, сохранение памятников и мемориальных объектов и пр.

Наряду с этим, в сборнике публикуется подборка материалов, имеющих историко-архивоведческое и просветительское значение, отражающих актуальные научные взгляды на проблемы региональной истории и обусловленных запросами широкой общественности к тематике краеведческих исследований, в том числе по вопросам датировки и истории населенных территорий.

Открывает сборник проблемная статья «Архивы и историческая наука в Нижегородском регионе», посвященная проблемам взаимодействия ученых-историков и архивистов и напечатанная в порядке обсуждения – как приглашение к дискуссии (в том числе и на примере других регионов).

Надеемся, что публикуемый сборник дополнит «архивною строкой» богатейшее наследие отечественной «пушкинистики» и вдохновит на новые, в том числе совместные исследования архивистов, историков, филологов, которые, к сожалению, остались в стороне при подготовке данного издания.

АРХИВЫ И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В НИЖЕГОРОДСКОМ РЕГИОНЕ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ*

Б.М. ПУДАЛОВ,
руководитель комитета по делам архивов
Нижегородской области

Сотрудничество архивистов и ученых-историков в провинции традиционно основывалось на взаимном интересе. Для архивистов важнейшее значение имеют научное руководство историков в использовании документального наследия (в подготовке сборников документов, конференций и выставок), а также обучение работников архивной отрасли на базе местных вузов. Для ученых, как правило, наибольший интерес представляет помощь архивистов в выявлении документальных источников по актуальной тематике. В зависимости от реализации этих интересов в Нижегородском регионе следует отдельно рассмотреть сотрудничество наших двух сфер в досоветский, советский и постсоветский периоды.

1. Для досоветского периода решающим фактором стало отсутствие в Нижнем Новгороде университета. Талантливые юноши (среди них – К.Н. Бестужев-Рюмин, будущий академик) поступали в столичные университеты, навсегда покидая родной город, и в дальнейшем вспоминали гимназический курс истории как кошмарный сон. Нижегородская губернская ученая архивная комиссия (НГУАК), созданная в 1887 г. и кровно заинтересованная в публикации накопленных лекций и профессиональной подготовке специалистов, сумела наладить активное взаимодействие только в начале XX в. Решающую роль здесь сыграл А.Я. Садовский (1850–1922), возглавлявший НГУАК в 1909 г. Уже в 1911 г. в Нижнем Новгороде открылось отделение Московского Археологического института (кстати, вообще едва ли не первый вуз в Нижнем Новгороде), успешно обучавшее всех желающих до 1918 г. Выпускники отделения в целом обеспечивали основные направления архивной работы вплоть до середины 1920-х гг. Наряду с этим, взаимодействие с С.Ф. Платоновым и его учениками позволило в это же время реализовать ряд амбициозных издательских проектов, важнейшим из которых стал двухтомник 1913 г. по истории Нижегородского земского ополчения 1612 г. Сборник

* Тезисы публикуются в порядке обсуждения. – *Прим. ред.*

не потерял научного значения и поныне (переиздан в 2012 г.), став, в сочетании с монографией П.Г. Любомирова, образцом успешного научного сотрудничества архивистов и ученых.

К сожалению, Первая мировая война 1914–1918 гг. не позволила опубликовать запланированный комплекс описаний Нижегородского края допетровского времени, а следовавшие затем революция 1917 г. и Гражданская война 1918–1922 гг. прервали взаимодействие архивистов и ученых на три десятка лет.

2. В советский период возрождение университетского преподавания истории в г. Горьком было обусловлено новыми идеологическими тенденциями, усилившимися на фоне Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 г. В 1946 г. открылся историко-филологический факультет в Горьковском государственном университете, ставший на четыре десятилетия основной «кузницей кадров» для архивов области. Первый декан факультета, выдающийся ученый-медиевист чл.-корр. АН СССР С.И. Архангельский постарался собрать лучшие на тот момент научные силы, активно приглашал специалистов из Москвы и Ленинграда. Проявляя на разных этапах своей научной деятельности постоянный и глубокий интерес к аграрной истории, в первую очередь, Англии XVII в., но также и России, С.И. Архангельский предложил издать цикл документальных сборников по истории Нижнего Новгорода, создав основу для сотрудничества с архивистами. К сожалению, последним явно не хватало в тот период научной подготовки, поэтому свет увидел только один сборник из этой серии – «Нижний Новгород в XVII веке» (Горький, 1961), надолго оставшийся «одиноким островком» подлинного академизма среди архивных изданий. Успех сборнику обеспечил его составитель, архивист Н.И. Привалова, ранее закончившая Московский университет и посещавшая семинар академика М.М. Богословского. Обширное предисловие С.И. Архангельского, с историографическим обзором, усилило научное значение данной книги.

К сожалению, после смерти С.И. Архангельского (1958 г.) сотрудничество ученых и архивистов, начавшееся столь многообещающе, стало постепенно угасать. Объясняется это во многом человеческим фактором. Преемник С.И. Архангельского проф. Н.П. Соколов, специалист по средневековой Европе, практически не занимался историей России. К тому же, став в 1960–1970-е гг. неформальным лидером горьковских историков, Н.П. Соколов сумел в значительной степени привить им свое мировоззрение, сочетавшее традиционную

враждебность старого кадета к коммунистической идее и Советской власти с «имперскостью», «почвенничеством» и идейным антисемитизмом. Взгляды Н.П. Соколова после его смерти (1979 г.) получили дальнейшее развитие благодаря деятельности декана Е.В. Кузнецова, также медиевиста, не имевшего сколько-нибудь значительных трудов по российской истории. В результате к началу 1980-х гг. историческая наука в Горьковском государственном университете все больше склонялась к политологии определенного толка, так что предпосылки для сотрудничества в научном использовании документального наследия постепенно исчезли.

Сложнее обстояло дело с преподаванием. Базовый курс источниковедения был слишком «теоретическим», да и просто поверхностным: сказывалось равнодушие преподавателей-историков к архивам, а политологов-американистов – к источниковедению российской истории вообще. Курс архивоведения традиционно преподавали ветераны-архивисты. Они же поначалу вели и специальные историко-филологические (так называемые «вспомогательные исторические») дисциплины, но в 1970-е гг. некоторые из этих курсов были переданы филологам (факультет был единым, историко-филологическим). При этом любопытно, что в силу каких-то непонятных причин у филологов специальные дисциплины вплоть до конца советского периода преподавались намного основательнее, чем у историков. Так, последним русскую палеографию преподавали один семестр, а филологам – два, вместив в этот курс элементы неографии, а также основы исторической хронологии, метрологии, филиграноведения, генеалогии и даже сведения о денежном счете в допетровской Руси. Филологам, в отличие от историков, преподавали текстологию и библиографию (по сути – архивную эвристику), а также археографию, причем не только эдиционную (это еще хоть как-то можно объяснить), но и камеральную. Вдобавок преподаватель МГУ И.В. Поздеева (ныне д.и.н. и профессор) прочитала в 1979-1980 гг. спецкурс по методике полевой археографии, и полученные студентами знания тогда же были закреплены в археографических экспедициях. Надо ли удивляться, что в 1970-1980-х гг. на работу в архивы, а также библиотеки и музеи Горьковской области пришло немало филологов? (Для автора этих строк данные спецкурсы стали первым шагом к научным исследованиям древнерусских рукописей, а в конечном счете – к профессии архивиста).

В этот же период ученые-филологи сыграли свою роль в научном использовании архивных документов. Произошло

это благодаря литературному краеведению, где наиболее значительными всегда были три темы: М. Горький в Нижнем Новгороде (родном для него городе), Болдинская осень А.С. Пушкина, Нижегородское десятилетие В.Г. Короленко. Поэтому неслучайно вышли в свет монографии профессоров, докторов филологических наук Л.М. Фарбера «А.М. Горький в Нижнем Новгороде» (1968) и Н.М. Фортунатова «В.Г. Короленко в Нижнем Новгороде» (1986), практически целиком основанные на архивных документах, выявленных благодаря тесному сотрудничеству с работниками Государственного архива Горьковской области (ГАГО, ныне Центральный архив Нижегородской области). В этом же жанре написана и монография выдающегося архивиста Н.И. Куприяновой «К сему Александр Пушкин», выдержавшая два издания (1982, 1988) и ставшая образцом успешной архивной эвристики. К сожалению, в последующий период литературное краеведение не поднималось больше до таких высот: «предметы внимания» были заметно меньше (типичные примеры – Борис Садовской и П.Д. Боборькин по прозвищу «Пьер Бобо»), а «исполнители» – явно слабее...

В силу идеологических причин и ситуации на историко-филологическом факультете Горьковского университета архивные сборники документов 1970-1980-х гг. готовились и выпускались преимущественно в сотрудничестве и с предисловиями историков партии. Археографический уровень таких изданий (подготовка текста, справочный аппарат) достаточно высок, но источниковедческая ценность невелика из-за идейных установок (типичные примеры – сборники по истории революционного движения, по истории коллективизации и «культурной революции» в крае).

3. Проблемы, отчетливо обозначившиеся в советский период, усилились после 1991 г. К настоящему времени можно обоснованно говорить о постепенной утрате профессионализма среди специалистов по отечественной истории в Нижегородской области.

Прежде всего, серьезный кризис переживает преподавание дисциплин, необходимых для архивной отрасли. Историко-филологического факультета в Нижегородском университете больше не существует: его место заняли Институт международных отношений и мировой истории (ИМОМИ), где готовят преимущественно политологов, с легким уклоном в историческую публицистику, и Институт филологии и журналистики (ИФИЖ), где готовят преимущественно пиар-менеджеров, с уклоном в «легкость мыслей необыкновенную». Препода-

ватели, владеющие навыками палеографии, – это случайно уцелевшие кадры (два или три ветерана на восьмом десятке); археографию нынешние студенты готовы воспринимать как личное и нецензурное оскорбление. Бывший пединститут, переименованный на страх врагам в «Мининский университет» (?), всегда был и остается вариантом учительской семинарии; о профессиональной подготовке или переподготовке архивистов на его базе всерьез говорить не приходится. Обучение по специальности «документоведение и архивоведение» ведется на базе технического университета, но, во-первых, здесь она непрофильная и в любой момент может быть закрыта, во-вторых, навыков историко-архивоведения, столь востребованных сегодня, эта специальность не дает. Попросту говоря, сотрудникам государственных архивов учиться в Нижегородской области негде.

Не лучше обстоит дело и с научным использованием документального наследия. Расширение возможностей публикаций за счет доступа к фондам бывшего партархива (ныне Государственный общественно-политический архив Нижегородской области) вызвало кратковременное оживление среди специалистов по истории советского периода. В свет вышли два цикла историко-документальных сборников: «Забвению на подлежит» (в 3 тт., 1993–1995) и «Общество и власть» (в 6 тт., 2002–2010). Архивисты обеспечили несомненные достоинства этих изданий: выявление ранее не публиковавшихся (в том числе рассекреченных) документов, представляющих научный интерес, качественное археографическое оформление (передача текста, справочный аппарат, указатели). Но то, что зависело от ученых-историков – общее предисловие, вводные статьи к разделам, научные комментарии, словом, весь концептуальный компонент, – выглядит слабовато. Трактовка событий противоречит тексту документов, вводные статьи нередко противоречат друг другу, о глубоком источниковедческом анализе говорить вообще не приходится. Впрочем, к началу 2010-х гг. и это все закончилось: старое поколение историков партии ушло, а последующие поколения преподавателей ИМОМИ в большинстве своем равнодушны к документальному изучению истории России. И, поскольку эта публика в архивах практически никогда не бывает, то архивисты ныне сотрудничают не с ними, а с историками, преподающими за пределами ННГУ (их, увы, немного). Подтверждением этих горьких слов стала эпопея с подготовкой научной истории Нижегородского региона. Фундаментальный двухтомник

удалось издать только в 2021 г. (к 800-летию Нижнего Новгорода), но в авторском коллективе почти не было сотрудников бывшего исторического факультета университета...

В итоге с 2010-х гг. все сборники документов и архивные выставки нижегородские архивисты готовят своими силами. Готовят, надо сказать, неплохо: сборники документов регулярно занимают призовые места на профессиональных конкурсах и удостоиваются престижных премий. Удалось отчасти продолжить задуманную еще С.И. Архангельским серию изданий, под рубрикой «Нижегородский край в веках». Но качественное профессиональное обучение архивистов в Нижнем Новгороде сегодня, увы, невозможно: выйти за пределы «кустарщины и кружковщины» пока не удастся. Серьезной помощи от местной исторической науки едва ли можно ждать: немногочисленные исключения «погоды не делают». По сути, сейчас архивисты успешно взаимодействуют с учеными только... в комплектовании фондов личного происхождения профессоров и докторов исторических наук. Состав этих фондов, увы, подтверждает кризисное состояние исторической научной мысли в Нижегородской области.

**«О ПУШКИНЕ АРХИВНОЙ СТРОКОЙ...»
(материалы докладов участников конференции)***

Д.В. Баринов

**АРХИТЕКТУРА ЦЕРКВИ УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ
СЕЛА БОЛЬШОЕ БОЛДИНО
В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ СТИЛЯ КЛАССИЦИЗМ
В КУЛЬТОВОЙ АРХИТЕКТУРЕ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX вв.**

Храм Успения Пресвятой Богородицы является очень ценным объектом для исследователей-пушкинистов в контексте сохранения памяти о времени, проведенном в селе Большое Болдино, великим поэтом Александром Сергеевичем Пушкиным. Этому памятнику культурного наследия посвящено значительное число публикаций, поэтому задача данной статьи проследить место храма в ряду развития культового зодчества конца XVIII – начала XIX вв. Для этого мы должны дать историческую и архитектурную характеристику объекта.

Успенский храм расположен в центральной части села Большое Болдино, являясь единственной высотной архитектурно-градостроительной доминантой окружающего пространства. Храм относится к территории музея-заповедника А.С. Пушкина «Болдино», являясь составной частью старинной усадьбы, сформировавшейся в XVIII–XIX вв.

Подготовка к строительству первой каменной церкви в селе началась в 1780-х гг. и связана с фактом обветшания предыдущей деревянной церкви. Основную роль в этом играл дед великого поэта и в то время владелец усадьбы Лев Александрович Пушкин. Нижегородским исследователем Н.Ф. Филатовым не раз высказывается мысль о том, что в разработке проекта мог участвовать первый нижегородский губернский архитектор Яков Ананьевич Ананьин, что можно опровергнуть тем, что Большое Болдино относилось к Владимирской епархии и утверждение проекта происходило в местной консистории, а связи Л.А. Пушкина были более обширные в Москве, нежели Нижнем Новгороде. Высказывалась мысль о том, что был задействован столичный архитектор, но как доказать, так и опровергнуть на данном этапе эти теории мы не можем. Безусловно храм представляет собой уникальное сооружение и его проект был заказан весьма деятельному и видному архитектору того времени.

** Материалы всех докладов даны в авторской редакции.*

Активный период строительства церкви начинается с 1787 г., когда пожар уничтожил деревянную церковь Михаила Архангела [1]. В 1790 году умирает владелец имения Л.А. Пушкин, но после его смерти строительство активно продолжается. К 1791 году относится освящение придельной недостроенной церкви. В 1791–1799 гг. продолжается строительство и отделка большеболдинской церкви, и в 1799 г. главный алтарь был освещен в честь Успения Пресвятой Богородицы.

В пространстве усадьбы церковь обладает градообразующим значением, о чем писал исследователь С.С. Попадюк, что положение храма предопределяет «создание нового общественно-административного центра и радикальную перепланировку села... Во всяком случае, перенесение сюда господской усадьбы, создание каскада прудов, композиционно объединяющих церковь с усадьбой, и дальнейшее развитие Болдина в юго-восточном направлении от церкви – все эти существенные новшества в планировке села... непосредственно и необходимо связаны с постройкой каменной церкви» [2, стр. 375, 379].

В XIX в. церковь подвергалась несколько раз незначительным ремонтам, не изменившим принципиально облик сооружения и на протяжении того периода выполняет функцию домово́й церкви семьи Пушкиных. В 1830 г. храм был свидетелем посещения Большого Болдина Александром Сергеевичем Пушкиным, о чем сам поэт писал в своих мемуарах, что составляет важную часть его творческой жизни.

В послереволюционные годы Успенская церковь была закрыта (1934 г.) и позднее была приспособлена под культурно-бытовые нужды села, в последние годы перед реставрацией в ней располагалась районная библиотека со складом. Из-за варварского приспособления были утрачены ярусные завершения храма, по сути сохранился только первый ярус монументального сооружения и только в 1959 г. начинается процесс историко-архитектурных исследований памятника архитекторами-реставраторами В.Я. Чащиным и И.Б. Потаповым, ими были сделаны описания технического состояния церкви с обмерными чертежами, хранящимися сейчас в Центральном архиве Нижегородской области. В 1981 году храм был поставлен на охрану и присоединён к Музею-заповеднику А.С. Пушкина. Уже в 1982 году начинается долгий процесс реставрации памятника, изначально московским проектным институтом «Спецпроектреставрация», а в 90-е гг. ремонтно-реставрационные работы были выполнены ЗАО ТИК «Ста-

рый Нижний Новгород». К 200-летию А.С. Пушкина церковь была реставрирована в аутентичных формах. В наше время памятник подвергся ремонтно-реставрационным работам ООО «АР Групп» и ЗАО «СМУ-77», благодаря которым мы можем видеть храм в целостном и качественном состоянии.

Архитектура храма была уникальной для Нижегородской области только лишь потому, что компоновка объема колокольни и объема центральной храмовой части с восьмериковым завершением, как равнозначных представляется редким приемом для всей культовой архитектуры. В периоде конца XVIII века таких церквей на территории Нижегородской области более не возводилось. Это было отмечено в исследовании В.А. Каравашкина: «Особенностью объемного построения церкви являлось формирование двух равнозначных вертикальных осей, образованных храмовой частью и колокольней, имеющих аналогичное ярусное построение, что создало уравновешенную композицию живописного силуэта» [3, стр. 128].

Успенская церковь представляет собой переходный тип храма исследуемого периода от долговременной барочной традиции к новому стилю – классицизм. Данный период характеризуется зарождением новых типов объемно-пространственных композиции, привнесение уникальных планировочных решений – центрических храмов и изменению декоративной составляющей. Стоит отметить к концу XVIII в. в столице господствовал «строгий» классицизм, и только первые объекты нового стиля появляются в Нижегородской губернии с явными реминисценциями не так далекого барокко.

Для всего русского классицизма существенным стало вхождение в общеевропейский культурный процесс, русские архитекторы внимательно изучали теоретические представления западноевропейских классицистов и ученых-историков, археологов и богословов о церковной архитектуре, которые были важнейшей частью западноевропейского архитектурного дискурса вообще [4]. Происходит процесс обучения профессиональных кадров и вовлечение их в провинциальное проектирование. Зодчие профессионалы расширяют объемно-пространственную типологию храмов, но большую распространенность получили храмы с завершением в виде ротонды. Данный тип характеризовался сочетанием кубообразного основания, цилиндрического барабана и венчающей сферы с главой.

Если мы возвратимся к Успенской церкви, мы вновь обнаружим уникальный прием построения внутреннего пространства с помощью «скрытой» ротонды. Ротондальные хра-

мы были маркером классицистических тенденций в храмовой архитектуре этого времени. В своем исследовании О.Б. Терешина выводит типологию ротондальных храмов классицизма [5, стр. 77], мы можем использовать для описания объекта эту классификацию, где Успенская церковь является примером «скрытой» ротонды. При этом внешний облик сооружения строится на барочной традиции соотношения объемов и построения ступенчатой композиции восьмерик на четверике. Ярусное построение объемов обрамляется объемным ордерный декором: северные и южные трехосные фасады дополняются вынесенными портиками с дорическими колоннами с утонченными вытянутыми пропорциями, придерживающие треугольные фронтоны. Тенденция к вертикализму в пропорциональном соотношении выдает во многом барочные реминисценции памятника, что также активно проявляется в построении восьмериковых завершений на ярусе звона колокольни и световом барабане над сводом объемом молельного зала, а также использовании люкарн и круглых шаров вместо главок.

В четкой планировочной симметричной схеме в поперечном направлении баланс разрушается введением прямоугольного алтаря с двусветным пространством. В целом планировка сводится к линейно-крестовой схеме, где поперечная ось проходит по развитой трапезной.

Основным декоративным мотивом оформления фасадов являются приоконный и имитирующие окна филенки и ниши. В ярусе восьмерика используются арочные проемы с выраженными архивольтами с замковыми камнями. Мы можем проследить «готические» влияния в архитектуре храма, выраженные в скульптурных башенках, выстроенных по углам второго и третьего ярусов восьмерика колокольни. Примечательный прием часто встречается в проектах «готического» стиля внутри классицизма [6].

Таким образом, памятник является уникальным образчиком синтеза барочных и классицистических традиций и задает вектор развития храмовой архитектуры классицизма на территории Нижегородской области. Успенский храм в Большом Болдино – это не просто архитектурное сооружение, а важнейший элемент культурного наследия России, который тесно связан с жизнью и творчеством великого поэта Александра Сергеевича Пушкина.

Список литературы

1. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 555. Д. 51. Л. 1.

2. Попадюк С.С. Неизвестная провинция : ист.-архит. исслед. / С. С. Попадюк. – Москва : УРСС, 2004. – 645 с. : ил.;

3. Каравашкин В.А. Каменное храмовое зодчество Нижегородской губернии XVIII века : учеб. пособие / Каравашкин Валерий Анатольевич, Шумилкин Сергей Михайлович ; Нижегород. гос. архит.-строит. ун-т. - Нижний Новгород : ННГАСУ, 2011. – 170 с.

4. Евсина Н. А. Русская архитектура в эпоху Екатерины II : Барокко-классицизм-неоготика / Н. А. Евсина; отв. ред. В. И. Тасалов; Рос. АН, Рос. ин-т искусствоведения М-ва культуры Рос. Федерации. – М. : Наука, 1994. – 219 с.

5. Терёшина О.Б. Типологическое многообразие ротондальных храмов России XVIII-XIX веков. //Вестник Южно-Уральского государственного университета. – журнал / учредитель: ФГАОУ ВО “Южно-Уральский государственный университет” (национальный исследовательский университет). – Челябинск : ЮУрГУ, 2013 г. – С. 76–80.

6. Швидковский Д. О., Есаулов Г. В., Карелин Д. А., Ревзина Ю. Е. Прошлое и будущее классической архитектуры: Монография. М. Архитектура. - С, 2017г. – 528 с., илл.

И.Г. Горностаева

**ПУШКИНСКИЕ ДНИ 1937 ГОДА
В СЕЛЕ БОЛЬШОЕ БОЛДИНО
(по материалам периодической печати)**

Пушкинская тема всегда была одной из приоритетных для нижегородского краеведения. Важную роль в увековечении памяти Пушкина сыграла Нижегородская губернская ученая архивная комиссия. В 1887 г. секретарь НГУАК П.А. Альбицкий в статье «Нижегородский период в жизни А.С. Пушкина» писал: «Обращаемся с покорнейшей просьбой к «болдинской сельской интеллигенции» – сообщать все, какие только можно найти, материалы, относящиеся к пребыванию Пушкина в Болдине. <...> Теперь еще не поздно; может быть, что-нибудь и возможно собрать...» [1].

К 100-летию юбилею А.С. Пушкина НГУАК была проведена большая работа по сбору материалов, на заседании архивной комиссии 4 марта 1899 г. А.И. Звездин представил доклады «О времени пожалования Пушкиным нижегородских вотчин» и «О подписке на первое посмертное издание сочинений А.С. Пушкина в Нижегородской губернии в 1837 г.» [2]. В периодике того времени можно встретить немало публикаций, посвященных поэту и его болдинскому имению. В этом же году в Нижнем Новгороде вышли книги Г. Родзевича и А. Лебедева, посвященные Пушкину [3].

Пушкинские дни проводились в Нижнем Новгороде в 1912 г. к памятной дате 75-летия со дня смерти поэта. В этом же году увидела свет книга А.И. Звездина «О Болдинском имении А.С. Пушкина в Нижегородской губернии и о пребывании в нем поэта в 1830-х годах» [4].

Деятельность НГУАК после 1918 г. продолжила Нижегородская археолого-этнологическая комиссия, которая не раз поднимала вопрос о сохранности имения в с. Б. Болдино. В 1928 г. была проведена кампания за объявление парка в с. Болдино государственным заповедником. В Болдино был командирован член НАЭК литературовед Н.А. Саввин. Результатом его поездки стала докладная записка, в которой говорилось о необходимости объявления парка в с. Болдино государственным заповедником и экскурсионным пунктом.

Книга Н.А. Саввина «Болдино и А.С. Пушкин» [5] вышла в 1929 г. в Нижполиграфе. В оформлении обложки книги принимал художник книги Н.В. Ильин. Работа Саввина была издана в связи с предстоящим столетием со времени приезда А.С. Пушкина в Болдино в 1829 г. В литературе ни до, ни после факт пребывания поэта в болдинском имении в 1829 г. не упоминался. Автор книги утверждает, что А.С. Пушкин был в Болдине четыре раза, хотя сам признает, что «нет никаких указаний в письмах Пушкина на это пребывание в октябре-ноябре в Болдино...». Празднование столетней годовщины пребывания А.С. Пушкина в Болдино состоялось в ноябре 1929 г. В фондах НГОУНБ сохранилась программа этого вечера [6].

В 1930-х гг. была развернута полномасштабная кампания по проведению столетия со дня гибели А.С. Пушкина. В декабре 1935 г. было издано постановление ЦИК об учреждении Всесоюзного Пушкинского комитета, следом были созданы подобные организации «на местах».

Большая работа по подготовке к юбилею велась в Горьковском крае. Был создан Горьковский краевой Пушкинский комитет, Горьковский крайисполком принял постановления «О проведении Пушкинских дней в г. Горьком» и «Об ознаменовании столетней годовщины со дня смерти величайшего русского поэта А.С. Пушкина». Создавались повсеместно Пушкинские комиссии, пушкинские уголки и кружки. Горьковские театры пересматривали свой репертуар, готовились к постановкам произведений Пушкина. Горьковская краевая библиотека проводила консультации и выставки.

В первом номере журнала «Горьковская область» за 1937 г. опубликована статья «Пушкинский юбилей и наши библио-

теки», в которой говорится о возросшем интересе читателей к творчеству Пушкина [7]. Горьковским библиотечным кол-лектором была подготовлена памятка «Пушкин», которая распространялась бесплатно по библиотекам и учреждениям культуры и образования [8]. В Горьковском областном издательстве в 1937 г. вышла книга «Пушкин в Болдине» [9].

В с. Б. Болдино, где находилась родовая усадьба Пушкиных, также велась работа по подготовке к знаменательной дате. При Б.-Болдинском райисполкоме была создана Пушкинская комиссия. В ее состав вошли председатель райисполкома П.И. Моторин, редактор районной газеты А.И. Кабаев, председатель колхоза М.С. Заказов, И.Х. Харитонов, А.А. Новиков.

Как готовился Б.-Болдинский район к Пушкинскому юбилею можно проследить на примере публикаций в районной газете «Колхозная трибуна», органе Б.-Болдинского райкома ВКП(б), райисполкома и райсовпрофа, за 1936–1937 гг. Подшивки газеты хранятся в отделе периодических изданий НГОУНБ.

В «Колхозной трибуне» от 15 января 1936 г. была опубликована передовица «Увековечение памяти великого Пушкина», в которой говорилось о состоявшемся в начале года пленуме Б.-Болдинского райисполкома. В целях увековечения памяти А.С. Пушкина было решено реставрировать Пушкинский сад, два дома, принадлежавших Пушкиным, очистить два пруда, воздвигнуть памятник А.С. Пушкину, рощу «Лучинник» объявить заповедником. Также было признано необходимым построить школу, дом социалистической культуры, дом колхозника, оборудовать образцовую библиотеку, организовать автотранспорт для сообщения с железнодорожной станцией Ужовка – Б. Болдино. Пушкинской комиссии было поручено составить план подготовки к 100-летию юбилею, и просить Горьковский краевой исполнительный комитет войти с ходатайством во ВЦИК о переименовании села Большое Болдино в село Пушкинское, а района – в Пушкинский [10].

В статье «Земляки А.С. Пушкина в Москве», опубликованной 12 февраля 1936 г., говорится об участии делегации от села Б. Болдино в совещании, организованном «Крестьянской газетой» и посвященной подготовке к юбилею на местах, связанных с именем поэта [11].

Заведующий культпропом П.А. Воронцов в своей статье «Благоустроим село Б. Болдино к столетней годовщине смерти А.С. Пушкина» писал: «Почти ликвидирована неграмотность и малограмотность. В Болдине построены электростанция, раймаг, ТОРГ, строится Дом Советов, новая школа, радиоузел,

общественная баня, улучшено помещение районной библиотеки, переделывается церковь под звуковой кинотеатр...» [12].

В «Колхозной трибуне» было опубликовано обращение к селькорам: «Ждем от вас писем, как у вас в колхозах организована подготовка к столетию со дня смерти А.С. Пушкина; что делают правления колхозов и культурные силы села, готовясь к этому большому юбилею» [13].

Выпуск «Колхозной трибуны» 30 октября 1936 г. был полностью посвящен А.С. Пушкину. Корреспонденты писали об организации кружков в школах и колхозах, о проведении семинара для комсомольцев района, о возросшем спросе населения на произведения Пушкина. Был размещен материал Дмитриева о приезде Пушкина в Болдинское имение в 1830 г. [14]. «Горьковская коммуна» 9 декабря 1936 г. в статье «Болдинские «патриоты» критиковала этот выпуск районной газеты за недобросовестность в освещении жизни и творчества А.С. Пушкина в болдинский период [15].

Село Болдино встречало знаменательный день пушкинской годовщины буквально преображенным – была построена к новому учебному году школа, дом культуры, дороги, фасады зданий были перекрашены, был произведен ремонт усадьбы, сельского жилого фонда. Отмечали изменившийся облик Болдина и в центральной прессе. В статье «Накануне Пушкинских дней в колхозном селе Болдино», опубликованной в газете «За индустриализацию» 4 февраля 1937 г. говорилось: «Болдино стало колхозным социалистическим селом, центром большого района Горьковского края...» [16].

Несколько материалов опубликовано в журнале «Молодой колхозник» за 1937 г. Это фотографии, на которых мы видим пруд и дом Пушкиных [17]. В статье «Село Горюхино» рассказывается о старом и новом облике села Б. Болдино [18], в этом же номере опубликованы воспоминания крестьян о Пушкине [19]. Не менее интересен рассказ И.Ф. Крючкова «Мы сберегли усадьбу», который делится воспоминаниями о крестьянских волнениях 1905 г. [20]. Во втором номере опубликован рассказ садовника болдинского сада И.Г. Куликова [21].

16 января 1937 г. в «Колхозной трибуне» был опубликован «План практических мероприятий Районного Пушкинского комитета по подготовке и проведению 100-летия со дня смерти А.С. Пушкина», где была прописана по пунктам программа праздничного дня 10 февраля 1937 г. [22].

16 и 17 января 1937 г. в Доме социалистической культуры им. М. Горького состоялась художественная пушкинская олимпиада самодельных кружков Б.-Болдинского райо-

на, подробный отчет был напечатан в «Колхозной трибуне» 3 февраля 1937 г. [23].

10 февраля вышел специальный номер газеты, посвященный 100-летию со дня смерти А.С. Пушкина [24].

О том, как проходили торжества 10 февраля в селе Б. Болдино, повествует статья В. Абросимова. В Болдино прибыли гости из соседних районов, г. Горького, Москвы, из Мордовии, в т. ч. делегация горьковских писателей. Состоялся митинг у дома Пушкина. Ответственный секретарь Горьковского отделения Союза писателей СССР А.М. Муратов от имени Горьковского областного Пушкинского комитета передал мраморную доску, которую председатель райисполкома П.И. Моторин укрепил на доме Пушкина [25].

Сводка с мест о проведении Пушкинских дней в Б.-Болдинском районе была напечатана в «Колхозной трибуне» 17 февраля 1937 г. [26]. А 18 февраля в статье «Что мы видели в Горьком» был опубликован рассказ участников делегации Б.-Болдинского района, побывавших на пушкинских торжествах в областном центре. Авторы статьи поделились своими впечатлениями о торжественном заседании в Областном театре оперы и балета [27].

О том, как проходила подготовка и проведение 100-летия со дня гибели А.С. Пушкина в с. Б. Болдино, говорится во «Временнике Пушкинской комиссии» за 1937 г.: «Теперь Болдино – культурный районный центр с электричеством, радио, кино, парком, клубом, библиотекой...», и далее: «В день столетия смерти поэта – 10 февраля 1937 года – в Болдине, помимо юбилейного торжественного заседания общественных организаций, был проведен большой карнавал, оформленный на темы произведений Пушкина...» [28].

В Горьковской области торжественно отметили пушкинскую годовщину 100-летия со дня смерти поэта. Нижегородское краеведение получило новый импульс к изучению обстоятельств приездов А.С. Пушкина на нижегородскую землю. В передовице «Пушкинские дни» газеты «Горьковская коммуна» от 5 февраля 1937 г. говорилось: «Смешно было бы думать, что Пушкинский юбилей начнется и кончится 10 февраля» [29]. Эта мысль наиболее точно выражает, то состояние пушкиноведения, которое сохраняется и в наши дни – интерес к Пушкину будет всегда.

Литература

1. Альбицкий, П. А. Нижегородский период в жизни А.С. Пушкина // Нижегородские губернские ведомости. 1887. №№ 13–16.

2. Журнал XLVIII заседания Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. 4 марта 1899 года. Нижний Новгород, [1899]. С. 16-17.

3. *Лебедев, А.* Александр Сергеевич Пушкин и его произведения. Нижний Новгород, 1899. 21 с. ; *Родзевич Г. И.* История последней болезни поэта А.С. Пушкина. Нижний Новгород, 1899. 18 с.

4. *Звездин, А. И.* О Болдинском имении А. С. Пушкина в Нижегородской губернии и о пребывании в нем поэта в 1830-х годах. Нижний Новгород, 1912. 24 с.

5. *Саввин Н. А.* Болдино и А. С. Пушкин / [оформитель: Н. В. Ильин]. Нижний Новгород, 1929. 51 с.

6. А.С. Пушкин в Болдине: программа вечера в память столетней годовщины пребывания А.С. Пушкина в Болдине. 1828-1929. [Нижний Новгород, 1929]. 4 с.

7. Пушкинский юбилей и наши библиотеки // Горьковская область. 1937. № 1. С. 121-123.

8. Пушкин. 1799-1837-1937 / сост. А. Елисеев, Н. Святицкая. Горький, 1936. 12 с.

9. Пушкин в Болдине: [сб.] / [общ. ред.: Н. С. Ашукин]. Горький, 1937. 566 с.

10. Увековечение памяти великого Пушкина // Колхозная трибуна. 1936. 15 янв.

11. *Беляевский М.* Земляки А.С. Пушкина в Москве // Колхозная трибуна. 1936. 12 февр.

12. *Воронцов П.* Благоустроим село Б. Болдино к столетней годовщине смерти А.С. Пушкина // Колхозная трибуна. 1936. 27 июня.

13. Колхозная трибуна. 1936. 13 окт.

14. Колхозная трибуна. 1936. 30 окт.

15. Болдинские «патриоты» // Горьковская коммуна. 1936. 9 дек.

16. Накануне Пушкинских дней в колхозном селе Болдино // За индустриализацию. 1937. 4 февр.

17. Болдино: фото Гущина // Молодой колхозник. 1937. № 1. С. 21; Пруд в Болдине: фото // Молодой колхозник. 1937. № 1. 2 с. обл.

18. Село Горюхино: фото Гущина // Молодой колхозник. 1937. № 1. С. 31-32.

19. Воспоминания крестьян // Молодой колхозник. 1937. № 1. С. 47.

20. Мы берегли усадьбу: рассказ И.Ф. Крючкова // Молодой колхозник. 1937. № 1. С. 48.

21. *Куликов И. Г.* «Люблю сей томный сад» // Молодой колхозник. 1937. № 2. С. 38.

22. План практических мероприятий Районного Пушкинского комитета по подготовке и проведению 100-летия со дня смерти А.С. Пушкина // Колхозная трибуна. 1937. 16 янв.

23. ...К нему не зарастет народная тропа: районная Пушкинская олимпиада кружков колхозной самодеятельности // Колхозная трибуна. 1937. 3 февр.

24. Сегодня 100-летие со дня смерти великого русского национального поэта Александра Сергеевича Пушкина // Колхозная трибуна. 1937. 10 февр.

25. *Абросимов В.* Пушкинские дни в Болдине // Колхозная трибуна. 1937. 13 февр.

26. Пушкинские дни в районе // Колхозная трибуна. 1937. 17 февр.

27. *Секачкин П. В.* Что мы видели в Горьком: (рассказ делегации нашего района, бывшей на Пушкинских торжествах в Горьком) / П. В. Секачкин, М. В. Шлепов // Колхозная трибуна. 1937. 18 февр.

28. Пушкинский юбилей 1937 года в Болдине // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Москва; Ленинград, 1937. Т. 3. С. 501-502.

29. Пушкинские дни // Горьковский рабочий. 1937. 5 февр.

М.П. Грачева

ГЛИНЯНАЯ ПОСУДА БОЛДИНСКИХ МАСТЕРОВ (на примере коллекции предметов из села Казариново Большеболдинского муниципального округа)

Культурное наследие болдинской земли необычайно богато и представляет большой интерес для исследователя. Оно связано не только с А.С. Пушкиным, но и с различными феноменами провинциальной и народной культуры. Ярким примером является глиняная посуда, изготовлявшаяся в селе Большое Казариново. В собрании Нижегородского музея-заповедника (далее – НМЗ) в 1980-е гг. сформировалась коллекция казариновских предметов, которая позволяет представить процесс развития гончарного промысла на различных этапах. Казариновская посуда поступала от мастеров, жителей села, а также в 1984 г. Ассортиментный кабинет Проектно-конструкторского бюро Управления художественных промыслов Горьковской области передал 13 единиц. Опираясь на эти предметы, проследим процесс трансформации промысла, начиная со второй половины XIX в. и до конца XX в.

Село Большое Казариново Сергачского уезда в XIX столетии относилось к гончарным центрам южной части Нижегородской области.

родской губернии, где производство было ориентировано на местный рынок и шло в свободное от сельскохозяйственных работ время. Это связано с высоким качеством местных почв и удаленностью от торгово-промышленных центров. Но несмотря на плодородные почвы, небольших крестьянских наделов все равно было недостаточно для обеспечения семьи, и кустарные промыслы оставались важным подспорьем в хозяйстве. Состояние гончарного промысла детально проанализировано в статье Н.И. Руновского «Гончарное производство в селе Большом Казариново» [1], которая вышла в десятом томе «Нижегородского сборника» в 1890 г. Автор пишет, что промыслом занимаются «спокон веку», так как у жителей есть потребность в посуде и на берегах реки Азанки, где стоит село, присутствует богатое месторождение глины. В селе не строятся специальных помещений для гончарства, все мастера работают в своих избах. Стоит обратить внимание на то, что используется ручной гончарный круг и одно изделие изготавливается в несколько этапов из двух и более кусков глины, с использованием техники налепа. После сушки переходят к лощению: с помощью лощилки – камешка-дикаря – на лицевую сторону сосуда наносятся светлые полосы. После обжига посуда приобретает темно-пепельный цвет с синеватым оттенком, а места, обработанные лощилкой, становятся хорошо заметными, приобретают блеск. Большое значение имеет информация о том, что на 1890 г. в селе изготавливалась «исключительно синяя посуда, без обливки» [1, с. 320], то есть технология глазурования не использовалась. Есть также указание на то, что казариновцы приглашали мастера из села Богородского Горбатовского уезда для обучения их применению поливы. Однако эта попытка не увенчалась успехом. В собрании НМЗ, действительно, к этому периоду относятся только чернолощечные изделия крупных форм: корчаги, кувшины и дойники.

После Октябрьской революции 1917 г. производство посуды продолжалось, советская власть поддерживала кустарей, обеспечивавших население бытовыми вещами, предлагая им объединяться в артели и кооперативы. Своя гончарная артель была и в Б. Казариново. При этом сам процесс производства претерпел серьезные изменения, определившие в дальнейшем развитие здесь гончарства: 1) в конце 1930-х гг. в селе стали использовать усовершенствованный ножной гончарный круг; 2) «секрет красной поливной посуды был открыт в 30-е годы одному из казариновских гончаров Ивану Егоровичу Мохрякову кем-то из приезжих гончаров. После этого стали казариновцы экспериментировать с различными поливами (гла-

зурями), и красная посуда заняла основное место в их ассортименте» [2, с. 227]. Но и традиционные изделия продолжали изготавливаться. Коллекция НМЗ это подтверждает: к данному периоду относятся как предметы чернолощеной керамики, так и поливная посуда, которая имеет орнаментацию, напоминающую традиционные рисунки, наносимые лощилкой.

Новый этап развития гончарства связан с ростом интереса к народным промыслам со стороны государства и общества в 1960-70-е гг. В 1968 г. колхоз «Борьба» выделяет в рамках своего подсобного предприятия отдельный гончарный цех [3]. Это был период расцвета, что отражает и собрание НМЗ. Коллекцию можно разделить на две части. Во-первых, предметы, которые цех выпускал для продажи. Они обычно полностью или частично поливные, красно-коричневого оттенка с белым волнистым орнаментом на тулове. Среди таких предметов можно встретить как традиционную посуду крестьянского хозяйства, например, кринки и горшки, так и вещи в городском стиле. Во-вторых, это выставочные образцы, выполненные в традиционной технике томления и лощения. Это работы мастеров П.А. Плащенко и И.Д. Никитина.

Одной из целей развития традиционного гончарного промысла именно в Б. Казариново было стремление к созданию сувенирной продукции для туристов, приезжающих в Болдино. Существовал даже проект расширения Болдинского музея в Казариново, где планировалось создать целый комплекс: дом гончара, горн и сувенирную лавку [4]. Но ему не суждено было реализоваться. В 1980-х гг. проявляются кризисные тенденции в развитии казариновского гончарного промысла. Проблемой номер один стало отсутствие учеников. Здесь показательны два случая. В 1987 г. в село приехали выпускники Абрамцевского художественно-производственного училища, но не остались работать из-за тяжелых жилищных условий и отсутствия творческой свободы [4]. В 1988 г. приехали два ученика уже из Горького, бывшие работники ГАЗа, Андрей Карманов и Константин Гордов [5]. В течение двух лет они учились у мастера Ивана Дмитриевича Никитина. После этого вернулись в Горький, где продолжили заниматься гончарством. Работы А. Карманова в собрании НМЗ представляют собой малые формы в традиционной казариновской технике чернолощеной керамики, они как бы в миниатюре повторяют работы гончаров XIX – начала XX вв.

Что касается гончарного производства в самом селе Б. Казариново, то в 1992 г. «цех передают одному из молодежных центров областного центра» [6]. Затем начинается бесконечный

процесс передач и переподчинений, нехватка материалов, задержки зарплаты. Но цех продолжает работать, причем в этот период отмечается, что мастера пользуются электрическим кругом. В 1994 г. в цехе не остается уже никого из первого состава. Только двое мастеров, Иван Васин и Александр Курнеев, изготавливают «на поток» горшки и крынки, вазоны для цветов. В 1995 г. цех встал. В этот момент Большеболдинское ПТУ № 66 предпринимает попытку использовать это предприятие в качестве учебного и выпускать гончаров-ангибировщиков. На некоторое время это оживило цех, но столкнувшись с серьезными экономическими проблемами в итоге он прекратил функционировать [7]. После закрытия цеха Иван Васин и его отец Михаил Иванович переходят к работе в домашней мастерской: «Старую избу приспособили они под мастерскую, и зимой, когда находится свободное время, делают на продажу глиняную посуду и сувениры: вазы, подсвечники, свистульки. Один работает на современном электрическом станке, другой – на старинном механическом» [8, с. 36-37].

Итак, развитие казариновского гончарства прошло несколько этапов во второй половине XIX-XX вв. В дореволюционный период Б. Казариново – небольшой центр изготовления глиняной посуды, ориентированный на местный рынок. В 1920-50-е гг. в селе существовала артель, затем гончары были частью подсобного предприятия колхоза, а сам процесс производства претерпел очень глубокие изменения. В 1960-80-е гг. промысел пережил подъем, связанный с созданием отдельного гончарного цеха при колхозе «Борьба». А конец 1980-х-1990-е гг. связаны с кризисом промысла, который выразился в закрытии цеха, сокращении количества мастеров и возвращении их к работе в домашних условиях.

Список литературы

1. *Руновский Н.И.* Гончарное производство в селе Большом Казаринове [Pottery production in the village of Bolshoy Kazarinov]. Нижегородский сборник. Т. 10. Н. Новгород, 1890. С. 313–328. (In Russian).
2. *Тарасова М.Н.* Казариновский гончарный промысел [Kazarinovskypottery]. Записки краеведов. Н. Новгород, 1991. – С. 227. (In Russian).
3. *Жуков В.* Казариновские сувениры [Kazarinsouvenirs]. Колхозная трибуна. 20 января 1968. №8. С. 3. (In Russian).
4. *Тарасова М.* Не крутится гончарный круг [The potter's wheel is not spinning]. Ленинская смена. 14 марта 1989. № 150. С. 3. (In Russian).
5. *Визгунова Э., Косолапов Г.* Последний гончар [The Last Potter]. Горьковская правда. 29 июня 1989. № 150. С. 3. (In Russian).

6. *Кузнецов В.* Гончары из Большого Казаринова [Potters from Bolshoy Kazarinov]. Нижегородские новости. 3 сентября 1992. С. 8. (In Russian).

7. *Крылов А.* Горшок – своими руками [Pot - with ownhands]. Земля Нижегородская. 20 мая 1995. № 20. С. 14. (In Russian).

8. *Жиркова Н. А.* К истории гончарного промысла села Большое Казариново [On the history of pottery in the village of Bolshoe Kazarinovo]. Пушкин на пороге XXI века: провинциальный контекст. Вып. 4. Арзамас, 2002. С. 36-37. (In Russian).

М.А. Дингес

О ДОКУМЕНТАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО АРХИВА НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ, СВЯЗАННЫХ С БИОГРАФИЕЙ И УВЕКОВЕЧИВАНИЕМ ПАМЯТИ А.С. ПУШКИНА

Прапрадед А.С. Пушкина, Юрий Алексеевич Ржевский, был нижегородским губернатором в 1720–1728 гг. Ржевские вели свою родословную от смоленских князей, владевших городом Ржевом. Княжеский титул они утратили, но в XVII в. отдельные представители рода занимали значимые посты в Московском государстве [1, с. 11].

Ю.А. Ржевский родился около 1674 г. Его семья была близка ко двору царевны Прасковьи Федоровны, супруги царя Ивана V, брата Петра. Об этом свидетельствуют и сохранившиеся в ЦАНО ее письма к Ю.А. Ржевскому, в которых она просит его позаботиться о принадлежавших ей мельницах. К нему она обращается как к хорошему знакомому: «Юрья Алексеевич, здравствуй с женой и с детьми на многие лета...» [2, л. 119-119 об.].

В 1718 г. по ходатайству епископа Нижегородского и Алаторского Питирима, Ржевский был командирован в Нижний Новгород для оказания тому помощи в борьбе с расколом, в первую очередь в сборе со старообрядцев двойного оклада. В январе 1720 г. он был назначен нижегородским вице-губернатором [3, с. 73–74]. Документы о деятельности Ю.А. Ржевского по сбору двойного оклада со старообрядцев в сотрудничестве с архиепископом Питиримом сохранились в архивном фонде Нижегородской духовной консистории.

Деятельность губернатора в других сферах отразилась в указах Петра I, которые отложились в фонде Коллекции Нижегородской губернской ученой архивной комиссии: следить за поставками казенной соли, распоряжаться заготовкой и

сплавом леса, надзирать за обучением крестьян убирать хлеб не серпом, а косой, создать в Нижнем Новгороде верфь для постройки морских судов [4; 5].

В этот же период была достроена новая церковь «на верхнем посаде против Дмитриевских ворот кремля» в память Алексея Митрополита. В синодик этой церкви был записан род Ржевского, упомянуто и о его богатом вкладе: «По сих родителех дано в настоящую церковь иконостас (столярной) и царские двери, и евангелисты серебряные, еще два образа местные, один пресвятые Богородицы всех скорбящих, другой Гурия, Саммона ит Аввива, великомученицы Екатерины» [6, л. 30 об.].

В фондах ЦАНО сохранились документы, освящающие историю знаменитой Большеболдинской усадьбы. В архивном фонде Нижегородской духовной консистории имеются документы об освящении вновь построенной Успенской церкви: прошение служителя имения Ольги Васильевны Пушкиной (вдовы Льва Александровича Пушкина) Ивана Александрова епископу Нижегородскому Дамаскину об освящении вновь построенной Успенской церкви от 4 июля 1791 г. [7, л. 1-1 об.] и рапорт благочинного смотрителя об освящении церкви от 30 сентября 1791 г. [8, л. 1].

После смерти О.В. Пушкиной в 1802 г., совладельцами имения стали отец поэта – Сергей Львович, и его дядя – Василий Львович. Материалы о наследовании имения в это и последующее время сохранились в архивном фонде Нижегородской губернской палаты гражданского суда.

В фонде Нижегородского губернского дворянского депутатского собрания сохранилось описание Болдинского имения Сергея Львовича Пушкина: 563 души, «...промышленность крестьян состоит в хлебопашестве, торговле и плотничестве, сбыт производится в губернском городе Нижнем Новгороде, в селе Лыскове и по базарам, в окрестных селениях находящихся. В дачах протекает река Азанка, при коей и селение находится». Имение ежегодно доставляло до 17 тысяч рублей [9, л. 12-15.].

Неподалеку находилось другое имение Пушкиных – Кистенево. В конце XVIII в. оно принадлежало сыновьям Льва Александровича Пушкина от первого брака. Они умерли бездетными, и имение досталось Сергею и Василию. В сентябре 1825 г. они приехали в Кистенево оформлять ввод во владение. В фонде Сергачского земского суда сохранилось объявление В.Л. и С.Л. Пушкиных на их дворового человека Д.Е. Лисина в намерении начать изготовление фальшивых монет [10, л. 5-5 об.].

С сельцом Кистенево связан и приезд А.С. Пушкина: незаложенную часть имения – 200 душ крепостных – Сергей Львович выделил сыну по случаю его женитьбы. Существовал определенный порядок оформления прав на получаемое имение – «ввод во владение». Для этого Пушкин и приехал в Болдино осенью 1830 г. Хлопотать по этим делам он поручил дворовому человеку Петру Александровичу Кирееву: 11 сентября он подал прошение Пушкина в Сергачский уездный суд о вводе его во владение. 16 сентября в Кистенево состоялся «ввод»: в присутствии уездного дворянского заседателя Григорьева были собраны крестьяне, Пушкин подписал составленный Григорьевым «вводный лист», то есть дал расписку уездным властям в приеме имения в свое владение.

Этот документ был выявлен зимой 1974 г. выдающимся историком-архивистом Н.И. Куприяновой, в фонде Сергачского уездного суда, в деле «Вводные листы на владение имениями и пахотными землями татар по Сергачскому уезду за 1830 год». Дело начиналось и заканчивалось документами на татарском языке, а между ними были три листа – вводный лист и крестьянская присяга. Соответствующее дело уже хранилось в Пушкинском доме – но без трех листов, которые нашлись в Государственном архиве Горьковской области [11, с. 86–89]. В 1978 г. они были переданы в Пушкинский дом [1, с. 37].

Но у нас остались другие два документа с автографом А.С. Пушкина, выявленных Н.И. Куприяновой. Речь идет о «верющих письмах», то есть доверенностях. Дело в том, что крестьяне нужны были Пушкину не сами по себе: ему нужны были деньги, а для их быстрого получения имение нужно было заложить. Процедура залога была сложной и занимала больше времени, чем ввод во владение. Ссуда выдавалась только после того, как уездные, а затем губернские власти удостоверили, что имение действительно принадлежит данному помещику и не состоит под запрещением, то есть владелец не должен ни казне, ни частному лицу. Эти хлопоты вновь принял на себя дворовый Петр Александрович Киреев, на которого А.С. Пушкин написал две доверенности – два «верющих письма». Но и их необходимо было заверить в Сергачском уездном суде. Неопытность Пушкина-помещика привела к тому, что ему пришлось съездить в Сергач дважды. Первый раз 19 сентября, для удостоверения «верющего письма» для палаты гражданского суда: там должны были выдать свидетельство, что имение не находится под залогом. Второй раз – 4 октября, для казенной палаты, которая собирала с владель-

цев подушный оклад за крестьян, для оформления собственности на имение.

Приезд А.С. Пушкина в Нижегородскую губернию и знаменитая «Болдинская осень» совпали с эпидемией холеры. В списке «дворянам, назначенным в разные должности для пресечения эпидемической болезни холеры» по Лукояновскому уезду в числе 12 попечителей кварталов значится и коллежский секретарь А.С. Пушкин [12, л. 35]. Попечителям кварталов вменялось в обязанность немедленно изолировать заболевших и о случаях заболевания сообщать попечителю отделения или участка. Правда, поэта тяготили эти обязанности, и к концу октября он добился снятия с себя должности квартального попечителя.

В архивном фонде Нижегородской губернской чертежной имеется ряд планов с. Большое Болдино за более поздний период [13].

Сохранились формулярные списки дальнейших владельцев Большеболдинской усадьбы: Льва Сергеевича Пушкина [14, л. 19 об. – 20.], Анатолия Львовича Пушкина [15], Льва Анатольевича Пушкина [16].

В фонде Канцелярии инспектора народных училищ сохранилась переписка по организации торжественных мероприятий в честь 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина [17], отчеты учителей о проведении празднования в школах [18].

В начале XX в. возникла идея о передаче усадьбы в ведение государства для сохранения зданий и предметов старины, связанных с именем А.С. Пушкина. В фонде Канцелярии директора народных училищ имеется описание усадьбы к 1911 г., план главного дома [19].

В документах Земельного отдела Нижгубисполкома сохранился приговор Болдинского сельского общества от 11 апреля 1918 г. о взятии усадьбы на «предохранительный учет» (текст приговора записан И.В. Киреевым) [20, л. 6-7]. В составе объединенного архивного фонда Краеведческие организации отложились переписка с Академией наук СССР о сохранении большеболдинского парка [21, л. 144; 22, л. 131-131 об.].

Материалы по организации отмечания 100-летия со дня смерти А.С. Пушкина отложились в фондах Горьковского крайисполкома и отделах народного образования.

Историю создания и развития Музея-заповедника А.С. Пушкина «Болдино» можно проследить по решениям Горьковского облисполкома, по отчетам музея, которые отложились в фонде Министерства культуры Нижегородской области.

Таким образом, в Центральном архиве Нижегородской области сохранилось большое количество документов, связанных с именем А.С. Пушкина, его предками, родственниками и потомками. Документы органов власти позволяют исследовать мероприятия по увековечиванию памяти великого поэта. Сохранившиеся материалы позволяют и в дальнейшем расширять наши знания о связях А.С. Пушкина с нижегородской землей.

Список литературы

1. *Куприянова Н.И.* К сему: Александр Пушкин. Горький, 1988.
2. ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602а. Д. 47а.
3. *Морохин А.В.* Архиепископ Нижегородский и Алаторский Питирим: церковный деятель эпохи перемен. Нижний Новгород, 2009.
4. ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602а. Д. 47А.
5. Там же. Д. 48А.
6. Там же. Ф. 570. Оп. 4. Д. 1151.
7. Там же. Оп. 555. 1791 г. Д. 51.
8. Там же. Д. 51.
9. Там же. Ф. 639. Оп. 124. Д. 3114.
10. Там же. Ф. 161. Оп. 109. Д. 1033.
11. *Куприянова Н.И.* Осень 1830-го (Архивные находки) // Записки краеведов. Горький, 1975.
12. ЦАНО. Ф. 639. Оп. 124. Д. 3103.
13. Там же. Ф. 829. Оп. 676а. Лукояновский уезд. Д. 191.
14. Там же. Ф. 639. Оп. 126. Д. 9773. Л. 19 об. – 20.
15. Там же. Д. 9774.
16. Там же. Ф. 639. Оп. 126. Д. 9775.
17. Там же. Ф. 506. Оп.409. Д. 233.
18. Там же. Д. 231.
19. Там же. Ф. 505. Оп. 408. Д. 2386.
20. Там же. Ф. Р-121. Оп. 1. Д. 339.
21. Там же. Ф. Р-993. Оп. 1. Д. 6.
22. Там же. Ф. Р-993. Оп. 1. Д. 9.

А.Г. Дмитриева

ОБЗОР АРХИВА Т.Г. ЦЯВЛОВСКОЙ ИЗ СОБРАНИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО МУЗЕЯ А.С. ПУШКИНА

Архив Татьяны Григорьевны Цявловской поступил в Рукописно-документальный фонд Всероссийского музея А.С. Пушкина в 1978 г. через Марину Витальевну Бокариус. Документы, сформировавшие фонд Татьяны Григорьевны, были систематизированы и обработаны Татьяной Георгиевной Александровой, хранителем Рукописно-документального фонда и главным хранителем музея с 1993 по 2011 гг. Они

были разделены на пять разделов: документы к биографии, выписки, рукописи, письма и «документы, отложившиеся в фонде». Всего архив состоит из 50 единиц хранения.

В документы, относящиеся к биографии Т.Г. Цявловской входят ее автобиография, перекидной календарь на 1977 г., по просьбе Марины Витальевны взятый с рабочего стола Татьяны Григорьевны после ее смерти, записные книжки, тетрадь с записью планов предстоящих работ и личные фотографии.

Автобиография Т.Г. Цявловской с ее подписью и листок учета кадров фиксируют уже известные факты биографии: обучение в Институте истории искусств в Петербурге, которое прервала Первая мировая война, совместной работы с будущим мужем, Мстиславом Александровичем Цявловским и т.д.

В фонде хранится записная книга, в которую Т.Г. и М.А. Цявловские вносили данные о начале и окончании работ по написанию и редактированию различных изданий, статей, рецензий, лекций, записывали полученное за них жалование и оставляли комментарии о выходе в свет научных трудов с июля 1935 г. по февраль 1941 г. Этот удивительный документ фиксирует масштаб работы Цявловских над пушкинской темой. Татьяна Григорьевна отмечала в книге и совместную работу с Михаилом Дмитриевичем Беляевым, одним из создателей первого музея А.С. Пушкина на Мойке, 12. Отдельно в книге выделена организация работы в Музее А.С. Пушкина, связанная с изданием «Летописи жизни и творчества А.С. Пушкина» в период с 1 октября 1938 г. по 10 июня 1939 г.

Одна из тетрадей, названная Татьяной Григорьевной «Предстоящие работы», начинается фразой: «Что бы я должна была бы сделать в жизни (записала 28 января 1968)». Список состоит из 18 пунктов, в частности, упоминается корректура книги «Рисунки Пушкина», издание второго тома «Летописи жизни и творчества А.С. Пушкина» и написание третьего тома, издание всех рисунков Пушкина, идеи для нескольких работ по письмам Е.М. Хитрово к А.С. Пушкину и В.Л. Пушкина к П.А. Вяземскому и т.д. 13 марта 1970 г. Цявловская написала рядом со списком: «Из 18 работ за 2 года сделала 6».

Есть в фонде и еще одна записная книжка, очень личная и трогательная, – с цитатами из разговоров Татьяны Григорьевны с актрисой Фаиной Георгиевной Раневской. Несмотря на то, что выписки из телефонных разговоров носят фрагментарный характер и, видимо, делались непосредственно в момент разговора или сразу после него, часто неразборчиво написаны, они несомненно представляют интерес. Например, в марте

1976 г. Татьяна Григорьевна записала историю, рассказанную Раневской об Анне Андреевне Ахматовой: «Анна Андреевна сказала мне однажды: я не знаю второго человека, который бы так реагировал на искусство. <...> Я читала «Войну и мир», упала на пол и катаюсь. Моя приятельница прибежала: «Что с тобой?» – Не пугайся, я читаю «Войну и мир». Она рассказала об этом Анне Андреевне. Вот тогда то, она и сказала о моей реакции на искусство. Я очень горжусь этим. Всё вспоминает Ахматову. Часто думает: надо Анне Андреевне рассказать (прошло 10 лет с ее смерти). Хотела бы, чтобы показали по телевизору «Штурм» Билль-Белоцерковского. Она там играет Маньку. Анна Андреевна такое сказала об этом исполнении, что она не может повторить».

А 27 ноября Татьяна Григорьевна оставила запись: «Позвонила Раневская, долго говорила. Играет. Играть нечего. Самое сильное чувство сейчас – это совесть, чувство вины, и больше всего перед людьми, которых уже нет, которым она не может покаяться».

В перекидном календаре за 1977 г. Татьяна Григорьевна отмечала телефонные разговоры, встречи с друзьями и близкими, важные события, фиксировала этапы своей научной работы над различными статьями и книгами. Так, 22 января 1977 г. Татьяна Григорьевна записала: «Продолжается работа над Летописью», 25 марта: «Приходил курьер из “Искусства”, взял мою рукопись “Рисунков Пушкина”», 12 августа: «Читаю: Анна Ахматова. О Пушкине», а 11 ноября, в день смерти мужа, написала: «30 лет со смерти Мстислава».

В телефонной книге Татьяны Григорьевны множество номеров и адресов – это М.Г. и Н.С. Ашукины, И.Л. Андронников, С.М. Бонди, И.С. Зильберштейн, Я.Г. Зак, Н.Я. Эйдельман, С.С. Гейченко, А.З. Крейни многие другие. На фотографиях она запечатлена Пушкинской конференцией в ИРЛИ в 1959 г. и в Малеевке в 1971 г.

Ценнейшей частью архива являются рукописи Татьяны Григорьевны. В первую очередь, это, конечно, материалы, которые относятся к работе над «Летописью жизни и творчества А.С. Пушкина», которую без преувеличения можно назвать делом жизни Татьяны Григорьевны. На протяжении многих лет М.А. и Т.Г. Цявловские составляли картотеку библиографических материалов об А.С. Пушкине, были и две дополнительные картотеки – контрольная и картотека итинерариев [1, с. 355]. Эти бесценные и сегодня для исследования жизни и творчества Пушкина материалы хранятся в Государственном музее А.С. Пушкина в Москве и Институте мировой литера-

туры имени А.М. Горького, они опубликованы в трехтомном издании под названием «Материалы к летописи жизни и творчества А.С. Пушкина» [2]. Татьяна Григорьевна написала подробную статью о работе над «Летописью», ее черновой вариант с многочисленными правками сегодня хранится в нашем музее. Нельзя не упомянуть и о папке с выписками и черновыми записями Т.Г. под названием «Летопись жизни и творчества Пушкина. Дополнительные материалы», которая включает почти сто листов машинописного и рукописного текста.

В фонде также хранятся рукописные исправления ко второму изданию книги «Пушкин в печати», тетрадь с текстом доклада о вопросах издания лирики Пушкина, машинописная рецензия Т.Г. на статью Б.В. Томашевского «Автопортреты Пушкина», черновые варианты статей для иллюстрированного приложения «Неделя» к газете «Известия», текст телепередачи об автографе стихотворения Пушкина «Красавица», заметки о возможных местонахождениях рукописей поэта и другие не менее интересные материалы.

К разделу «Выписки» Татьяна Георгиевна Александрова отнесла различные вспомогательные материалы Т.Г. Цявловской для ее научной работы. Это несколько тетрадей, в которые Татьяна Григорьевна заносила сведения о Пушкине из зарубежных изданий XIX-XX вв., журналов за 1829 г., записывала конспекты докладов и т.д.

Писем в фонде Т.Г. Цявловской не так много, в основном это обращения по рабочим вопросам – к сотруднице ИМЛИ им. А.М. Горького, открытка с поздравлением к Новому году от художницы В.Д. Семеновы-Тян-Шанской и письмо от П.Н. Беркова, литературоведа и сотрудника ИРЛИ.

Два письма из архива имеют большую ценность для нашего музея – это письма Татьяны Григорьевны к Марине Николаевне Петай, директору Всесоюзного музея А.С. Пушкина с 1965 по 1988 г., от 30 и 31 января 1967 г. Дело в том, что в 1965 г. музей получил бесценный дар от коллекционера Павла Викентьевича Губара – подлинный рисунок А.С. Пушкина. Вероятно, Марина Николаевна обратилась к Цявловской с просьбой высказать свое профессиональное мнение о его подлинности. Татьяна Григорьевна, специалист по рисункам поэта, подтвердила, что подаренный музею рисунок принадлежит руке Александра Сергеевича. По ее мнению, несмотря на то, что сомнение может вызвать непривычная штриховка, кажущаяся «чуждой легким, свободным рисункам Пушкина», она «быстрая и точная» и встречается в его графике, а уж лица

изображенных и вовсе снимают все сомнения в подлинности. В конце письма Т.Г. просит прислать ей фотографию с рисунка для публикации изображения в своей книге.

Примером трепетного отношения к А.С. Пушкину и его творчеству может служить письмо Татьяны Григорьевны в редакцию газеты «Неделя», где в номере № 23 за 1966 г. была опубликована ее статья о рисунках Пушкина. Цявловская пишет о том, что некоторые изображения в статье напечатали, а ее текст об изображенных из статьи убрали, но больше всего Т.Г. возмутил рисунок А.С. Пушкина, который она в редакцию не отправляла: «Наконец, – и это – самое главное, – редакторы – местные «любители» и «знатоки» Пушкина – находят где-то фото рисунка поэта, мною не послышавшегося и не имеющего никакого отношения к моей статье, печатают его – вместе со статьей, и <...> аннотируют: «А.С. Пушкин. “Автопортрет”». Кто же это произвел Пушкина в офицеры? Давно ли наградил он его орденами? где это узрел он у великого поэта такое незначительное лицо? такой выпуклый лоб? Товарищи! Это – портрет брата Пушкина! Льва Сергеевича!!! Он и воспроизводится, начиная с 1880 года, в качестве портрета Л.С. Пушкина. На каком основании допускается такая самостоятельность? И кто этот проказник? Он продемонстрировал не только свое невежество, не только пренебрежение к автору, но и залихватско-панибратское, развязное обращение с Пушкиным».

Татьяна Григорьевна потребовала поместить в ближайшем выпуске исправление ошибки, а позже от руки дописала: «Не напечатали».

Несмотря на разрозненность представленных в статье документов, данный архив имеет большой научный потенциал и требует детального изучения. В этом контексте нельзя не упомянуть выставку с очень точным названием – «Они жили Пушкиным...», проходившую во Всероссийском музее А.С. Пушкина в 2018 г. На ней были представлены документы и рукописи, фотографии, мемориальные вещи и книги из собрания Цявловских. Нельзя не упомянуть и статью В.С. Козловской; «Работа – жизнь, и жизнь – работа...», которая в основном посвящена книгам Цявловских, однако в ней приведены сведения и об упомянутых в этой статье документах из Рукописно-документального фонда музея [3].

Список литературы

1. Цявловская Т.Г. О работе над «Летописью жизни и творчества Пушкина» / Т.Г. Цявловская // Пушкин. Исследования и материа-

лы. Труды Третьей Всесоюзной Пушкинской конференции. М.-Л., 1953. С. 352-386.

2. Материалы к летописи жизни и творчества А.С. Пушкина, 1826-1837 : Картотеки М.А. и Т.Г. Цявловских / Гос. музей А.С. Пушкина и др. ; [Текст подгот. Е.В. Гарбер]. М. : Наследие, 1998.

3. Козловская В.С. «Работа – жизнь, и жизнь – работа...» Памяти Мстислава Александровича и Татьяны Григорьевны Цявловских / В. Козловская // Невский библиофил, 2018. Вып. 23. С. 61-80.

Н.С. Ермаков

ЧЕСТВОВАНИЕ ПАМЯТИ А. С. ПУШКИНА В ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В СТОЛЕТНЮЮ ГОДОВЩИНУ ЕГО РОЖДЕНИЯ

*Два чувства равно близки к нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

А.С. Пушкин

Данный вариант стихотворения великого русского поэта. А.С. Пушкина стал темой выпускного экзамена по русскому языку на аттестат зрелости учеников Пензенской первой мужской гимназии в 1899 г. Несомненно, любовь и сохранение памяти об истории, памяти предков является одной из важнейших задач не только архивных работников, но и всего общества. Как же проходило чествование памяти А.С. Пушкина? Какие вызовы стояли перед государством и обществом?

26 мая (6 июня по н. ст.) 1899 г. исполнялось 100 лет со дня рождения А.С. Пушкина. Предтечей приближающегося праздника стали подписные листы и специальные книжки для сбора пожертвований, рассылаемые из Псковской губернии в различные уголки империи. Письмо председателя губернского дворянского депутатского собрания Псковской губернии Н.И. Новосильцева к директору Пензенской первой мужской гимназии, письмо земского начальника 1-го участка Опочецкого уезда П.Ф. Карпова к пензенскому губернатору А.В. Адлербергу, копия письма попечительства учреждений в память А.С. Пушкина (без адресата) – все эти сообщения содержали просьбу о внесении пожертвований на благоустройство родового имения А.С. Пушкина – Михайловского, памятника на его могиле в Святогорском Успенском монастыре в Святых

Горах (ныне – Пушкинские Горы) Опочецкого уезда, а также богадельни и народной читальни, названной в его честь.

Интерес общества к надвигающемуся юбилею не остался незамеченным различными издательствами и предпринимателями. В Пензенскую городскую думу активно рассылались рекламные листы и брошюры с призывом приобрести юбилейные издания произведений и биографии А.С. Пушкина. В частности, Санкт-Петербургский комитет попечения о сестрах Красного Креста сообщил об издании «Сказки о рыбаке и рыбке» с иллюстрациями художника А.Ф. Афанасьева в пользу больницы и курсов при общине Св. Евгении, книжный магазин Е.П. Распопова в г. Одессе предлагал приобрести книгу Н.М. Ерошенко «Пушкин в музыке или обзор всех произведений поэта, вдохновивших русских композиторов», фирма Ф. Швабе из г. Москвы – картины для волшебного фонаря с изображениями А.С. Пушкина и персонажей его произведений.

К встрече столетнего юбилея А.С. Пушкина готовились различные органы власти, учебные заведения, представители обществности Российской империи. Не осталась в стороне и Пензенская губерния. 7 марта 1899 г. под председательством губернатора А.В. Адлерберга была создана комиссия по подготовке программы праздника. 9 марта Пензенская городская дума учредила особую комиссию под председательством городского головы Н. Т. Евстифеева. На членов комиссии легла ответственная миссия по разработке программы праздника и решение ряда других вопросов.

Первое собрание комиссии состоялось 29 марта 1899 г., где был представлен первый вариант программы праздника, составленный Общественной библиотекой им. М.Ю. Лермонтова, и позднее неоднократно дорабатывавшийся. На следующем собрании 1 апреля 1899 г. комиссия запланировала затраты на проведение торжеств: на раздачу книг и брошюр – 400 руб., на детский праздник – 400 руб., на декорации в дворянском собрании – 400 руб., на пособие театру за 2 спектакля – 200 руб., на приобретение бюста А.С. Пушкина и другие расходы – 100 руб., всего – 1500 руб.

Во время заседания Пензенской городской думы от 6 апреля 1899 г. был рассмотрен вопрос о присвоении улице Большой Фёдоровке наименования Пушкинской и устройстве одноименного бульвара на протяжении улицы. Решение о переименовании было принято большинством голосов (22 против 3). Переименование стало знаковым событием в истории

Пензы, а улица Пушкина и сегодня является одним из самых любимых уголков жителей города.

16 апреля 1899 г. Пензенская городская дума направила проект праздника по чествованию памяти А.С. Пушкина на имя губернатора А.В. Адлерберга на 26, 27, 28 и 30 мая.

Программа на 26 мая. Проведение панихиды по А. С. Пушкину в Спасском кафедральном соборе г. Пензы. Затем – акт для начальных городских училищ в зале Пензенской городской думы, на котором, кроме почётных гостей, должны были присутствовать все окончившие курс данных училищ, а также ученики и ученицы, удостоенные наград. Для отличившихся учеников была запланирована раздача наград и похвальных листов с портретами А.С. Пушкина.

Вечером 26 мая, в 19:00 – торжественное открытие общества взаимопомощи учащим и учившим начальных училищ Пензенской губернии в здании Пензенского дворянского собрания, а также выступление данного общества с ходатайством о присвоении ему наименования Пушкинского. В этом же здании, с 20:30 – торжественное собрание представителей различных ведомств и учреждений с чтением речей, рефератов, а также посылкой приветственных телеграмм в Академию наук, Общество любителей российской словесности при Императорском Московском университете и Комитету по чествованию А.С. Пушкина в г. Пскове.

Программа на 27 мая. С 13:00 – литературное утро и детский праздник для воспитанников училищ: начальных городских, уездных, церковно-приходских, при фабрике товарищества П.В. Сергеева, ремесленных школ грамоты и детских приютов, – в помещении сельскохозяйственной выставки с раздачей книг и брошюр. В это же время запланировано проведение литературного утра в зале дворянского собрания, повторяющее прошедшее вечером 26 числа. Вечером – парадный спектакль в народном театре по программе драматического кружка.

Вечер 28 мая – повторение спектакля в здании народного театра исключительно для воспитанников средних учебных заведений.

30 мая – народный праздник на территории сельскохозяйственной выставки с раздачей афиш и портретов А.С. Пушкина с оплатой от 3 до 5 коп.

По рапорту саранского уездного исправника к пензенскому губернатору от 4 мая 1899 г., план чествования памяти А.С. Пушкина в г. Саранске состоял из следующих пунктов: насаждения Пушкинской аллеи и открытии бюста поэта в

нижнем сквере; проведение народного чтения и концерта (спектакля) 27 мая 1899 г. Пушкинский парк и бюст поэта сохранились до настоящего времени, являясь знаковым местом для жителей и гостей столицы Республики Мордовия.

В ходе подготовки к празднику Пензенской городской думой был подготовлен следующий приветственный адрес: «Сегодня думы каждого русского невольно обращаются к тому пустынному уголку, где наш великий поэт Александр Сергеевич Пушкин то жил как узник, то иногда, покинувши роскошные пиры, забавы и заблуждения, находил для себя приют спокойствия, трудов и вдохновения на те гениальные творения, которыми он пробуждал чувства добрые, милость к падшим призывал и искренно желал видеть народ освобожденный. Горячий привет шлет Пензенское городское общество тебе, счастливый уголок, давший приют гению земли русской. Да почитет прах его с миром, а память о нем будет вечно в сердцах наших!». К сожалению, данный текст не сохранил адрес принимающей стороны, но из смысла текста и отсылок из вышеупомянутых планов проведения праздника можно предположить, что он готовился для отправки в г. Псков, ведь именно Псковская губерния была местом ссылки, активного творчества (усадебка Михайловское) и упокоения праха (Святогорский Успенский монастырь в Святых Горах) А.С. Пушкина.

Само празднование юбилея произошло без особых эксцессов, но и здесь были свои исключения. Так мокшанский уездный исправник 31 мая 1899 г. рапортовал о проведении праздничных мероприятий 27 мая в г. Мокшане: «в ополченческих казармах любителями был устроен спектакль с постановкой пред сценой бюста Пушкина, окруженный цветами; на этом спектакле при декорации были прочитаны некоторые сочинения из произведений Пушкина и сыграна комедия Островского... ..спектакль по случаю дождя посетили немногие, который был далеко от города, а в Мокшане извозчиков нет...». Письма управления по хозяйственной части 50-й пехотной резервной бригады от 31 мая 1899 г. сообщало, что экстренно вызванные на открытие Пушкинского сквера в Пензе музыканты оркестра Мокшанского батальона остались без обеда, а также попали под дождь и вымочили все ноты. Само торжество из-за дождя также не состоялось.

Любые праздничные мероприятия немислимы без затрат на их проведение. 4 июня 1899 г. в Пензенскому городскую думу поступил счет от кондитерской Н.А. Войнова общей

суммой в 281 руб. 05 коп. за 2555 пирогов и 12775 пряников, розданных ученикам на празднике 27 мая. Всего же на покупку раздаточных книг, печать программ, оплату декораций, артистов и хора, устройство праздника и другие расходы было потрачено 1457 руб. 75 коп.

Отходя от темы праздника нельзя не упомянуть и программы учебных заведений г. Пензы в 1898–1899 учебном году, в которых достойное отражение нашли биография и творчество великого поэта. Программа по русскому языку Пензенского реального училища отводила в течение III четверти 4 темы (с 9 по 12) на разностороннее изучение биографии и творчества А.С. Пушкина. Сохранились и билеты по теории словесности Пензенской первой мужской гимназии для VIII класса на 1899 г. с темами, посвященными творчеству А.С. Пушкина.

Учебные заведения старались увековечить А.С. Пушкина в умах учеников с помощью произведений искусства. В 1899 г. Пензенскому художественному училищу им. Н.Д. Селивёрстова были заказаны и отправлены гипсовые бюсты поэта в учебные заведения Пензенской губернии: 3 уездных (Пензенское, Городищенское и Мокшанское), 7 городских (Краснослободское, Нижнеломовское, Керенское, Наровчатское, Чембарское, Инсарское, Саранское) и 1 сельское (Николо-Пёстровское).

В заключение важно отметить, что Пензенский край достойно встретил 100-летний юбилей великого русского поэта, а память об этом событии до сих пор жива благодаря топонимам г. Пензы и Саранска.

Список литературы

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 58. Оп. 1. Д. 263 Л. 99.
2. ГАПО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 255. Л. 54.
3. Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7002. Л. 1–1об.
4. Там же. Л. 10–10об.
5. Там же. Ф. 109. Оп. 1. Д. 478. Л. 10–10об., 37, 38об, 38а, 39–40.
6. Там же. Ф. 108. Оп. 1. Д. 686. Л. 15–15об.
7. Там же. Ф. 109. Оп. 1. Д. 478. Л. 19.
8. Там же. Л. 31, 32.
9. Там же. Ф. 108. Оп. 1. Д. 686. Л. 23, 24, 24об., 25об.
10. Там же. Ф. 109. Оп. 1. Д. 478. Л. 19. Л. 34–35об.
11. Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7001. Л. 27–27об.
12. Там же. Ф. 109. Оп. 1. Д. 478. Л. 70об.–70А.
13. Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7002. Л. 54–55.
14. Там же. Ф. 109. Оп. 1. Д. 478. Л. 164.
15. Там же. Ф. 109. Оп. 1. Д. 478. Л. 88.

16. ГАПО. Л. 167–171.
17. Там же. Ф. 142. Оп. 1. Д. 71. Л. 1, 2.
18. Там же. Ф. 58. Оп. 1. Д. 263. Л. 115–115об.
19. Там же. Ф. 120. Оп. 1. Д. 29. 17, 17об.

Б.Ц. Жалсанова

**А.С. ПУШКИН В ТВОРЧЕСТВЕ
ЦЭДЭНА ГАЛСАНОВА
(по документам фонда госархива Бурятии
«Цэдэнов Галсан Цэдэнович (1917-1992) –
народный поэт Бурятии»)**

«Александр Сергеевич Пушкин пришел в Бурятию с декабристами», – об этом пишет народный поэт Бурятии, один из исследователей творчества великого поэта, переводчик его произведений на бурятский язык Цэдэн Галсанов. На самом деле, надо отметить, что Александр Пушкин был тесно связан с Бурятией задолго до его рождения, потому что его знаменитый прадед – «арап» Петра Первого, Абрам Петрович Ганнибал, после смерти царя впал в немилость и был сослан в Сибирь в 1727 г. В январе 1728 г. Он прибыл в г. Селенгинск для помощи коменданту И.А. Бухгольцу в переносе крепости на новое место.

Лекции о творчестве А.С. Пушкина, о его влиянии на бурятских писателей, стихотворения бурятских поэтов об А.С. Пушкине, переводы его произведений на бурятский язык – обо всем этом можно узнать из документов фонда народного поэта Бурятии, члена Союза писателей СССР, заслуженного работника культуры Бурятии, публициста, переводчика Цэдэна Галсанова (1917–1992), который хранится в Государственном архиве Республики Бурятия.

Цэдэн Галсанов родился 23 февраля 1917 г. В с. Илька Заиграевского района Бурятии, творческую деятельность начал в 1930-е гг. Учился на заочном отделении Литературного института им. М. Горького и одновременно занимался литературно-издательской деятельностью. Занимал ответственные должности – редактор газеты «БуряадҮнэн», председатель правления Союза писателей Бурятии. В 1967 г. Окончил Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР. Автор большого количества стихов, поэм, прозаических, фольклорных и переводческих произведений, как на русском, так и на бурятском языке.

Цэдэн Галсанов – бурятский поэт, депутат Верховного Совета Бурят-Монгольской АССР. Г. Улан-Удэ. 1947 г.

В фонде всего 438 дел за 1931–1991 гг., основная часть фонда Цэдэна Галсанова – это рукописи опубликованных и не опубликованных произведений (романы, повести, рассказы, поэмы). Особое место в фонде занимают переводы на бурятский язык произведений великого русского поэта А.С. Пушкина, рукописи лекций Цэдэна Галсанова «Пушкин – ородойагууехэ национальна поэт» на бурятском языке за 1949 г., «А.С. Пушкин – великий русский национальный поэт» за 1949 г., «К 150-летию со дня рождения великого русского поэта А.С. Пушкина» (1949 г.), «Влияние А.С. Пушкина на творчество бурятских писателей» (1952 г.), статья «А.С. Пушкин в Бурятии» (1979 г.).

Например, Цэдэн Галсанов в лекции «Влияние А.С. Пушкина на творчество бурятских писателей» пытается дать ответ на вопрос – каково влияние творчества великого русского поэта на национальную бурятскую литературу? Он пишет: «... поэзия гениального Пушкина начала плодотворно влиять на культурное возрождение нашего народа, на просвещение духовное, развитие народа Забайкалья в тот период, когда на территории собственно Бурятии появились первые декабристы. Как известно, декабристы проявляли пристальный интерес и глубокое уважение к традициям, обычаям, быту местного населения ... Как известно, среди ссыльных декабристов не было ни одного человека, который бы не знал наизусть свободлюбивых стихов Пушкина..., например, «Деревня», «Кинжал», «К Аракчееву», «Послание к Петру Чаадаеву» ...».

Лейтмотивом во всех лекциях Цэдэна Галсанова проходит мысль о том, что «декабристы не только вызвали интерес бурятского народа к великой русской культуре, литературе, к произведениям Пушкина, но всей своей многосторонней деятельностью в Бурятии ярко выражали дружбу двух народов, их стремление жить в дружбе и в братстве...».

Каково влияние Пушкина на бурятского
 орла? Это - вопрос сложный, серьезный,
 какому исследованию. В один час
 невозможно исследовать эту тему.
 Но тем не менее, раз этот вопрос поставлен
 все очень коротко, лишь срезанная,
 буря, но попытка ответить.
 Вопрос - это какое влияние бурятского орла
 влияние друга? Это - опять же вопрос
 сложный, трудный и кропотливый работы
 года. Влияние с этой стороны не является
 истинным, это подражание одной
~~и~~ много мне, как перевод с одного
 го, что с этой стороны является еще худшим
 делом поэта.
 Как влияние Пушкина на бурятского
 орла, на ~~бурятского~~ бурятского поэта
 поэта, имеет трудные корни, это вопрос
 сложный

Фрагмент лекции Цэдэна Галсанова. 1952 г.

Изучение творчества А.С. Пушкина привело Цэдэна Галсанова к идее переводов его произведений на бурятский язык: вскоре он становится одним из лучших переводчиков. Он напишет обращение «Памяти Пушкина», в котором отражает свои чувства к нему, сравнивая его с орлом, а орел в восприятии бурят - это символ свободы, независимости и силы:

Вскормленный неволей могучий стокрылый орел
 Я знаю, ты слышишь бурятскую речь над степями.
 Я знаю, ты землю родную всю обошел,
 Любуясь ее широтой и степными цветами,
 Ты пристально мудро глядишь на меня, мой поэт,
 Я знаю, ты видишь насквозь мои мысли и чувства,
 Советуешь быть там - и лучшего места нет!
 Где жизнь, где народ - там и место для искусства.
 Вскормленный неволей, могучий и смелый орел
 Я с радостным трепетом - руки мои не пустые
 Кладу пред тобою стихи свои, будто на стол,
 На суд твой великий - живого поэта России.

В его личном фонде хранятся рукописи переводов на бурятский язык таких известных произведений А.С. Пушкина, как «Кавказ», «К Чаадаеву», «В Сибири», «Узник» и др., которые свидетельствуют о его титанической работе по переводу пушкинских стихов.

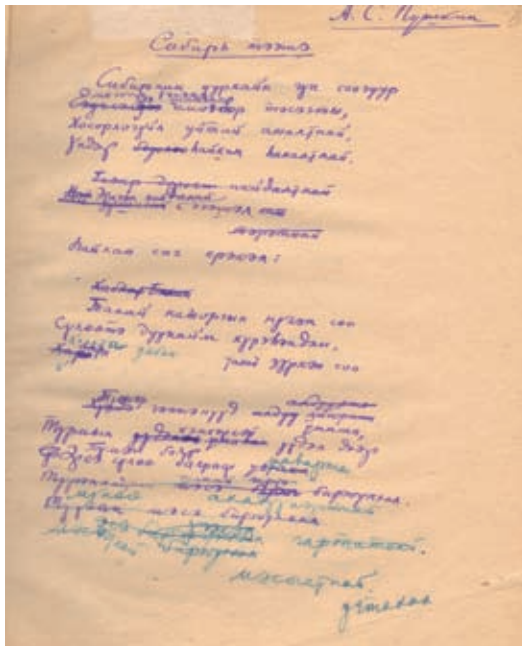
Например, в его рукописях имеется вариант перевода стихотворения А.С. Пушкина «В Сибирь»:

Сибирь тээшэ
 Сибириинуурхайнунсоогуур
 Омогоортэжэшангаартэсэгты
 Хосорхогуйуйтайажалтнай
 Үндэрхайхананалтнай.

В окончательном же варианте заменены некоторые слова, расстановка слов для того, чтобы содержание и мелодия звучания стихотворения совпали с оригиналом на русском языке.

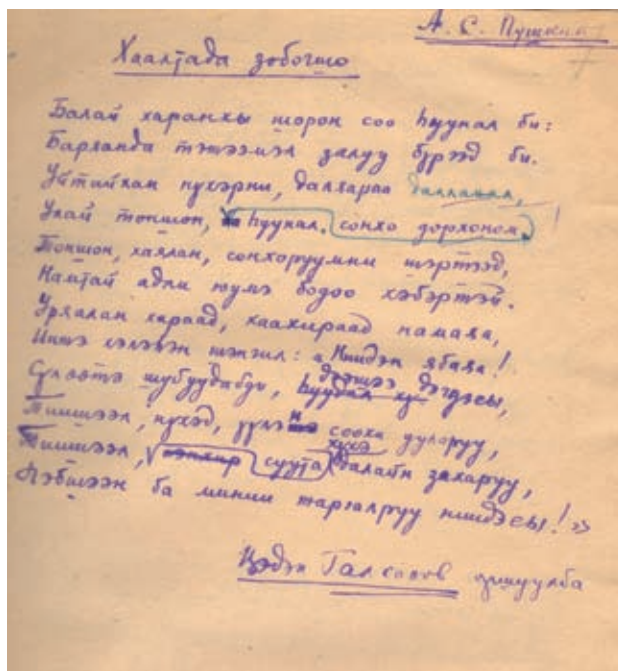
Перевод выглядит таким образом:

Сибирь тээшэ	В Сибирь
--------------	----------

Сибиринуурхайнгүнсоогуур Сэдьхэлдээомогтойгэсэгты Хосорхогуйуйтайгажалтнай Холындүэрбодолтной	Во глубине сибирских руд Храните гордое терпенье, Не пропадет ваш скорбный труд И дум высокое стремленье
--	---

Или рукопись варианта перевода четверостишия другого стихотворения А.С. Пушкина «Узник»:

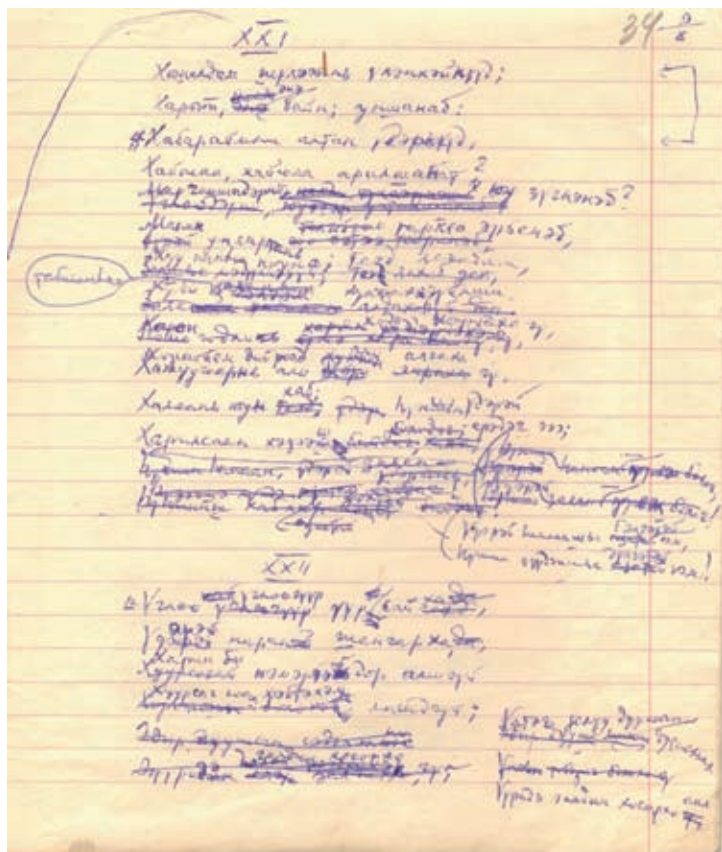
Балай харанхышоронсооһунал би:
 Баряндатэжээмэлзалуубургэд би.
 Уйтайханнүхэрни, далаараадаллалал
 Улайтоншонһуналсонходорхоном.

В окончательном варианте четверостишия стихотворения звучит так:

Хаалгадазобогшо	Узник
Балай харанхышоронсооһунал би: Баряндатэжээмэлзалуубургэд би. Уйтайханнүхэрни, далаараадаллалал Улайтоншон, сонхдорхонһунал	Сижу за решеткой в темнице сырой Вскормленный неволей орел молодой Мой грустный товарищ, махая крылом Кровавую пищу клюет за окном

Основной и главный переводческий труд Цэдэна Галсанова – это перевод пушкинского романа в стихах «Евгений Онегин» на бурятский язык, поистине ценный и кропотливый труд, который особенно ценен для бурятской национальной литературы.

Согласно его записям, он начал переводить «Евгения Онегина» в 1946 г., а закончил в 1986 г., т. е. 40 лет посвятил этой грандиозной переводческой работе!

В его личном фонде хранится общая тетрадь, испещренная правками, зачеркиваниями. Думается, что это один из вариантов рукописей перевода поэмы. К примеру, подстрочный перевод отрывка из первой главы романа в стихах, который позволяет сделать вывод о сложной работе переводчика.

Евгений Онегин	Евгений Онегин
Албаяаһайнхайхасаардүүргээд, Абаныээлээрэмэжэжээн Гурбанайржэлбүризэдэлгээд, Голдоохүртэрөөүгырээ. Евгенийнзаяанабаралтай: ТүүрүүшээрMadameхарууһатай, ТиигээдMonsieurхаланабаа. Тэршээ, сарюунхөөрхэйябаа. Ахирхан француз Monsieur! Abbé, Яашхашаргахуйгээд, <u>Наадандунданьһургаал,</u> Шууяаһаань, багхаараадагһэн, Хаанайсаадсоосэнгүүлдэгһэн	Служив отлично благородно, Долгами жил его отец, Давал три бала ежегодно И промотался наконец. Судьба Евгения хранила: Сперва Madame за ним ходила, Потом Monsieur ее сменил. Ребенок был резов, но мил. Monsieur! Abbé, француз убогой, Чтоб не измучилось дитя, Учил его всему шутя, Не докучал моралью строгой, Слегка за шалости бранил И в Летний сад гулять водил.

Хочу отметить, что мое первое знакомство с А.С. Пушкиным на бурятском языке произошло, благодаря моей маме Цындыме Цыжиновой. Ей удалось проучиться всего лишь три класса начальной школы, к сожалению, начавшаяся Великая Отечественная война прервала ее обучение. Но всю жизнь она наизусть помнила стихотворения А.С. Пушкина на бурятском языке, выразительно читала нам, своим детям. До сих пор я помню, как мама до последних дней своей жизни читала нам «Узника», «Сказку о рыбаке и рыбке» и др. Исследуя фонд Цэдэна Галсанова, понимаю, что в устах моей мамы А.С. Пушкин на бурятском языке звучал в его переводах.

Таким образом, исследуя личный фонд Цэдэн Галсановича Галсанова, можно сделать вывод о том, что творчество А.С. Пушкина оставило неизгладимый след в творчестве бурятского поэта. Цэдэн Галсанов один из бурятских поэтов, благодаря которому произведения А.С. Пушкина переведены и внесены в национальную бурятскую литературу.

Список литературы

1. ГАРБ. ФР. 2198. Оп. 1. Д. 154.
2. Там же. Д. 126.
3. Там же. Д. 232.
4. Там же. Д. 247.

О СБОРНИКЕ ХУДОЖЕСТВЕННО-
ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПРОЗЫ А.С. ПУШКИНА
(СПБ.; М., 2023)

Речь в заметке пойдет о сборнике пушкинской художественно-документальной прозы 1835–1836 гг., подготовленном известным пушкинистом, главным научным сотрудником Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН Сергеем Александровичем Фомичевым [см.: 2].

В конце 1844 г. Н.В. Гоголь в письме к С.Т. Аксакову вспоминал об особой манере Пушкина-сочинителя, «который, нарезавши из бумаги ярлыков, писал на каждом по заглавию, о чем когда-либо ему хотелось припомнить. На одном писал: *русская изба*, на другом *Державин*, на третьем имя тоже какого-нибудь замечательного предмета, и так далее. Все эти ярлыки накладывал он целою кучею в вазу, которая стояла на его рабочем столе; и потом, когда случалось ему свободное время, он вынимал наудачу первый билет; при имени, на нем написанном, он вспоминал вдруг все, что у него соединялось в памяти с этим именем, и записывал о нем тут же, на том же билете, все, что знал. Из этого составились те статьи, которые напечатались потом в посмертном издании его сочинений, которые так интересны именно тем, что всякая мысль его там осталась живьем, как вышла из головы» [1, т. 2. С. 58]. Важно подчеркнуть мысль, заключенную в последнем предложении: появившиеся в результате импровизаций «воспоминания» подкупили Гоголя своей непосредственностью. Писатель назвал два конкретных опыта, вошедших в XI заключительный том посмертного пушкинского собрания сочинений (СПб., 1841). Он был составлен из текстов, казавшихся составителям «второстепенными», и имел характерное название «Смесь».

Упомянутые очерки — и «Русская изба» (из произведения, в Большом академическом собрании названного «<Путешествие из Москвы в Петербург>»), и «Державин» (из «Table-talk») — не были импровизациями. Отмеченная Гоголем живость рассказов — результат кропотливой работы Пушкина, отразившейся в рукописях. Однако в этой «смеси» не замечали ни самостоятельности, ни художественной ценности, потому целенаправленно она практически не изучалась (вспоминается монография М.П. Еремина «Пушкин — публицист», изданная еще в 1963 году).

Ю.Н. Тынянов писал, что для творческой эволюции Пушкина последних лет определяющим оказывается процесс «столкновения с документом». Этот процесс принимал различные формы. В «Джоне Теннере» – пересказ воспоминаний американца, долгие годы жившего в индейском племени. В «Последнем из свойственников Иоанны де Арк» Пушкин выдумал переписку между потомком французской героини, возмущенным поэмой «Орлеанская девственница», и ее автором, Вольтером. Незавершенный замысел, в Большом академическом собрании озаглавленный «<Заметки при чтении "Описания земли Камчатки">», заново подготовленный составителем рецензируемой книги по рукописи под заглавием «<Камчатка – страна печальная>», представляет собой краткое изложение книги С.П. Крашенинникова.

«Все эти произведения, хотя и основаны на чужом, обильно цитируемом тексте, вовсе не сводятся к его пересказу, но представляют собою опыт очерково-исторической прозы – с яркой психологической характеристикой избранных авторов, с отчетливой публицистической направленностью и личными, собственно пушкинскими, размышлениями, отразившимися нередко и в других его произведениях. В сущности, это жанр историко-литературного эссе или, как сейчас принято говорить, интерпретации – жанр по характеру своему беллетристический, с очень сильно выраженной собственной трактовкой произведения» [2, с. 371-372]. Таким образом, «Джона Теннера» правомерно называть «документальной повестью» [2, с. 331], «Вольтера» («Недавно издана в Париже переписка Вольтера...») – «документальным новеллой-анекдотом» [2, с. 319], и т. д. Пушкинский замысел работы о покорении Камчатки «предназначался для очередного тома журнала "Современник" и по форме своей примыкал к таким произведениям, как "Вольтер" и "Джон Теннер"...» [2, с. 377].

«Путешествие в Арзрум», «Отрывок из неизданных записок дамы» – мемуары. Повесть «Капитанская дочка», стилизованная под записки современника крестьянской войны 1773-1775 гг., названная составителем книги «подлинным анекдотом» [2, с. 339], органично вписалась в ансамбль пушкинской художественно-документальной прозы. Даже статья «<Песнь о полку Игореве>» (работа над ней остановилась на толкованиях «темных мест»), если поставить ее в контекст многолетних занятий Пушкина древнерусским памятником, может рассматриваться в качестве нереализованного замысла, в котором исследовались «не исторические реалии «Слова», а дух времени, в нем запечатленный» [2, с. 371].

Поставленная книгой проблема шире: «документальными» можно назвать не только прозаические произведения, но и «Альбом Онегина», X главу романа в стихах, «Вновь я посетил...», «Была пора: наш праздник молодой...», и критические выступления («Опровержения на критики»), и т. д. В данном случае важно обсудить не состав книги, а определить ее концептуальное значение.

Необходимо обозначить три момента. Во-первых, С.А. Фомичев показал, что рассмотрение творчества Пушкина под углом «документальности» позволяет по-новому посмотреть на текстологические проблемы, связанные с конкретными текстами.

Например, при анализе произведения, традиционно называемого «<Путешествие из Москвы в Петербург>», необходимо решить сразу несколько текстологических проблем: какой текст считать дефинитивным (в Большом академическом собрании сочинений в основном корпусе «<Путешествие...>» опубликовано дважды – по беловому автографу и черновой рукописи)? Является ли произведение законченным?

В заглавии, предложенном редакторами Большого академического издания, подчеркнуто, что пушкинский герой должен преодолеть путь, ранее описанный Радищевым. Составитель же увидел в этом произведении не «путешествие», а образец «документально-публицистического очерка», в центре которого Пушкин «*впервые в русской литературе столкнул на равных радикала и консерватора*» [2, с. 359, курсив С.А. Фомичева]. Изменение «угла» рассмотрения этого текста приводит ученого к выводу, что автор считал свой замысел завершенным (он выразился в авторизованном списке). А вместо неудачного заглавия предложил другое, полнее отражающее суть очерка Пушкина – «<Дорожный товарищ>» (так в черновой рукописи Пушкин озаглавил первую главу своего произведения).

Во-вторых, достижения Пушкина в разработке «поэтики документа» связывают его произведения с образцами русской классической литературы последующих эпох (творчеством И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского Н.С. Лескова и т.д.). Составитель не ставил перед собой такой задачи, поэтому в книге проблема лишь обозначена. Но он отчетливо представляет себе перспективы подобных исследований, см., например: «По форме своей представляя газетный репортаж (род заметки из раздела “Смесь”), “Последний из свойственников Иоанны де Арк” задуман и решен как произведение художественное со всем богатством его смысловых обертонов.

По своему жанру это отнюдь не памфлет. Неточным бы было и отнесение данного произведения к новеллистическому жанру: здесь нет острой фабулы, связывающей в единый узел стремления различных персонажей. Наоборот, сюжет здесь намечается в широкой исторической перспективе, разворачивается на огромных пространствах, сталкивает по закону случайности (неожиданно и непредсказуемо) крайне различных персонажей, каждый из которых действует сообразно со своим жизнепониманием, отстаивая интересы, по сути дела, больших социальных групп. <...> При всем пушкинском лаконизме здесь мы имеем дело с романной формой литературы. За репортажем, анекдотом, пастишем ощущаются некие далекие перспективы насильно оборванного пушкинского творчества, которые позволяют предчувствовать в последнем произведении писателя открытия грядущих литературных эпох» [2, с. 326].

В-третьих, «Проза Пушкина навсегда сохранила высокий историко-публицистический потенциал, что особенно заметно, если мы отделимся от вполне условной (часто слишком жесткой) издательской рубрики “Художественная проза”» [2, с. 14]. С.А. Фомичев показал, что в новом академическом собрании сочинений Пушкина необходимо выделить раздел «художественно-документальной прозы».

Обсуждаемая книга учит видеть художественную ценность документа. А этим умением, без сомнения, должен обладать хороший архивный работник.

Список литературы

1. Переписка Н.В. Гоголя в 2-х тт. [Correspondence of N.V. Gogol in 2 volumes]. М., 1988.
2. Пушкин А.С. Художественно-документальная проза последних лет [Fiction and documentary prose of recent years] / Составление, предисловие и комментарии С.А. Фомичева. Подготовка текстов О.Э. Карпеевой. М., СПб., 2023.

Ф.М. Кураева, Н.Ю. Дербенёва

ИСТОРИЯ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА А.С. ПУШКИНА «БОЛДИНО»

Пушкинских музеев в России много: в Москве и Подмоскowie, в Санкт-Петербурге, Калуге, в Псковской и Тверской областях, в Оренбургском крае. Есть они и за рубежом: в Словении, Литве, Украине.

Особое место среди них занимает музей-заповедник А.С. Пушкина «Болдино». В 1949 г. он был открыт в бывшей родовой вотчине Пушкиных. Защищая Отечество, предки Александра Сергеевича заслужили болдинские земли в конце XVI века сначала в поместье, а потом – в начале XVII века – в вотчинное владение. С тех пор, поколение за поколением, село переходило в этом роду от отца к сыну. Из прямых предков поэта частью Болдина владел его прапрадед П.П. Пушкин; прадеду А.П. Пушкину оно принадлежало полностью. Дед поэта Л.А. Пушкин владел селом около 50 лет. В конце жизни Лев Александрович начинает строительство в Болдине каменной церкви и нового господского дома, в котором останавливался Александр Сергеевич во время первых двух приездов в село. В это время его владельцами были отец и дядя поэта. В 1963 г. в этом доме была открыта экспозиция, посвященная болдинскому периоду жизни и творчества поэта.

Пушкин прославил Болдино. Здесь поэт, по его собственному признанию, «...писал, как давно уже не писал». Пожалуй, более верным было бы утверждение, что в Болдине он писал так, как нигде и никогда не писал. Не случайно, словосочетание «Болдинская осень» стало синонимом особого творческого взлета, самой плодотворной поры в жизни человека.

Уже после Октябрьской революции, в марте 1918 г., Лукояновский уездный Совет крестьянских депутатов принял решение об открытии «в доме поэта Пушкина четырехклассного училища». В это непростое время по всей России горели помещичьи дома. Мужики жгли барские усадьбы, называя их «волчьими гнездами».

На 11 апреля 1918 г. был назначен сход болдинских крестьян, на котором решалась судьба дома Пушкиных. Приговор схода был принят единогласно. Бывшие крепостные не только решили сохранить дом Пушкиных и земли вокруг него, но и организовали охрану, наняли общественного сторожа, а в помощь ему по очереди каждую ночь на дежурство выходило еще 2-3 человека, вооружившись топорами, вилами, дубинками.

Решающую роль в принятии приговора и сохранении усадьбы сыграли: Д.М. Налевин, В.А. Козлов, С.Ф. Дворников, П.С. Смолин, И.В. Киреев, работавший тогда сельским писарем. Иван Васильевич проводил большую разъяснительную работу в процессе подготовки и проведения схода. Он стал автором приговора Б. Болдинского сельского общества.

29 марта 1918 г. в здании бывшей вотчинной конторы начал работать фельдшерский пункт. А спустя 11 лет в барском

доме Пушкиных открылась школа, которая просуществовала до 1959 г., до открытия в Болдине новой школы.

В 1929 г. болдинский парк был объявлен заповедным. В этом же году из состава Лукояновского выделили Большеболдинский район, с центром в Большом Болдине. В год столетия смерти поэта (1937 г.) на господском доме Пушкиных была установлена мемориальная доска.

В 1942 г. парк бывшей усадьбы был выделен в самостоятельную единицу при школе.

24 июля 1944 г. бюро Горьковского обкома ВКП(б) приняло решение «Об организации музея А.С. Пушкина и реставрации парка в Б. Болдине». Решением предусматривалось считать места, связанные с памятью А.С. Пушкина, государственным заповедником, создать в бывшей усадьбе Пушкиных исторический и краеведческий музей, восстановить парк. Но в господском доме в те времена находилась школа. Поэтому было решено открыть музей во флигеле, где в первой половине XIX в. размещалась вотчинная контора. В ней, по свидетельству последнего владельца Болдина, останавливался А.С. Пушкин в 1834 г.

Директором сада, а затем и первым директором музея был назначен бывший учитель Ф.Е. Краско. Он проделал большую работу по благоустройству усадьбы, привлек к восстановлению парка старого потомственного садовника И.Г. Куликова, работавшего в усадьбе Пушкиных при последних владельцах, дед которого также был садовником у Пушкиных. Большую помощь в создании музея оказали сотрудники Горьковского краеведческого музея.

18 июня 1949 г. стало для Болдина всенародным днем чествования А.С. Пушкина. При огромном стечении народа состоялось торжественное открытие музея в вотчинной конторе. Для участия в юбилейных пушкинских торжествах в Болдино приехали: известный пушкинист-литературовед Д. Благой, профессор А. Зерчанинов, писательница М. Шагинян, поэты И. Молчанов и М. Шестериков, правнуки А.С. Пушкина: Г.Г. Пушкин, Т.Н. Галина-Пушкина, праправнуки А. В. Кологривов и С.Е. Клименко. Почетное право открытия музея было предоставлено Г.Г. Пушкину.

«Торжественное празднование в Болдине 150-летия со дня рождения А.С. Пушкина, создание в деревенской „глубинке“ музея, посвященного поэту, было фактом большой исторической и общественной важности. Музей ... вел значительную

работу, знакомя с Пушкиным школьников и жителей окрестных сельских районов» [1, с. 42], – писала Ю.И. Левина, директор болдинского музея в 60-70 гг. XX в.

Но чтобы музей стал подлинно историко-архитектурным комплексом, потребовалось еще много лет.

В июне 1957 г. постановлением Совета министров РСФСР научное руководство деятельностью музея было возложено на Всесоюзный музей Пушкина. В Болдино приехали директор ВМП М.М. Калаушин и директор музея-заповедника «Михайловское» С.С. Гейченко, которые в докладной записке рекомендовали «возбудить ходатайство перед Министерством культуры РСФСР о переводе музея-заповедника в Болдине на государственный бюджет» [2].

В 1962 г. музей возглавила П.П. Маевская. Она оставалась в должности директора до 1966 г.

В начале 60-х годов силами Горьковских научно-реставрационных мастерских был отреставрирован бывший барский дом Пушкиных, проведены работы по благоустройству парка. В доме открылась профессионально выполненная литературная экспозиция, посвященная болдинским страницам жизни и творчества А.С. Пушкина. Ее авторами стали сотрудник ВМП (Ленинград) – Ю.И. Левина, ставшая вскоре директором болдинского музея, и ленинградский художник Т.Н. Воронихина.

Экспозиция была построена по тематико-хронологическому принципу и отвечала духу времени. Для ее создания использовались подлинные материалы пушкинской эпохи (мебель, предметы быта, аксессуары, изобразительный ряд, книги и т. д.). Копии рукописей, писем и рисунков поэта были сделаны на подлинной архивной бумаге пушкинского времени по особой технологии, благодаря которой посетителям казалось, что они видят подлинные рукописи Пушкина. Рядом с экспонатами не было поясняющего этикетажа. Информацию о музейных предметах посетители могли найти в особых книжечках-аннотациях.

Здесь впервые экспонировались (в хороших копиях) многие неопубликованные документы крепостного быта самого села: оброчные книги, записи недоимок, донесения старост, ... ревизские сказки, приходо-расходные книги и прочие материалы болдинского вотчинного хозяйства.

В экспозиции экспонировалась подлинная мебель XVIII-начала XIX вв., посетители видели фрагменты барских интерьеров. Наиболее ценными экспонатами стали первые прижизненные издания произведений Пушкина, написан-

ных в Болдине, журналы того времени, книги, которые читал сам поэт.

В последующие годы экспозиция менялась, обновлялась (1974, 1988, 1999 гг.). Но, по словам самой Ю.И. Левиной, «...многое из экспозиционных находок этой первой большой экспозиции 1961–1963 гг. со временем утвердилось и вошло в принцип экспозиционной практики и не только нашего литературно-мемориального музея» [1, с. 52].

В 1974 г. в музее-заповеднике открылась еще одна новая экспозиция – «Вотчинная контора Пушкиных». Она разместилась в отреставрированном флигеле, где в XIX в. находился административный центр хозяйства Пушкиных. Экспозиция была подготовлена научным сотрудником музея

Л.М. Малышкиной и художником Т.Н. Воронихиной при непосредственном руководстве и участии Ю.И. Левиной.

Новая экспозиция была решена в реально-бытовом ключе, удивительно точно воплощая образ деревенского приюта поэта. Одна из комнат вотчинной конторы – воссозданный кабинет Александра Сергеевича, вторая половина дома была посвящена хозяйству Пушкиных. Характеризуя эту экспозицию, Левина писала: «Кроме предметов обстановки – старинных дубовых столов, конторского шкафа, сундуков, весов и т. п. вещей крестьянского и усадебного обихода, в бытовой интерьер вотчинной конторы органично вошли такие документы и рукописи, как болдинские конторские тетради, приходо-расходные книги, доверенность, выданная Пушкиным в 1834 г. управляющему именем И.М. Пеньковскому, жалобы крестьян, письма самого поэта и т. д. Эти документы способствовали более полному освещению основной темы экспозиции: «Пушкин и болдинское крепостное хозяйство 1830-х годов» [1, с. 58].

Левина отводила огромную роль фондовой работе. Для пополнения музейных коллекций предметами крестьянского быта и ремесел 70-х гг. активизировалась собирательская деятельность. Деревенскую мебель, сделанную по старым образцам, коробья из луба, долбленые меры, сундуки, холсты и мн. др. искали в самом Болдине, в окрестных деревнях, в соседних районах области. Предметы мебели, аксессуары, книги, произведения изобразительного ряда и т. д. привозили из Арзамаса, Горького, Москвы, Ленинграда.

Важнейшим направлением деятельности музея стала научно-просветительская работа. Ю.И. Левина создала пуш-

киноведческую библиотеку, комплектовала ее уникальными справочными искусствоведческими и литературными изданиями.

Кроме проведения экскурсий музейные сотрудники готовили и читали лекции по пушкинской тематике, как в Болдине, так и в соседних районах: на предприятиях, в школах, на колхозных фермах и полевых станах, в домах культуры. Начиная с 1974 г., каждый месяц в лектории музея проходили занятия Университета культуры на тему «Поэты пушкинской поры». Проводились заседания клуба интересных встреч, литературные вечера, викторины и занятия для детей в пушкинских кружках, литературно-музыкальные радиопередачи по местному радио. Сотрудники музея готовили «Пушкинские страницы» и специальные выпуски районной газеты к пушкинским памятным датам, оформляли передвижные выставки.

В 1970-е гг. музей вошел в число знаменитых научных центров. Здесь начали проводиться ежегодные конференции «Болдино было включено». Болдино было включено в маршрут Всесоюзного Пушкинского праздника.

В 1977–1978 гг. директором музея-заповедника была талантливая музейщица, преемница Ю.И. Левиной Л.М. Мальшкина. В 1979 г. ее сменил Г.И. Золотухин.

В 1981 г. было принято постановление Совета Министров РСФСР «О мерах по дальнейшему развитию и благоустройству Музея-заповедника А.С. Пушкина в с. Большое Болдино Горьковской области», которое положило начало новому этапу в жизни музея. В это время проектный институт «Спецпроектреставрация» совместно с дирекцией музея начал разработку генерального плана развития заповедника. В соответствии с этим планом в последующие годы были развернуты работы по реставрации объектов музея и воссозданию мемориального комплекса. В 1980–1990-х гг. была проведена реставрация гос-подского дома Пушкиных. Ей предшествовали углубленные научные изыскания, осуществленные институтом «Спецпроектреставрация». Их главным итогом стало важное открытие: выяснилось, что дом сохранил основные помещения, непосредственно связанные с пребыванием поэта. Ранее считалось, что дом был построен позднее, в 40-е гг. XIX в. Однако комплексное обследование здания, в том числе и дендрохронологический анализ, выявили три этапа в строительстве дома. Помещения первого этажа были датированы началом XIX в., мезонин – 1840-ми, и флигель пристрой – 1870-ми годами. Из этого следовало, что при Пушкине

дом уже существовал, но не имел мезонина и пристроя. Таким образом, музей получил обоснование подлинности дома, пусть и значительно изменившего свой облик со времени приездов поэта – это открытие бесконечно повысило его ценность и в значительной степени определило характер новой экспозиции. Она была открыта в 1988 г., к двухсотлетию Пушкина (1999 г.) была значительно обновлена, однако, в целом сохранила свое тематическое содержание и структуру.

В этот период ведутся работы по реконструкции болдинского парка, планировка которого сложилась на рубеже 1830-40 гг. При Пушкине существовали отдельные посадки недалеко от дома. Во второй половине XIX в. сад расширялся в юго-западном направлении. Воссоздается усадебный парк во Львовке. Облагораживается любимое место прогулок А.С. Пушкина – роща Лучинник, объявленная заповедной еще в 1948 г.

В 1985-90 гг. отреставрирована и восстановлена большая часть архитектурных хозяйственных построек: баня, людская, конюшня. Подлинные строения не сохранились, их местоположение обосновано изучением планов усадьбы XIX – начала XX вв. и раскопками в усадьбе, которые производились архитектором В. Ф. Черниковым, начиная с середины 70-х гг. Были установлены места, размеры и планировка построек хозяйственного двора.

В восстановленных объектах были открыты новые экспозиции.

В преддверии пушкинского двухсотлетнего юбилея начал работу Музей пушкинских сказок, созданный в восстановленных домах священников «попова порядка» рядом с мемориальной усадьбой Пушкиных. Как выглядели эти дома в XIX в., известно по фотографиям той эпохи.

Большинство посетителей музея – дети. Для них и создавался Музей пушкинских сказок. Большая часть экспонатов этого музея была создана руками детей Авторского центра художественных ремесел г. Дзержинска Нижегородской области, а также и профессиональными мастерами: Л. Костиковой (г. Москва), Т. Дмитриевой (г. Дзержинск). Особый раздел экспозиции составляли произведения городецкой росписи.

К 200-летию А. С. Пушкина восстановлена церковь Успения. Она была построена на средства деда поэта Л.А. Пушкина в 80-90 гг. XVIII в. Лев Александрович был заказчиком архитектурного проекта и организатором всех работ по ее строительству. Он же и финансировал это дорогостоящее предприятие. Дед поэта умер в 1890 г. Вдова Льва Алексан-

дровича О.В. Пушкина в 1791–1799 гг. завершила дело мужа. А осенью 1799 г. церковь в Болдине была достроена и освящена. Она ровесница поэта.

Успенский болдинский храм – самый большой, самый значимый фрагмент той исторической обстановки, в которой жил и работал поэт в 1830-е гг. Он находится рядом с домом Пушкиных. Александр Сергеевич ежедневно видел его из окон отцовского дома. Болдинские жители в дни печали и радости сходились к церкви. В 1830 и 1833 гг. поэт заставлял здесь один из престольных праздников – Михайлов день (21 ноября по новому стилю, по-старому – 8 ноября). В этот день, по давней традиции, в Болдине игрались свадьбы. Порой в храме венчалось до 30 молодых пар. И, по рассказам старожилов, Пушкин взбирался на колокольню церкви Успения, чтобы посмотреть, как веселится село.

С паперти храма поэт читал мужикам проповеди о холере.

В 30-х гг. XX в. были разрушены верхние ярусы храма, в 50-е разобрали трапезную и притвор. К моменту реставрации сохранилось только помещение главного храма. К 200-летию Пушкина этот ценнейший памятник архитектуры XVIII в. был восстановлен.

К юбилею Пушкина на Буравушкиной горке, на месте первой церкви в стиле XVII в., была построена часовня Архангела Михаила.

В 2001 г. директором музея был назначен Ю.А. Жулин.

Следующий важный этап в жизни пушкинского заповедника был связан с появлением нового экскурсионного маршрута «Болдино – Львовка».

Еще в 1974 г. музею-заповеднику А.С. Пушкина были переданы барский дом и уцелевшая часть парка во Львовке. Эта деревня входила в состав владений Пушкиных. Она находится в 8 км. юго-восточнее Большого Болдина. До 1848 г. Львовка составляла с Болдином единое имение. В пушкинские времена земли этой части владений принадлежали отцу поэта С.Л. Пушкину. Первое упоминание о Львовке содержится в «Памятной книге села Болдина за 1837 год». После смерти С.Л. Пушкина (1848 г.) начался раздел между наследниками, которые полюбовно договорились оставить Львовку за детьми А.С. Пушкина. В конце 50-х гг. ее владелец – А.А. Пушкин, старший сын поэта.

В описи имения за 1860 г. уже указан господский дом во Львовке. Его планировка простейшая: это свидетельствует о том, что этот дом планировался для небогатого помещика. Александр Александрович был человеком военным, постоян-

но во Львовке не жил. Старожилы вспоминали, что сын поэта посещал свои владения в начале XX в.

Во время революции 1917 г. дом Александра Александровича не пострадал. Отстояли жители села этот дом и в 1926 г., когда Лукояновский уездный исполком постановил перевезти его в соседний район под строительство школы.

В 30-е гг. XX в. в барском доме А.А. Пушкина открылась школа, она существовала до 1972 г. Затем дом старшего сына поэта передали музею. Незначительные переделки не затронули общего вида здания и были устранены при реставрации.

В 2005 г. во львовском доме А.А. Пушкина разместился музей «В мире героев «Повестей Белкина». Литературные интервью помогают перенестись в мир пушкинских персонажей, почувствовать себя их современниками. Инициатором создания музея во Львовке была Н.И. Михайлова – авторитетный московский пушкинист, главный научный сотрудник ГМП. Автор экспозиции – на то время заместитель директора музея по науке, Заслуженный работник культуры Т.Н. Кезина.

Тамара Николаевна работала и над экспозицией церковно-приходской школы во Львовке, которая была построена средствами старшего сына поэта в 1906 г. Об этом львовские старожилы рассказывали так: «Мы у него просили помощи на постройку церкви. Но он сказал: «Тогда дам помощь, когда постройте школу. И школу помогу строить» [4]. Помещик сдержал слово.

В настоящее время в отреставрированной школе открыт музей. В одной из комнат воспроизводится обстановка учебного класса 1910-х гг. Во второй комнате жила учительница. В настоящее время в ней создается новая экспозиция, где представлена обстановка, в которой жила львовская учительница – П.Г. Погодина.

В 1910 г. Львовка стала селом. В ней появилась церковь во имя Александра Невского. Уместно напомнить, что далекий предок поэта Гаврила Алексич служил в дружине А. Невского – покровителя рода Пушкиных.

Еще один филиал болдинского музея находится в Нижнем Новгороде – в самом центре города, на площади Минина. Пребыванию Пушкина в Нижнем была посвящена небольшая экспозиция, размещенная на первом этаже старинного здания. В этом году открылась новая экспозиция. В пушкинские времена здесь были номера гостиницы купца Деулина. Поэт останавливался в ней во время путешествия по пугачевским местам. Он провел в Нижнем только два дня: 2 и 3 сентября

1833 г. Но успел посетить Нижегородский Кремль, поработать в губернском архиве, дважды побывал в доме нижегородского губернатора М.П. Бутурлина, посетил Макарьевскую ярмарку.

В 2016 г. коллектив музея возглавила Н.А. Жиркова.

Седьмое десятилетие в жизни музея было ознаменовано важными и судьбоносными событиями. В 2018 г. началась серьезная целенаправленная работа над Концепцией стратегического развития музея-заповедника. Seriously укрепилась материально-техническая база.

Музей упрочил свои позиции в Международном сообществе Пушкинских музеев России, Ассоциации литературных музеев. У него появились серьезные и надежные партнеры. Созданы Попечительский совет, АНО «Центр развития культуры и туризма «Болдинская вотчина». Заключены договоры о сотрудничестве с Нижегородским государственным университетом имени Н.И. Лобачевского, Нижегородским архитектурно-строительным университетом, Нижегородской Высшей школой экономики, Чувашским государственным педагогическим университетом имени И.Я. Яковлева, Высшим театральным училищем имени М.С. Щепкина.

Музей-заповедник А.С. Пушкина развивается. Для посетителей разрабатываются новые экскурсионные маршруты, дополнительные программы («Деревенские посиделки», «Святочные гадания» и др.), организуются мастер-классы.

В 2019 г. был построен современный конный двор. У посетителей появилась возможность прокатиться на лошадях, в фаэтоне или верхом.

В настоящее время активизировалась издательская деятельность музея, появились новые виды массовой работы, например, наряду с Международной научной конференцией «Болдинские чтения», в Болдине проводятся Всероссийская конференция учащихся «Под знаком Пушкина», внутренняя научно-практическая конференция «Музейные чтения». Для детей созданы кружки и клубы («Таусень», «Золотая рыбка»).

С 2009 г. музей участвует во Всероссийской акции «Ночь музеев», организует фестивали («Над миром Болдинская осень», «Зимних праздников блестящие тревоги...» и др.), проводит слет молодых литераторов России, организует творческие конкурсы чтецов произведений Пушкина и многое другое. С 2021 г. музей-заповедник присоединился к проекту «Пушкинская карта».

К 225-летию А.С. Пушкина были проведены масштабные ремонтно-реставрационные работы. Отреставриро-

ваны усадебные дома в Болдине и во Львовке, в них прошла ре-экспозиция. Отреставрирован и Дом культуры, построенный в Болдине в 1937 г., много лет пребывавший в руинированном состоянии. В нем будет открыт музейно-туристический центр. Отреставрированы вотчинная контора, господская банька, барская кухня. Кардинально изменился Музей сказок. Благоустроены ландшафты и парки в Болдине и Львовке. В планах – восстановление церкви А. Невского во Львовке, создание фондохранилища, сервисной зоны музея.

Но всё же основной точкой привлекательности музея являются экскурсии. Год за годом в Пушкинское Болдино приезжают поклонники гения великого поэта: взрослые, дети, пенсионеры. История пребывания Пушкина в нижегородской вотчине предков и его болдинское творчество интересны дороги каждому читающему и думающему человеку.

Список литературы

1. *Борисова Н.А.* Памяти Ю.И. Левиной. Ученые записки. Выпуск 1. Нижний Новгород: РИ «Бегемот». 2011. С. 38–74.

2. Здесь лира Пушкина звучит... История создания музея-заповедника А.С. Пушкина «Болдино». 1949–2004. (К 55-летию Музея-заповедника А.С. Пушкина в Болдине). Под ред. Г.И.Золотухина – Ч. 1. Б. Болдино. 2004 г. 19 с.

3. *Левина Ю.И.* Из истории создания болдинского музея в барском доме Пушкиных. Болдинский вестник. 1999 г. 15 сент. С. 2-3.

4. Научно-производственный архив музея-заповедника А.С. Пушкина «Болдино».

5. *Цирульников А.М.* «Рождается в Болдине слово...». Вектор-ГиС. 2008. 348 с.

М.А. Марченко

ДОКУМЕНТЫ ИЗ ФОНДОВ ГОПАНО

О ПУШКИНСКОМ МУЗЕЕ В С. БОЛЬШОЕ БОЛДИНО

В Горьковском крае 1936 год стал годом широкой подготовки к 100-летию со дня гибели поэта. Был создан областной пушкинский комитет под руководством Келлера. Проводилось благоустройство с. Большое Болдино, где Александр Сергеевич написал часть своих известных произведений. В ноябре 1936 г. в письме секретарь Большеболдинского райкома ВКП(б) А.А. Новиков сообщал в Нижкрайком ВКП(б) Э.К. Прамнэку, что особое внимание уделялось ремонту и покраске зданий, в которых размещались средняя школа и библиотека, как материальных памятников Пушкинской эпохи. Были построены дороги в самом Большом Болдине и от села до станции Ужов-

ка, радиоузел на 150 точек, отремонтирована и пущена в эксплуатацию электростанция, завершалось строительство Дома Советов [1, л. 3-Зоб.].

В 1936-1937 гг. в СССР, в том числе г. Горьком и области, проводилось много мероприятий по увековечению памяти А.С. Пушкина как для взрослых, так и для детей: книжные выставки, выставки изобразительного искусства, спектакли, публикация статей [16, с. 68-72]. Отдельные номера изданий за 1937 г. были целиком посвящены А.С. Пушкину. Журнал «Красный архив» опубликовал в № 1 статьи о поэте, неизданные автографы его стихотворений «Деревня», «Не дан мне судьбой...», автографы лицейских стихов А.С. Пушкина, лицейские лекции (по записям А.М. Горчакова), неизданную статью В. Брюсова «Молодость Пушкина», портрет А.С. Пушкина-лицейца и др. [14, с. 252].

Большой блок документов, связанных с сохранением памяти А.С. Пушкина и созданием музея в с. Большое Болдино, относится к середине 40-х гг. прошлого века. Еще до окончания Великой Отечественной войны, 20 июня 1944 г., бюро Горьковского обкома ВКП(б) приняло решение о реставрации Пушкинского парка и организации музея в Большом Болдине. Для разработки конкретных предложений была создана комиссия: заведующие отделом школ обкома партии С.М. Языков и облоно Б.И. Орловский, архитектор Г.Д. Вагин и директор областного краеведческого музея Ф.А. Евлампиева. Комиссия должна была выехать на место. Продовольственное снабжение рабочих и служащих Пушкинского парка поручалось областному торговому отделу, областному отделу народного образования – довести его численность до 30-35 человек [2, л. 134].

10 июля 1944 г. директор Горьковского областного краеведческого музея Ф.А. Евлампиева в служебной записке в обком ВКП(б) сообщила о намерении выделить в качестве образцов 8 предметов мебелировки помещицкой усадьбы первой половины XIX в., а также передать во временное пользование музею в Большом Болдине для экспозиции материалы Пушкинской выставки 1937 г. Кроме этого она указала местонахождение некоторых предметов мебели из имения Александра Сергеевича (письменного стола и письменного прибора, кресла), был составлен примерный штат Пушкинского музея, включавший: директора, двух научных сотрудников, завхоза и четырех человек обслуживающего персонала [5, л. 121-123].

24 июля 1944 г. комиссия представила на утверждение бюро обкома ВКП(б) мероприятия на 1944-1947 гг. Пушкинский музей решено было организовать к 1 ноября 1944 г. в доме,

в котором на тот период размещался детский сад. По сохранившимся фотографиям 1911 г. намечено было восстановить центральное крыльцо здания, произвести ремонт и покраску кровли, штукатурные, лепные и малярные работы комнат в стиле ампир, заменить оконные рамы на новые, характерные для первой половины XIX в.

По окончании ремонта в левой комнате дома планировалось разместить экспозицию, отражающую период пребывания А.С. Пушкина в Большом Болдине, в двух остальных – экспонаты, освещающие основные этапы жизни и деятельности поэта. Экспонаты для Пушкинского музея в подлинниках или копиях должны были выделить горьковские музеи.

До 1 октября 1944 г. следовало провести восстановительные работы бывшего барского дома Пушкиных, придав ему вид, который он имел в 1846 г. В первую очередь намечалось сменить навес над балконом и произвести его ремонт, устроить веранду, установить водосточные трубы, построить крытый подъезд при входе в дом, осуществить перекладку разрушающихся углов фундамента, покраску фасада, 7 ноября выполнить наружный ремонт бывшей большеболдинской церкви.

Мероприятия по реставрации парка предусматривали постройку в стиле ампир ворот и части изгороди, выходящей на улицу и от ворот к дому Пушкиных, а оставшуюся сделать в виде двухметрового сплошного забора. Намечалось очистить территорию парка и сада от сорняков, выполнить планировку дорожек и посыпку их песком. Осенью 1944 г. – весной 1945 г. планировалось произвести посадку 317 берез, 182 лип, 620 вишен и аллеи акации, привести в порядок дерновую скамью А.С. Пушкина, разбить цветники и клумбы; а также установить особую охрану и уход за деревьями-современниками поэта: пихтой перед домом, дубом и вязом в березовой аллее, ивами около пруда и в конце сада; выделить Кистеневскую рощу и Лучинник в число государственных заповедников.

Наряду с этим планировались работы по благоустройству водоемов парка: очистка первого и третьего прудов, русла ручья и обкладка его дерном; подъем и укрепление плотин, прочистка водоспусков. Была предусмотрена постройка перекидных мостиков через первый пруд и ручей, возведение беседок и другое.

Кроме того, многое намечалось сделать в самом с. Большое Болдино, в том числе капитальный ремонт Дома культуры [3, л. 98-99].

Обсуждая на бюро план реставрации парка и создания музея А.С. Пушкина, 1-й секретарь Горьковского обкома

партии М.И. Родионов отметил, что не был произведен подсчет средств, необходимых на выполнение запланированных мероприятий [4, л. 123]. (Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 4158. Л. 123). Часть расходов, связанных с реставрацией парка, благоустройством домов усадьбы поэта, должна была финансироваться из бюджета Горьковской области. Планировалось обратиться с ходатайством в Совет Народных Комиссаров СССР об отпуске денег и материалов на организацию музея. Некоторые материалы предлагалось выделить предприятиям г. Горького: заводу «Красная Этна», конторе «Металлосбыта» [3, л. 81, 81об].

К 19 октября 1944 г. были проведены очистка территории парка на площади 7 га, обрезка насаждений, выравнивание неровностей, утрамбовка аллей и засыпка их песком, осуществлялся уход за плодовыми и ягодными посадками. Но дом, отведенный под музей, еще не был освобожден, отсутствовала детальная смета на ремонт помещений и пр. [5, л. 239, 239об.].

10 января 1945 г. директором Пушкинского музея был назначен Ф.Е. Краско, было перечислено 30 тысяч рублей, переданы наряды на строительные материалы [5, л. 240-241].

Первый музей А.С. Пушкина в с. Большое Болдино был открыт во флигеле, бывшей крепостной конторе Пушкина, в год 150-летия со дня рождения поэта. 18 июня 1949 г. собрались жители села, приехало много гостей, среди них правнук поэта Г.Г. Пушкин, праправнуки А.В. Кологривов, С.Е. Клименко, Т.А. Пушкина-Галина, а также известный пушкинист Д.Д. Благой, писательница Мариэтта Шагинян. Состоялся праздник-карнавал [18].

Открытие музея стало лишь первым шагом по выполнению намеченного.

30 июля 1958 г. с целью координации работы пушкинских музеев и оказания практической помощи музей-заповедник прибыла комиссия: директор Всесоюзного музея А.С. Пушкина М.М. Калущин, директор Государственного Пушкинского заповедника С.С. Гейченко и директор Горьковского областного краеведческого музея Ф.А. Евлампиева. Комиссия, ознакомившись с состоянием дел в музее, направила в Министерство культуры РСФСР, обком партии и облисполком докладную записку, в которой говорилось, что открытый в 1949 г. большеболдинский музей располагал многими экспонатами, в том числе прижизненными изданиями А.С. Пушкина. Рекомендовалось пополнить экспозицию локальными художественными и документальными материалами, связанными с болдинским периодом жизни и творчества поэта. Наряду с этим отмечалось, что музейная площадь явно мала, из-

за чего экспозиция слишком перегружена. В таких стесненных условиях негде было разместить фонды, библиотеку, сотрудников – заниматься научной деятельностью [6, л. 51-52].

Работы в парке и в саду велись без научно обоснованных планов, без привлечения архивно-документальных данных и участия специалистов, что это привело к не обоснованным произвольным планировкам и насаждениям, к замене одних пород деревьев другими, несвойственными этому месту, был увеличен размер фруктового сада и пр. [6, л. 52, 66-69]. И все же, многое было сделано благодаря директору музея Ф.Е. Краско, сумевшему «при ограниченном количестве штатных сотрудников и скромном местном бюджете вести экскурсионную, массовую, культурно-просветительскую работу в музее и парке». Однако, по мнению комиссии, музей-заповедник нуждался в опытном научном руководителе со специальным литературным и музееведческим образованием, а также необходимости установления тесных контактов со Всесоюзным и другими Пушкинскими музеями [6, л. 54].

По итогам работы комиссия сформулировала предложения, предусматривавшие составление проекта восстановления дома А.С. Пушкина в усадьбе, его реконструкцию, оборудование экспозиционных залов в 1961-1962 гг. Одновременно с этим, к весне 1962 г. провести реконструкцию всей усадьбы с капитальным ремонтом и восстановлением парково-архитектурных и гидротехнических сооружений. Просить ВЦСПС о включении в план развития новых баз отдыха – строительство Дома туриста в Б.-Болдине. Ходатайствовать перед Министерством культуры РСФСР о переводе музея-заповедника в разряд государственных бюджетных учреждений. (В 50-е гг. музей-заповедник являлся полукоммерческим хозрасчетным учреждением. Вся территория парка и усадьбы была засажена огородными культурами: картофелем, огурцами, луком, капустой и помидорами и пр., от продажи которых музей имел годовой доход 65 тысяч рублей) [6, л. 53, 68].

Горьковскому областному управлению культуры и областной библиотеке предлагалось помочь музею-заповеднику в комплектовании специальной научной пушкинской библиотеки. В целях популяризации наследия поэта было рекомендовано организовывать и проводить в Большом Болдине вечера, концерты, народные массовые гуляния и другие мероприятия с привлечением научно-педагогической, художественно-артистической и литературной общественности. Предлагалось просить об издании большим тиражом памяток, открыток с видами пушкинских мест, путеводителя по Большебол-

динскому музею-усадьбе, об организации регулярного автобусного движения. Рекомендовалось произвести «скорейшую ликвидацию разрушенной старой церкви» [6, л. 54-59].

Храм, находившийся в непосредственной близости от дома Пушкина и составивший неотъемлемую часть имени поэта, был построен в 1789–1799 гг. В 1936–1937 гг. его верхние ярусы были разобраны, а сам он превращен в двухэтажное здание гражданского типа. В конце 1950-х гг. над ним нависла угроза разрушения. От окончательного уничтожения остатки церкви попытались спасти директор Горьковской специальной научно-реставрационной производственной мастерской К.И. Рязанов и главный архитектор С.Л. Агафонов. 24 марта 1956 г. они обратились с письмом обком партии, в котором писали: «Горьковская специальная научно-реставрационная производственная мастерская ... считает необходимым сохранить оставшиеся части здания церкви в Болдине как часть пушкинского заповедника ... остатки его возможно и технически вполне целесообразно приспособить для практического использования под музей или дом туриста». Реставраторы предложили восстановить строение на высоту двухэтажного дома, что позволило бы, не воссоздавая полностью прежний вид сооружения, по сохранившимся колоннам, портикам, карнизам и проемам иметь возможность составить реальное представление о прежнем характере здания и его архитектуре.

«Таким образом, – говорилось в письме далее, – будет сохранен памятник материальной культуры пушкинского времени, самым непосредственным образом связанный с памятью поэта» [7, л. 101].

На это реставраторы получили следующее разъяснение: «От церкви пушкинских времен сохранилась 1/3 здания, по которой уже нельзя составить реального представления о прежнем характере здания и его архитектуре. Поскольку 2/3 здания ликвидировано, то оно не может оставаться памятником культуры пушкинского времени...» [7, л. 98].

Точку зрения К.И. Рязанова и С.Л. Агафопова разделял и кандидат филологических наук, доцент Горьковского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского С.А. Орлов. В памятной записке, адресованной в обком КПСС и главному архитектору Горьковской специальной научно-реставрационной производственной мастерской С.Л. Агафонову, 30 июля 1959 г. он писал: «Необходимо полностью восстановить здание болдинской церкви по сохранившимся чертежам. Здание это в летнее время может быть использовано как помещение для туристов...». Кроме того, он предлагал изменить характер всей

экспозиции музея: ученый предложил разместить экспонаты из музея в здании бывшего барского дома, а в вотчинной конторе заново создать музей пребывания А.С. Пушкина в Болдине; включить в экспозицию все сохранившиеся материалы: портреты поэта и его родных, мебель, подлинные документы или их копии из Горьковского областного архива, издания произведений Пушкина, научные и исследовательские работы о нем и пр. [7, л. 233]. По письму С.А. Орлова в Горьковском облисполкоме состоялось совещание. 30 ноября 1959 г. облисполком было принято решение по проведению работ, связанных с достройкой, ремонтом барского дома Пушкиных, а также по планировке и благоустройству районного центра села Большое Болдино. Все работы планировалось провести в 1960 г. [7, л. 230].

В 1960 г. Совет Министров РСФСР на ремонтно-реставрационные работы памятников архитектуры Горьковской области выделил 1 млн. 400 тысяч рублей. Из областного бюджета в том же году было израсходовано 107 тысяч рублей на проведение работ в усадьбе А.С. Пушкина в Большом Болдине [8, л. 52].

В 1974 г. отмечалось 175-летие со дня рождения поэта. Городские и областные власти утвердили планы мероприятий по подготовке и празднованию. Были проведены торжественные и литературные вечера, встречи писателей с трудящимися предприятий г. Горького, кинофестивали художественных и документальных фильмов, посвященных А.С. Пушкину, выставки, читательские конференции, экскурсии в Дом-музей поэта в с. Б.Болдино для учащихся и студентов учебных заведений, организованы книжные базары, продажа открыток и сувениров. Мероприятия освещались средствами массовой информации. В Болдино был открыт музей «крепостная контора Пушкиных, в заповедной роще «Лучинник» прошел народный праздник. Перед собравшимися выступил секретарь Союза писателей СССР, прозвучали стихи в исполнении поэтов, приехавших из г. Москвы, автономных республик и областей Поволжья. В торжествах приняли участие писатели, художники, композиторы, архитекторы и пр. [11, л. 35-36]. Такие праздники стали традиционными.

В 1979 г. в с. Большое Болдино был установлен памятник великому поэту работы скульптора О.К. Комова [13, с. 17 об.]. Известный советский литературовед И.Л. Андронников в письме секретарю Горьковского обкома партии И.З. Борисовой поздравил ее «с удачей ... в горьковском поэтическом хозяйстве». «Мне посчастливилось увидеть модель памятни-

ка Пушкину, созданную О.К. Комовым. Это – великолепно по образу, по пластике, по настроению, какое внушает он, по той тишине, которую он устанавливает вокруг себя. Место его в пределах усадьбы, недалеко от входа, но подальше в глубине, чтобы он не стоял на пути, а вписывался бы в зелень деревьев...», – так оценил мастер устного художественного слова памятник, выполненный для усадьбы в с. Болдино [12, л. 1].

27 октября 1986 г. Горьковский обком КПСС принял решение о проведении в ноябре Пушкинского фестиваля в г. Горьком с привлечением 30 ведущих мастеров оперного и балетного искусства страны [9, л. 6].

I Всероссийский Пушкинский фестиваль оперного и балетного искусства «Болдинская осень» открылся в г. Горьком 22 ноября 1986 г. оперой П.И. Чайковского «Евгений Онегин» [17, с. 4].

В центре г. Горького, на улице Свердлова был размещен фотостенд фестиваля, проведена творческая конференция с участием музыковедов и театральных критиков СССР. Важным фактором проведения фестиваля должно было стать широкое привлечение зрительской аудитории, повышение у горьковчан интереса к музыкально-театральному искусству [10, с. 94].

5 июня 1988 г. Горьковское отделение Советского фонда культуры обратилось к горьковчанам-нижегородцам активно включиться в возрождение Сада Пушкина, поучаствовать в сборе средств на его благоустройство и сооружение бюста великому поэту [14, л. 47].

Список литературы

1. ГОПАНО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 3960.
2. Там же. Д. 4155.
3. Там же. Д. 4157.
4. Там же. Д. 4158.
5. Там же. Д. 4413.
6. Там же. Оп. 2. Д. 895.
7. Там же. Д. 1056.
8. Там же. Д. 1618.
9. Там же. Оп. 15. Д. 75.
10. Там же. Д. 79.
11. Там же. Ф. Р-30. Оп. 22. Д. 13.
12. Там же. Ф. Р-7930. Оп. 1. Д. 39.
13. Там же. Д. 118.
14. Там же. Ф. Р-8014. Оп. 1. Д. 748а.
15. Красный архив. – 1937. – № 1. – 252 с.

16. С.В. *Скинетрова*. А.С. Пушкин в детском творчестве // Горьковская область. Облгиз. – 1936. – № 4.

17. *Н. Бордюк*. Гений чистой красоты // Горьковская правда. – 1986. – 24 ноября. – № (271) 21031.

18. Государственный литературно-мемориальный и природный музей-заповедник А.С. Пушкина «Болдино» [Офиц. сайт]. URL: <http://www.boldinomuzey.ru/istoria-vladerania/uvecovechit.html> (дата обращения: 10.11.2013).

А.О. Марьева

НИЖЕГОРОДСКАЯ ПУШКИНИАНА КАК КНИГОВЕДЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

**(прижизненные и юбилейные издания в фонде
Нижегородской государственной областной
универсальной научной библиотеки им. В.И. Ленина)**

Термин «пушкиниана» в специальной литературе начал употребляться с 1880 г. В этом году под таким названием вышел каталог Пушкинской библиотеки Александровского лицея (до 1843 г. Царскосельский лицей) [1]. В 1886 г. Александровский лицей под тем же названием выпустил библиографический указатель статей о жизни А.С. Пушкина, его сочинений и вызванных ими произведений литературы и искусства [2]. В 1939 г. в Толковом словаре русского языка в 3-м томе был впервые зафиксирован термин «пушкиниана», под которым понималась «литература, посвященная А.С. Пушкину, и издания его сочинений» [3, стб. 263].

Собрание Нижегородской пушкинианы в фонде НГОУНБ включает в себя прижизненные и юбилейные издания произведений А.С. Пушкина; нижегородско-горьковские издания произведений писателя и работы нижегородских краеведов и пушкинистов.

Прижизненные издания А.С. Пушкина известный библиофил Н.П. Смирнов-Сокольский охарактеризовал как «реликвии русской литературы... Прижизненная книга Пушкина – почти его автограф» [4, с. 29, 33].

Всего при жизни поэта вышло 39 самостоятельных изданий произведений, издававшиеся с 1820 по 1837 г.

В фонде нижегородской Ленинки хранятся экземпляры 8 книжных прижизненных изданий. Среди них: «Кавказский пленник» издание 1824 г. цензора и переводчика Е.И. Ольдекопа [5], два издания поэмы «Братья разбойники» [6], первая и третья части многотомного издания «Стихотворения» (1829–

1835) [7], одна из редчайших прижизненных книг — «Повести изданные Александром Пушкиным» 1834 г. [8], великий политический и творческий подвиг поэта «История Пугачевского бунта» [9], вторая часть издания «Поэмы и повести» (1835 г.) [10], 3-й и 4-й номера за 1836 г. собственного журнала Пушкина «Современник» [11].

Пушкин, начиная с 1814 г., активно публиковался в журналах. Известно, что при жизни поэта его произведения выходили на страницах 15 периодических изданий. На данный момент в фонде НГОУНБ обнаружено два журнала с прижизненными публикациями Пушкина: литературное приложение «Новости литературы» к газете «Русский инвалид» издателя А.Ф. Воейкова и журнал «Московский вестник», издаваемый Михаилом Погодиным.

1820-е гг. — период расцвета альманахов. В фонде нижегородской Ленинки обнаружены 3 альманаха с прижизненными публикациями поэта. Самый ранний — «Полярная звезда» [12] на 1825 г., изданный А. Бестужевым и К. Рылеевым. Вторым альманахом — «Альбом северных муз» [13] на 1828 г. Составителем выступил А.И. Ивановский, литератор, член Вольного общества любителей российской словесности, чиновник следственного комитета по делу декабристов. И последний альманах — «Северные цветы» [14] на 1831 г. — одно из наиболее изящных изданий пушкинской поры.

Еще при жизни писателя его произведения часто включали в хрестоматии и собрания сочинений различных авторов, предназначенных для учебных заведений. К таким изданиям можно отнести многотомные собрания, подготовленные Обществом любителей отечественной словесности [15] и хрестоматию [16], составленную Иваном Пенинским. Новинки в таких изданиях не печатались, а размещались уже хорошо известные поэтические и прозаические работы А.С. Пушкина.

Как известно, первое издание собрания сочинений А.С. Пушкина [17] было подготовлено за казенный счет в пользу вдовы и детей поэта и осуществлено трудами В.А. Жуковского, П.А. Вяземского и П.А. Плетнева. Всем губернаторам разослали письмо, в котором предлагалось организовать подписку на первое посмертное издание сочинений Пушкина. Билетов на подписку на всю Нижегородскую губернию было выделено 40 штук (№№ 8616-8655). Подписчиков оказалось двое: почетный гражданин Нижнего Новгорода, купец 1-й гильдии, дважды городской голова Михаил Климов и нижегородский купец 2-й гильдии Лука Максимович Коптев.

Второе собрание сочинений А.С. Пушкина [18] и первое научное собрание было подготовлено литературным критиком П.В. Анненковым и напечатано в середине 1850-х гг. Его старший брат Ф.В. Анненков неполных два года с 1854 по 1856 г. занимал должность нижегородского губернатора. Летом 1855 г. П.В. Анненков гостил в Нижнем Новгороде, и его брат губернатор использовал свою власть для распространения среди купцов на Нижегородской ярмарке сочинений поэта, чем вызвал у купцов большое неудовольствие.

Один из значительных разделов пушкинианы — юбилейные издания произведений А.С. Пушкина, которые отличались особо торжественным оформлением и к иллюстрированию которых привлекались именитые художники. Для юбилейных изданий часто выбирались необычные формы и размеры книг.

К юбилейным датам были приурочены и многие издания нижегородских краеведов, посвященные А.С. Пушкину. Важную роль в увековечении памяти поэта сыграла Нижегородская губернская ученая архивная комиссия. Работы А.С. Гацицкого, П.А. Альбицкого, А.И. Звездина, Г.-Б.И. Родзевича, В.Е. Чешихина [19] открыли перспективы изучения темы «А.С. Пушкин и Нижегородский край».

Первоначально в практике нижегородско-горьковского книгоиздания сочинения А.С. Пушкина встречались редко. По всей видимости, книг, вышедших в центральных издательствах, хватало для того, чтобы удовлетворить читательский спрос: общий тираж произведений Пушкина с 1917 по 1982 г. составил 301 млн. экземпляров.

Первое нижегородское издание — «Сказки» А.С. Пушкина [20] — увидело свет в 1918 г. Через 10 лет в издательстве газеты «Нижегородская коммуна» была выпущена неоконченная повесть «История села Горюхина» [21], над которой поэт работал в Болдино. Издание было оформлено выдающимся художником книги, конструктивистом Н.В. Ильиным. В 1944 г., в годы Великой Отечественной войны, вышло малоформатное издание «Поэмы» [22].

Расцвет книгоиздательской деятельности приходится на 1960–1980-е гг., когда произведения А.С. Пушкина в Горьком выходили часто и большими тиражами. Украшениями коллекций «Нижегородская пушкиниана» являются болдинские издания [23], имеющие изящное оформление, небольшой формат, дополненные такими элементами презентации, как футляры, коробочки и т. д.

В год празднования 225-летия А.С. Пушкина нижегородская Ленинка подготовила и разместила в электронной библиотеке тематическую коллекцию «Пушкин и Нижегородский край» [24], куда вошли цифровые копии прижизненных изданий, краеведческих работ и библиографический указатель.

Пушкиниана как тематическое собрание документов, обладает огромнейшим потенциалом.

«Нижегородская пушкиниана» – это репрезентативная подборка книг, по которой можно проследить основные вехи отечественной книгоиздательской практики, начиная с 1-й половины XIX в.

«Нижегородская пушкиниана» – это совершенно особое направление в изучении творческого наследия А.С. Пушкина, связанное с пребыванием поэта на нижегородской земле, подчеркивающее уникальность и самобытность нижегородского края.

«Нижегородская пушкиниана» – это настоящее пособие по истории и культуре чтения, начиная от изучения общественного мнения о книгах и заканчивая предпочтениями в выборе формата книги для чтения.

«Нижегородская пушкиниана» – это коллекция, которая вызывает интерес постоянный и закономерный.

В 1859 г. Аполлон Григорьев написал: «Пушкин – наше всё: Пушкин – представитель всего нашего душевного, особенно того, такого, что остается нашим душевным, особенным после всех столкновений с чужим, с другими мирами» [25, с. 10]. Поэтому пушкиниану, любую, вне зависимости от географической привязки, можно считать воплощением всего самобытного, особенного, что есть в русском народе, что отличает его сознание и даже образ жизни от представителей других культур и цивилизаций.

Список литературы

1. Puschkiniana: Каталог Пушкинской библиотеки. СПб.: тип. Р. Голике, 1880. 36 с.
2. Puschkiniana: Библиогр. указ. ст. о жизни, его соч. и вызван. ими произведений лит. и искусства. СПб.: Александров. лицей, 1886. [4], VI, II, 406 с.
3. Толковый словарь русского языка / Сост. Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов ... [и др.]. Т. 3: П-Ряшка М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1939. 1424 стб.
4. *Смирнов-Сокольский Н. П.* Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина, о книгах других авторов, им изданных, о его журнале «Современник», о первом посмертном собрании сочинений, а также всех

газетах, журналах, альманахах, сборниках, хрестоматиях и песенниках, в которых печатались произведения поэта в 1814-1837 годах: С прил. снимков и иллюстраций, портретов, заглавных листов и обложек. М.: Изд-во Всесоюз. книжной палаты, 1962. 631 с.

5. *Пушкин А. С. Кавказский пленник _ Der Berggefangene* : Повесть / Соч. А. Пушкина. Санктпетербург: Тип. сост. при Особенной канцелярии М-ва вн. дел, 1824. X, 68 с.

6. *Пушкин А. С. Братья разбойники* / А. Пушкина. (Писано в 1822 году). Москва : в типографии Августа Семена, при Императорской мед.-хирургической Академии, 1827. 16 с.; *Пушкин А. С. Братья разбойники* / А. Пушкина. (Писано в 1822 году.). Второе издание. Москва : в типографии Августа Семена, при Императорской мед.-хирургической академии, 1827. 14, [2] с.

7. *Пушкин А. С. Стихотворения Александра Пушкина*: [в 4 ч.]. Санктпетербург: в типографии Департамента народного просвещения, 1829. Ч. 1. 224 с.; Ч. 3. 1832. 208, [1] с.

8. *Пушкин А. С. Повести* изданные Александром Пушкиным. Санктпетербург: печатано в типографии Х. Гинце, 1834. [2], XIV, [2], 15-246, [1] с.

9. *Пушкин А. С. История Пугачевского бунта* : [Ч. 1-2. / А. С. Пушкин]. Санктпетербург: тип. II Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1834.

10. *Пушкин А. С. Поэмы и повести Александра Пушкина*: [в 2 ч.]. Ч. 2. Санктпетербург: печатано в Военной типографии, 1835. [8], 221 с.

11. Современник: литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. Ч. 3-4. Санктпетербург, 1836.

12. Полярная звезда: Карманная книжка для любительниц и любителей русской словесности..., изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. На 1825 год. Санктпетербург: в типографии Н. Греча, 1825. VI, 376 с., 1 л. фронт., 1 л. ил.

13. Альбом северных муз: альманах на 1828 год, изданный А. И[вановским]. Санктпетербург: в типографии А. Смирдина, 1828. [4], 348, VIII с., 2 л. фронт.

14. Северные цветы, собранные бароном Дельвигом. На 1831 год. Санктпетербург: в типографии Департамента народного просвещения, 1830. VII, 282, 124 с., [2] л. нот.

15. Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах / Изданное Обществом любителей отечественной словесности. [Ч. 1-6]. Санктпетербург: В Медицинской типографии, 1815-1817; Новое собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах, вышедших в свет от 1816 по 1821 год, / Изданное Обществом любителей отечественной словесности. Санктпетербург : В типографии Н. Греча, 1821.

16. *Пенинский И. С.* Российская хрестоматия, или Отборные сочинения отечественных писателей в прозе и стихах: [Ч. 1-2] Санктпетербург: Печатано при Императорской Академии Наук, 1833-1834.

17. *Пушкин А. С.* Сочинения Александра Пушкина. Т. 1-11. Санктпетербург : типография Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1838-1841.

18. *Пушкин А. С.* Сочинения Пушкина : с прил. материалов для его биогр., портр., снимков с его почерка и с его рис., и проч. Т. 1-7. Санктпетербург: П. В. Анненков, 1855-1857.

19. *Гауцкий А. С.* Болдино и Кочкурово: (из записной книжки) // Нижегородский сборник. Нижний Новгород, 1871. С. 321-336; Альбицкий П. А. Пушкин А. С. Нижегородский период в жизни А. С. Пушкина // Нижегородские губернские ведомости. 1887. № 13. С. 2; № 14. С. 2; № 15. С. 2; № 16. С. 2; *Звездин А. И.* О Болдинском имени А. С. Пушкина в Нижегородской губернии и о пребывании в нем поэта в 1830-х годах: (с литографированным портретом А. С. Пушкина, сохранившимся в с. Болдине). Нижний Новгород: Отделение типографии газеты «Волгарь», 1912. 24 с.; *Родзевич Г. И.* История последней болезни поэта А. С. Пушкина. Нижний Новгород: Тип. газ. «Волгарь», ценз. 1899. 18 с.

20. *Пушкин А. С.* Сказки: О царе Салтане. О мертвой царевне и семи богатырях. О золотом петушке. О рыбаке и рыбке. Нижний Новгород: Тип. В. Ройского и К. Карнеева, 1918. 62 с.

21. *Пушкин А. С.* История села Горюхина. [Нижний Новгород]: газ. Нижегородская коммуна, 1928. 39 с.

22. *Пушкин А. С.* Поэмы. Горький: Горьковское издательство, 1944. 239 с.

23. *Пушкин А. С.* Вновь с Пушкиным: болдинские произведения, 1833: проза, стихотворения, поэмы, сказки, письма / [Гос. лит.-мемор. и природ. музей-заповедник А. С. Пушкина «Болдино»]; Болдино, 2011. 452, [2] с.; *Пушкин А. С.* Болдинские произведения, 1830: [сборник]: к 190-летию Болдинской осени / [Гос. лит.-мемор. и природ. музей-заповедник А. С. Пушкина «Болдино»]. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2020. 427 с.

24. Пушкин и Нижегородский край // Нижегородская государственная областная универсальная научная библиотека им. В. И. Ленина (НГОУНБ): официальный сайт. Нижний Новгород, 2024. URL:<http://nnov.ngounb.ru/node/29889> (дата обращения: 22.08.2024).

25. Собрание сочинений Аполлона Григорьева : [вып. 1-14]. Вып. 6: Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина. 1915. IV, 81 с.

**ЯРКИЕ СТРАНИЦЫ: ОБЗОР ПРЕДМЕТОВ
ИЗ КОЛЛЕКЦИИ НГИАМЗ
К 225-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.С. ПУШКИНА**

Каждый год, не только в юбилейные даты, мы отмечаем день рождения великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Высокие идеалы, темы, художественные образы, которые он отражал в своем творчестве, не перестают волновать и привлекать внимание читателей. «Пушкин — пока единственный полный очерк нашей народной личности, ... образ, который мы долго еще будем оттенять красками» — писал А.А. Григорьев [1, с. 194]. Нижегородский историко-архитектурный музей-заповедник (далее НМЗ) отметил юбилей писателя выставкой «Есть память обо мне...» в главном здании музея — «Усадьбе Рукавишниковых». Предметы мебели, фарфор, художественная бронза, книги конца XVIII — начала XIX вв. создали атмосферу пушкинского времени. Здесь были представлены артефакты, иллюстрирующие творчество поэта в разных художественных жанрах.

Чем дальше от описанных событий, тем менее понятен образ мыслей, жизненные перипетии, исторические подоплеку «времен ушедших». А.С. Пушкин в своих произведениях смог воссоздать легкий простой язык, логику повествования, бытовые черты ушедшей жизни. О популярности в народе его творчества говорит количество издательств, которые выпускали свою лубочную продукцию по мотивам произведений поэта. Народный красочный лубок — лист с картинками — помогал понять смысл сказок и произведений. Небольшая, но разноплановая коллекция лубков хранится в музее. Примечательно, что первые «пушкинские» лубки поступили в Нижегородский городской художественный и исторический музей в виде пожертвования в 1906 г. от В.Е. Чешихина, который передал собранную им «коллекцию народных картин» [2, с. 163]. Василий Евграфович, секретарь и фактический редактор «Нижегородской земской газеты», член Нижегородской губернской ученой архивной комиссии, друг В.Г. Короленко и А.М. Горького [3, с. 168], в 1899 г. редактировал общедоступное издание сочинений А.С. Пушкина, наверное, именно тогда он собрал коллекцию лубков по пушкинской тематике. Самый ранний лубок «Сказка о рыбаке и рыбке» относится к 1878 г., он был издан в Москве в издательстве П.И. Орехова. Картинка состоит из 8 клейм, иллюстрирующих содержание сказки. Интерес представляет лубок

«А.С. Пушкин» (1887 г.) издательства И.Д. Сытина, который наряду с книгами, календарями, букварями и учебниками издавал лубки, ставшие народными библиотеками. По мнению биографа Е.А. Динерштейна: «В истории русского книжного дела не было фигуры более популярной и известной, чем Иван Дмитриевич Сытин. Без преувеличения можно сказать, что его знала вся грамотная и неграмотная Россия. Даже в крестьянской избе, никогда не видевшей книгу, виселяркий, праздничный календарь или лубочная картинка, изданные его фирмой и отпечатанные в его типографии» [4, с. 3]. Картинка лубка «А.С. Пушкин» состоит из 8 клейм: в центральном размещен портрет поэта и атрибуты его литературной деятельности: лавровый венок, перо и лира, в остальных клеймах размещены сцены из наиболее популярных у читателя, по мнению издателя, произведения писателя: «Сказка о рыбаке и рыбке», «Руслан и Людмила», «Бахчисарайский фонтан», «Русалка», «Борис Годунов», «Евгений Онегин», «Капитанская дочка». Под каждым клеймом фрагменты текстов. Еще один лубок из коллекции Чехихина, напечатанный в издательстве В. Рихтера, иллюстрирует сцену «Сказки о царе Салтане» (1894 г.). На переднем плане царские хоромы, на крыльце стоит царь, его приветствуют купцы, слева толпа народа, вдаль видно море, по нему плывут парусники. Авторским можно назвать лубок «Сказка о царе Салтане» (1898 г.) издательства И.Д. Сытина. Картинка из 7 клейм, иллюстрирующих сказку, оформлена в рамку со стилизованным растительным орнаментом. Под клеймами и внизу текст сказки, а в правом нижнем углу есть подпись художника «Н.М. 1898 г.». К сожалению, художники не афишировали своего сотрудничества с лубочными издательствами, но даже эта подпись и сам лубок свидетельствуют о росте качества художественного оформления и продукции. Еще два лубка на пушкинскую тематику – лубок «Барышня-крестьянка» (1896 г.) издательства П.В. Пурецкого, который иллюстрирует сцену первой встречи главных героев, и лубок «Песнь о вещем Олеге» (1901 г.) издательства «Торг. Дома А. Стрельцова с-вья» из 2 клейм, иллюстрирующих сцены предсказания кудесника и гибель Олега.

Продолжая пушкинскую тему, обратимся к ярким постановкам по произведениям А.С. Пушкина в Горьковском театре оперы и балета, которому в 1937 г. было присвоено имя поэта. В НМЗ хранится небольшой фонд, посвященный главному художнику театра Анатолию Михайловичу Мазанову. В 1935 г. он был приглашен в город Горький, где после реконструкции Народного дома открылся новый театр оперы

и балета. С первого сезона и на протяжении всей жизни его имя было на всех городских афишах. В 1956 г. за заслуги в области советского театрального искусства он был удостоен звания Заслуженного деятеля искусств РСФСР. На сцене театра в разные годы был поставлен весь пушкинский репертуар. В коллекции музея хранится только один эскиз А. В. Мазанова по пушкинской тематике – эскиз к постановке спектакля «Пиковая дама», датированный 1938 г. На нем мы видим декорации первого действия «Летний сад» к опере П.И. Чайковского «Пиковая дама». Все оформлено в серых полупрозрачных тонах, переплетенные ветви деревьев, ограда и ажурная беседка создают тревожное настроение начала оперы. Фотографии и эскизы были подарены музею супругой художника Т.И. Григораш-Мазановой.

В 1935 г. в г. Горький приехал и младший брат Виталий Михайлович Мазанов, ставший художником-декоратором, заведующим художественно-декорационным цехом в театре [5, с. 114]. В фондах НМЗ хранятся эскизы В.М. Мазанова, по которым он в дальнейшем создавал декорации. Его новаторские творческие находки делали уникальными постановки театра. Сегодня мы можем познакомиться с идеями оформления спектаклей в 1940-60-х гг.

На эскизе к постановке оперы «Борис Годунов» М.П. Мусоргского проиллюстрирован красивый эпизод спектакля. Мы видим третье действие: в Сандомирском замке Марина Мнишек за туалетом. Девушки развлекают ее льстивой песней. Часто режиссеры убирают эту часть для сокращения спектакля, но в художественном прочтении сцены она приобретает значимость и пролог к дальнейшим событиям. Марина перед высоким, огромным зеркалом. В зеркале дублерша, повторяющая все движения Марины. Представляя эту сцену, мы видим пророческую картину раздвоения судьбы героини. Такая трактовка волновала зрителей больше, чем простое отражение в зеркале. Сказочность оперы «Руслан и Людмила» М.И. Глинки давала большой простор для творчества. Декорации были наполнены музыкой. Особенно были проработаны сады Черномора, в которых происходила смена времен года. На эскизе мы видим цветущую весну в диковинных растениях и нежных красках. Сохранился эскиз В.М. Мазанова к опере Э.Ф. Направника «Дубровский». На эскизе изображен дом Дубровских, который будет сожжен как символ полного разрушения прежней счастливой жизни после возвращения главного героя. Еще один эскиз В.М. Мазанова по произведению А.С. Пушкина «Полтава» к опере «Мазепа» П.И. Чайковско-

го. Сила пушкинских стихов, неповторимая яркость образов стали творческим стимулом для художника, который в своей работе попытался передать значимость исторических событий, борьбу взглядов и идей, происходящих на фоне личной семейной драмы, изобразив в центре эскиза портрет Петра I. В НМЗ все эскизы поступили в 1998 г. в дар от художника.

Имя актера Иннокентия Михайловича Смоктуновского связано со съемками фильма Ю.Б. Беспалова «Болдинская бессонница» [6, с. 222]. Это фильм – размышление о болдинской осени 1830 г., о том, чем она стала для Пушкина, что было им пережито за три месяца и как этот период отразился в его творчестве. Название фильма было навеяно стихотворением поэта «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы. 1830». Сценарий написали Г. Молокин и Ю. Беспалов в соавторстве с И. Смоктуновским. Время на съемки было ограничено, они проходили в усадьбе Пушкиных, в вотчинной конторе, в господском доме. И.М. Смоктуновский был глубоким, творческим человеком, в фильме он произносил авторский текст, говорил от лица Пушкина, представал в образах Моцарта, Сальери, Дон Гуана. В фондах НМЗ хранятся переданные Горьковским телевидением предметы: «хлопушка» со съемок фильма «Болдинская бессонница», фотографии актера И.М. Смоктуновского и моментов работы над фильмом фотографов Г. Марченко и Л. Кузнецова, а также знаменитый символ – марка Горьковского телевидения: летящий олень на красном фоне.

Художественные произведения, хранящиеся в музее, вдохновленные произведениями А.С. Пушкина, позволяют сегодня посетителям погрузиться в мир образов и произведений великого русского поэта.

Список литературы

1. Григорьев А. А. Апология почвенничества [The apology of soil science]. М. 2008. С. 688. (In Russian).
2. Уткина Н.А. Нижегородский музей: основание [Nizhny Novgorod Museum: the foundation]. Н. Новгород. 2017. С. 404. (In Russian).
3. Нижегородское окружение А.М. Горького, 1889–1904: [библиогр. справочник] [NizhnyNovgorodenvironmentof A.M. Gorky], 1889–1904]. Сост. В.Н. Блохина. Горький. 1968. С. 184. (In Russian).
4. Динерштейн Е.А. И.Д. Сытин [I.D. Sytin]. М. 1983. С. 274. (In Russian).
5. Черепанова Т.А. Виталий Мазанов – художник театра: [альбом] [VitalyMazanov – theaterartist: [album]. Н. Новгород, 2006. С. 127. (In Russian).

6. *Цирульников А.М.* Рождается в Болдине слово [The word is born in Boldino]. Н. Новгород. 2008. С. 447. (In Russian).

Б.М. Пудалов

РАННИЕ СВЕДЕНИЯ О БОЛДИНСКОЙ ВОТЧИНЕ ПУШКИНЫХ

Болдинская осень 1830 г. занимает особое место в жизни и творчестве А.С. Пушкина, поэтому история села Болдино, родового имения великого поэта, заслуживает внимательного изучения. Благодаря издательскому проекту нижегородских архивистов «Арзамасский уезд в XVII веке» в научный оборот вводятся ранние описания Болдина, относящиеся к первому столетию его истории. Ряд наблюдений, сделанных на основе этих источников, позволяют представить облик села и состав его населения.

Первое описание, сохранившееся в «Писцовой книге Арзамасского уезда 1621–1623 гг.», гласит: «Село Еболдино на речке на Азанке, что была деревня за бортники» [1]. Топоним («Еболдина»), подтверждаемый более ранними актами 1612 г., указывает на его мордовское происхождение. Об этом же свидетельствует и расположение у небольшой речки, в целом характерное для мордовских деревень [2]. Бортничество, традиционное занятие мордвы, перенималось русскими, селившимися со второй половины XVI в. в мордовских деревнях. Поэтому фразу «что была деревня за бортники» следует понимать как вид поселения («бортничья деревня») со смешанным, русско-мордовским, составом населения к началу XVII в. (а быть может, и ранее). Строительство церкви ускорило процесс ассимиляции местных жителей, так что к 1620-м годам Болдино – уже русское село.

Постепенное преобразование деревни мордовской, а позднее бортной, в русское село следует связывать с деятельностью его владельцев Пушкиных. К сожалению, нет документальных свидетельств о точном времени появления в Арзамасском уезде представителей этого рода. Возникновение уезда и массовое испомещение здесь русских землевладельцев датируется 1560–1570-ми гг.; процесс этот продолжался и позднее. Увы, остается неизвестным, кто из Пушкиных впервые и когда получил землю у речки Азанки в поместье.

Нет достоверных документальных подтверждений популярной версии о пожаловании Болдина в 1585 г. Иваном Грозным воеводе Евстафию Михайловичу Пушкину за оборону

Смоленска и за переговоры со Стефаном Баторием. Версия эта тем более сомнительна, что ни Евстафий, ни его ближайшая родня – потомки Михаила Пушкина не владели поместьями или вотчинами в Арзамасском уезде. [3] Источники свидетельствуют, что к началу XVII в. поместьями и вотчинами в различных местах Арзамасского уезда владели представители двух других семейств младшей ветви рода Пушкиных: сыновья Гаврилы Григорьевича, Григорий и Степан, а также сын Семена Пушкина Федор (двоюродный брат Гаврилы). С.Б. Веселовский ввел в научный оборот грамоту, выданную от имени «Совета всея земли» 15 ноября 1612 г. и направленную в Арзамасскую приказную избу. Грамота указывала привести крестьян деревни Еболдиной, данной Ивану Федоровичу Пушкину из поместья в вотчину, к послушанию вотчиннику [4]. Судя по тексту, И.Ф. Пушкин испомещен здесь был ранее сентября 1612 г. Обращает на себя внимание тот факт, что грамоту в приказную избу подал слуга не Ивана, а его родного брата – Федора. Несомненно, что в вопросах землевладения в Арзамасском уезде братья действовали «заодин»: об этом же свидетельствует опубликованный С.Б. Веселовским «Список арзамасцов дворян и детей боярских, у которых за ноугородские неты [то есть за уклонение от участия в походе на Новгород в 1613 г. – Б. П.] поместья в треть и вполье розданы в роздачу». В списке указано, что у Ф.С. Чемесова, Н.Д. Труфанова, Л.А. Нечаева «поместей их отдано Федору да Ивану Федоровым детям Пушкина» [5]. Через десять лет, в «Писцовой книге 1621–1623 гг.» Иван отсутствует, а Федор Федорович Пушкин указан уже как владелец села на правах вотчины по жалованной грамоте царя Михаила Федоровича «за московское осадное сиденье» 1618 г. При этом неясно, владел ли Федор Федорович Пушкин селом ранее на правах поместья, а главное, были ли они с братом Иваном когда-то совладельцами Болдина. Иными словами, были ли братья вместе испомещены здесь до сентября 1612 г., а затем последовательно, хотя и в разное время, обратили поместье в вотчину, да еще и прирастили свои владения за счет соседей?

К сожалению, проверить это на основе достоверных источников (хотя бы косвенных) пока не удастся. Известно лишь, что Федор и Иван Федоровичи Пушкины вместе с отцом Федором Семеновичем Пушкиным служили в ополчении кн. Д.М. Пожарского, а затем в соединенном (с сентября 1612 г.) земском ополчении. Московский дворянин Ф.С. Пушкин, последний раз упомянутый в боярских списках в 1628 г., вскоре умер, и нет сведений, что он когда-либо владел Болдином. Его

сын Иван Федорович, с которым связано первое документальное упоминание «деревни Еболдиной» в 1612 г., в боярских списках 1626–1633 гг. отсутствует, так как он умер ранее, еще при жизни отца. Другой сын, Федор Федорович Пушкин по прозвищу «Сухорук», московский дворянин (с 1636 г. – стряпчий), в 1618 г. активно участвовал в обороне Москвы «в королевичев приход», а в дальнейшем не раз получал ответственные назначения: был «в письме» в 1626 г. (в Московском уезде) и вновь в 1629–1632 гг., служил воеводой в разных городах [6]. Федор должен был наследовать брату Ивану, умершему бездетным [7], но неясно, когда и при каких обстоятельствах это произошло. По мнению А.П. Павлова, деревня Еболдина после смерти Ивана, последнее упоминание о котором относится к 1615 г., «перешла к его брату Федору, который владел ею в качестве поместья (очевидно, в силу действия боярского приговора 30 ноября 1613 г. о переводе выслуженных вотчин, пожалованных «при боярех» «за московское очищенье», в поместья), а затем Ф.Ф. Пушкину с. Еболдино было пожаловано в вотчину за московское осадное сидение «в королевичев приход»» [8]. По всей видимости, получив в 1618 г. жалованную грамоту, Федор оказался единственным владельцем-вотчинником Болдина и владел им до смерти. Однако неизвестно, владел ли кто-нибудь из Пушкиных этими землями до братьев Федоровичей. Необходим дополнительный поиск источников, хотя бы косвенных.

А вот дальнейшая владельческая история села Болдино восстанавливается на основе переписных книг достоверно. В 1646 г. вотчиной владеют вдова Федора Федоровича Анна и их сын Иван Федорович [9]. В 1677/78 г., вероятно, после смерти матери, стольник Иван Федорович Пушкин – единственный владелец вотчины в селе Болдино. Известны многочисленные придворные и воеводские службы И.Ф. Пушкина на протяжении почти сорока лет (до начала 1680-х гг.) [10], так что в своей арзамасской вотчине он едва ли появлялся. Это отразилось на управлении села: если в писцовой книге начала 1620-х гг. здесь отмечены двор вотчинника и двор приказчика, то в 1646 г. и 1677/78 г. нет ни того, ни другого. Следовательно, с середины XVII в. Болдино управлялось «миром», то есть выборными из местных крестьян, платя взаимно оговоренные подати своему владельцу. Наверняка это соответствовало чаяниям крестьянского «мира», где могла сохраниться память о самоуправлении «бортной деревни». Возможно, в попытке нарушить этот сложившийся издавна порядок крылась причина «непослушания» крестьян «деревни Еболдиной» в

1612 г. пожалованному вотчиннику – дяде и полному тезке Ивана Федоровича. Примечательно, что и Михайло-Архангельская церковь, построенная в селе между 1612 г. и 1621 г., и все ее имущество – «мирское, приходных людей» [11].

Сопоставительный анализ данных писцовой и переписных книг о населении и внутренней структуре болдинской вотчины свидетельствует о развитии села в допетровский период. В начале 1620-х гг. здесь было 44 двора: 20 крестьянских и 24 бобыльских; в них душ мужского пола – 20 крестьян и 25 бобылей (всего 45 душ). Перепись 1646 г. зафиксировала 67 дворов: 46 крестьянских и 21 бобыльский; в них проживало душ мужского пола: 202 и 57 крестьян и бобылей, соответственно (всего 259 душ). В 1677/78 г. в вотчине было 86 дворов: 37 крестьянских и 49 бобыльских; в них проживало душ мужского пола: 163 и 113 крестьян и бобылей, соответственно (всего 276 душ) [12].

Примечательно, что среднее количество душ мужского пола в бобыльских дворах заметно меньше, чем в крестьянских дворах: в 1646 г. – 2,7 чел. против 4,4 чел.; в 1677/78 г. – 2,3 чел. против 4,4 чел. Этот факт заставляет вновь вспомнить суждение С.Б. Веселовского о бобылях XVII в. как о «худых», то есть малоимущих людях, в ряде случаев и «по местным обстоятельствам» «негодных в тягло». Ученый отмечал, что «указы 128–140 гг. [то есть 1619/20 – 1631/32 гг. – Б. П.] в интересах казны лишали писцов права освобождать от тягла худых людей и значительно суживали усмотрение писцов... Одновременно указы давали объективные нормы для положения людей в тягло. В этом, как я думаю, главное значение указов и в этом смысле можно говорить, что после них худые люди, и в том числе и бобыли, из нетяглых стали тяглыми» [13]. Сравнительно малое количество рабочих рук в бобыльских дворах с. Болдино, по-видимому, свидетельствует о маломощности таких хозяйств и подтверждает наблюдение С.Б. Веселовского. В его же пользу свидетельствует и факты свободного, то есть не оформляемого юридически, перехода из крестьян в бобыли, наверняка вызванного чисто хозяйственными обстоятельствами [14].

В этой связи следует отметить, что дворы, которыми владели вдовы (единственные женщины, показанные в переписных книгах!), учтены в переписи 1646 г. в числе дворов крестьянских (7 дворов), а в переписи 1678 г. – в числе бобыльских (5 дворов). Действительно, хозяйство, оказавшееся в руках женщины после смерти мужа, могло стать «худым» при малолетних сыновьях, – однако могло на поверку оказаться и состо-

ятельным, если там были взрослые сыновья или зятя [15]. Тут уж, как говорится, «все относительно». Но, по-видимому, вдовий век был коротким, ибо вдовы переписей 1646 г. и 1677/78 г. суть разные лица. За тридцать лет, отделявших одну перепись от другой, вдовы 1646 г. успели либо умереть, если были в преклонных годах (на это указывает количество взрослых сыновей), либо повторно выйти замуж. О том, что существовала и такая возможность, свидетельствуют упоминания пасынков или сыновей от первого брака [16].

Имена и патронимы болдинских жителей XVII в. – тема самостоятельного антропонимического исследования. Но обращает на себя внимание тот факт, что не только в 1677/78 г., но и ранее, в начале 1620-х гг. и в 1646 г. практически все имена и патронимы крестьян и бобылей, все имена вдов – канонические («календарные», «церковные», то есть нареченные по святцам). С большим трудом обнаруживаются два неканонических («обиходных») имени у болдинских бобылей в нач. 1620-х гг.: «Жданко» и «Меншик». В переписи 1646 г. лишь единственный патроним «Путиловы» у двух братьев-крестьян сохранил след неканонического имени их отца. Наряду с этим, во всех переписях XVII в. у болдинских жителей указаны только имена и отчества; единственное исключение – фамилия (от прозвища) «Быков» у одного из крестьян [17]. Перечисленные особенности резко отличают жителей села Болдино от основной массы русских поселений Арзамасского уезда XVII в., где «обиходные» имена и патронимы встречаются нередко, по крайней мере, до реформ патриарха Никона, а прозвания-фамилии у крестьян и бобылей к 1677/78 г. становятся уже привычными. По-видимому, здесь сказалось мордовское происхождение большинства жителей Болдина, потому что именно для мордвы нехарактерны славянские «обиходные» имена и русские прозвища-фамилии. Мордовские же прозвища-фамилии, если они и были, русские переписчики в православных селениях не записывали, ограничиваясь каноническими именами и патронимами.

Общий статистический анализ переписей XVII в. позволяет сделать вывод, что село Болдино развивалось сравнительно успешно. Количество дворов к 1678 г. (конец допетровского периода) по сравнению с началом 1620-х гг. (завершение Смуты) увеличилось почти вдвое, а население – примерно в шесть раз! При этом важно подчеркнуть, что количество душ мужского пола не сокращалось и после 1646 г., в том числе в период кровопролитной русско-польской войны 1653–1667 гг.: напротив, оно возросло, хотя и незначительно (с 259 до

276 душ). При этом внешней миграции, то есть переселенцев из-за рубежа (например, «польского полону») в Болдино не зафиксировано, а внутренняя миграция тяглых была невелика. Перепись 1677/78 г. зафиксировала только один двор беглого крестьянина, тогда как обычно у мелких землевладельцев в бегах числилась чуть ли не половина крестьян. При этом перепись 1646 г., напротив, отметила факты бегства крестьян в село Болдино – вотчину И.Ф. Пушкина [18]. Большинство же болдинских крестьян, судя по переписям, вообще не покидало вотчину, что, кстати, позволяет без особого труда проследить генеалогию некоторых семейств на протяжении четырех-пяти поколений – даже несмотря на отсутствие фамилий! [19]

По-видимому, сравнительно спокойной была и внутренняя жизнь пушкинской вотчины. В допетровских актах Арзамасской приказной избы, введенных к настоящему времени в научный оборот, село Болдино не упоминается, и случаи дворянской или крестьянской уголовщины (грабежи, разбои, убийство крепостных) здесь в рассматриваемый период не отмечены. Ключевую роль в этом могло сыграть крестьянское самоуправление. «Мир», опиравшийся на традиции бывшей бортной деревни, в отсутствие вотчинника и его приказчика наверняка старался сам через своих выборных решать местные проблемы, не доводить дело до суда и «не выносить сор из избы».

К сожалению, по известным ныне источникам не удается проследить динамику хозяйственной жизни села. К началу 1620-х гг. по писцовой книге в Болдино числилось «пашни паханые вотчинниковы дватцетъ пять чети, да крестьянские пашни восемь чети, да перелогу шездесят семь чети, и обаго пашни и перелогу сто чети в поле, а в дву по тому ж, земля добра; сена меж поль и по заполью и по вражком и по реке Азанке по обе стороны четьреста копен; в живущем восемь чети» [20]. Рост количества дворов и жителей в течение XVII в. должен был привести к увеличению пашни и активному освоению других угодий, среди которых важнейшими, по С.Б. Веселовскому, были «усадебная земля с околицей, гумном и выгоном, сенные покосы, дровяной и строевой лес и водопой для скота, а в случае надобности и прогон к водопою» [21]. О норме оклада известно, что в 1631/32 г. власти Арзамасского и Нижегородского уездов добились его снижения с прежнего («в поместьях и вотчинах в живущее на четверть по 2 двора крестьянских и по 2 двора бобыльских») на более легкий, по примеру Курмыша и Алатыря, где чуть раньше велено было считать «в поместных и вотчинных землях на четь

пашни доброй земли по 5 дворов крестьянских и по 3 бобыльских...» [22]. Но для уточнения количества пашни и угодий села Болдино к концу XVII в. и размеров собиравшихся в это время податей необходимо привлечение дополнительных источников – платажных книг, отписей из приказной избы. Это остается актуальной задачей дальнейших исследований.

В целом пушкинское Болдино к концу допетровской эпохи было заметным владением по сравнению с другими вотчинами в Арзамасском уезде. По данным О.А. Шватченко, всего в данном регионе, с его сравнительно высоким уровнем развития феодального землевладения, насчитывалось 7 светских вотчин, где было 466 дворов и проживало 1477 душ мужского пола крестьян и бобылей. При этом в с. Болдино насчитывалось 86 дворов и 278 душ [23]. Следовательно, на долю владельцев Болдина приходилось 18,45 % от общего количества вотчинных дворов и 18,82 % от общего количества вотчинных душ в Арзамасском уезде – то есть почти 1/5 часть. Это обстоятельство предопределило роль села Болдино в общем объеме владений рода Пушкиных, а также роль самих Пушкиных среди землевладельцев региона.

Примечания

1. Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг. Т. 2. Н. Новгород, 2022. С. 150. Рукописный источник: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7040. Л. 405 об. – 407об.

2. Речка Азанка – приток р. Чека, впадающей в р. Пьяну. Гидронимы в окрестностях современного с. Большое Болдино – также мордовского происхождения: Салалей, Жималейка, Мокшендейка.

3. Правдоподобно выглядит догадка, что Е.М. Пушкину, бывшему в 1580 г. воеводой в Смоленске, были пожалованы владения именно там: д. Болдино до сих пор существует в Смоленской области (15 км от Дорогобужа). Однако эта догадка требует документального подтверждения.

4. *Веселовский С.Б.* Арзамасские поместные акты (1578–1618 гг.). М., 1915. С. 446–447. В тексте сказано (с. 446): «В 121-м году [1612 г., до 15 ноября; вероятно, в сентябре. – Б. П.] то ево поместье с его окладу дано ему в вотчину, и то е деи ево вотчины, деревни Еболдина, крестьяне не слушают; и нам бы по совету все земли велети ему дати послушную грамоту». Грамоту в приказную избы «121-го декабря в 3 день подал Федоров человек Пушкина Васька Микифоров» (с. 447). Документ перепечатан: *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 522–523.

5. *Веселовский С.Б.* Арзамасские поместные акты (1578–1618 гг.). М., 1915. С. 518.

6. «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов. Сборник документов (Составитель Е.Н.Горбатов). М., 2015. С. 39, 124, 202, 285, 363, 414, 475. Об Ф.С. Пушкине см. там же, с. 37 (с пометой «комната»), 122, 200. В служебной карьере этой ветви рода отчетливо отразились отмеченные С.Б. Веселовским черты: «Пушкины не гонялись за быстрыми и ненадежными успехами и не пользовались тяжелым положением родины для личного обогащения. (...) Пушкины проходили свой путь через все повороты событий тяжелой поступью, не упускали того, что полагалось им по их чинам, происхождению и заслугам, но в то же время не поддавались соблазну схватить что-либо не по своей «мере». Большой груз сословных предрассудков и твердых понятий о чести рода придавал поведению Пушкиных в бурных событиях тяжеловесную устойчивость». (См.: *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 119).

7. По родословной книге, «у Федора Семенова сына дети: Федор Сухорук да Иван без[детный]. А у Федора Сухорука сын Иван да дочь – за боярином за княж Иваном Андреевичем Хованским» (Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011. С. 100).

8. *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование (в 2 т.). СПб., 2022. Т. 1. С. 697 (прим. 42). Т. 2. С. 386 (и прим. 2824).

9. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 7043. Ч. 2. Л. 1376 об. – 1383 (готовится к печати). Примечательно, что в популярных справочниках (например, в «Википедии») Ф.Ф. Пушкин показан умершим в 1653 г. Однако в «Переписной книге Арзамасского уезда 1646 г.» его жена Анна, урожденная Давыдова, уже именуется вдовой. О.А. Шватченко отметил, что Анна имела вотчины в Московском, Шуйском, Ярославском уездах, а также родовую вотчину в Коломенском у. Песоченском ст. – сц. Давыдово. Но при этом исследователь ошибочно именует ее «Анной Федоровной» (см.: *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века (историко-географический очерк). М., 1996. С. 150), тогда как она «Анна Иванова дочь Федоровская жена».

10. Прекращение службы могло быть вызвано близким родством с боярином кн. И.А. Хованским («Тараруй», казнен в 1682 г.), замужем за которым была Ирина («Арина»), родная сестра И.Ф. Пушкина (см. выше, прим.6).

11. См.: Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг. Т. 2, с. 150: «...а в церкви образы, книги и ризы и сосуды церковные и колокола и всякое церковное строенье мирское, приходных людей».

12. При переписи 1646 г. в итоговой записи (Кн. 7043. Ч. 2. Л. 1383) отмечено крестьянских дворов 47, в них душ мужского пола – 201. При этом в крестьянском дворе у Тимошки Григорьева показан «сын десяти лет» (л. 1379 об.), но без имени; возможно, его не сосчитали?

При переписи 1677/78 г. 5 дворов, которыми владели вдовы, учитывались вместе с бобьльскими дворами (44 двора): всего 49 бобьльских дворов. В итоговой записи (Кн. 7044, л. 238) указано 165 крестьянских душ мужского пола, тогда как при тщательном многократном пересчете их оказалось всего 163.

Причиной расхождения количественных показателей в итоговых записях и при современном пересчете могла быть техническая ошибка переписчиков XVII в. при переписывании сведений с черновых сказок (пропуск имен?).

13. *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и пососного обложения Московского государства. Т. II. М., 1916. С. 516–520.

14. Пример: в 1623 г. Омелька Григорьев – бобьль (Кн. 7041. Л. 407); в 1646 г. он же показан как крестьянин – «(в) Омелка Григорьев з детми з Гришкою да с Костюю (Кн. 7043. Ч. 2. Л. 1379 об.).

Сравнительно недавно М.Ю. Зенченко в своем источниковедческом исследовании переписных книг 1678/78 г. предложил иное толкование понятия «бобьль»: тяглый сельскохозяйственный работник, не пользовавшийся наемным трудом. (Зенченко М.Ю. Книги подворной переписи 1677/78 г.: время создания, принципы составления, итоговые документы // Отечественные архивы. М., 2012. № 2. С. 30–39). Исследователь исходил из своих наблюдений об отсутствии в бобьльских хозяйствах «соседей», «подсоседников», «захребетников», «деловых людей» и прочих разновидностей батраков. Однако наблюдения над текстом «Переписной книги Арзамасского уезда 1678 г. («Утишные» станы)» (в настоящее время готовится к печати) позволили выявить у бобьлей «соседей» (4 двора), «подсоседников» (3 двора) и «делового человека» (1 двор); см. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 7045. Л. 19 об. – 20, 313 об., 318, 321, 555–555 об., 570. Как говорится: «Это всё? – Не всё. Но всё же...». Поэтому выводы М.Ю. Зенченко о бобьлях следует признать ошибочными. Применительно же к с. Болдино следует отметить, что здесь наемных работников, судя по переписям, не было ни у бобьлей, ни у крестьян.

15. Примеры по переписи 1646 г.: «(в) вдова Федорица з детми с Сидорком да с Евтюшкою, а у Сидорка сын Петрунка, а у Евтюшки сын Олешка, (в) вдова Ксеньица з детми с Стенкою да с Офонкою да с Миткою, а у Стенки сын Васка, а у Офонки сын Мишка» (Кн. 7043. Ч. 2. Л. 1376 об. – 1377). Здесь в первом дворе два взрослых сына, у которых есть по сыну (внуки Федорицы), то есть минимум два полноценных работника; во втором дворе у вдовы три сына и два внука – значит, опять-таки минимум два полноценных работника. Иной случай: «(в) вдова Марьица з детми с Мишкою да с Мишкою ж да с Микишкою, да зять во дворе Терешка» (там же, л. 1377–1377об.); следовательно, есть взрослая дочь, и принятый во двор зять – полно-

ценный работник. К сожалению, переписчик не указывает возраст детей, и не исключено, что кто-то из них (в особенности внуки) – несовершеннолетние.

Примеры по переписи 1677/78 г.: «(в) вдова Агрофеница Кузмина дочь, у нее детей сын Гришка да Олешка да Гришка ж да Сенка тринадцати лет Дмитриевы дети» (Кн. 7044, л. 234 об.) – один несовершеннолетний сын, но три других сына – взрослые; «(в) вдова Марыца Назарьева дочь з детьми Пронька да Кирюшка да Макарко пяти лет» (там же) – два взрослых сына. Но едва ли мощным был двор, где «(в) вдова Овдотьица Артемьева дочь, у нее сын Микитка Григорьев» (там же, л. 237) – всего один взрослый сын, при неизвестном количестве и возрасте дочерей...

При письме начала 1620-х гг. вдовьи дворы в с. Болдино отсутствовали.

16. Примеры: «(в) бобыль Алешка Кондратьев, у него детей Бориско пятнадцати лет да Офонька семи лет да пасынок Гришка Изосимов пяти лет» (Кн. 7044, л. 235-235 об.), то есть А. Кондратьев женился вторым браком и взял женщину с ребенком – скорее всего, вдову; «(в) вдова Устинья Иванова дочь, у нее детей Ганка Киреев да Офонька да Тимошка осми лет Терентьевы дети» (там же, л. 235 об.), то есть Устинья была замужем за Кириллом и имела от него сына Гаврилу, а затем, овдовев, вышла замуж за Терентия и родила двух сыновей, но вторично овдовела.

17. См.: Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг. Т. 2, с. 150 (или по рукописи: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 7041. Л. 407, 407 об.); Кн. 7043. Ч. 2. Л. 1382 об.; там же, л. 1379.

18. Перепись 1677/78 г. по с. Болдино: «(д) беглого крестьянина Васьки Иванова, у него детей Агейко да Митька да Сенька да Мишка да Васька» (Кн. 7044, л. 238). По переписи 1646 г. в с. Верякуши, Ичаловского ст. Арзамасского у. (поместье Савелия и Ивана Владимировых детей Волынских): «(д) пуст Гришки Варламова, бежал во 149-м [1640/41] году, а живет за Иваном Федоровым сыном Пушкиным в Арзамасе в селе Болдине [В ркп. ошибочно: «Болтине». – Б. П.] (Переписная книга Арзамасского уезда. Т. 1. Н. Новгород, 2024. С. 244, или по рукописи: Кн. 7043. Ч. 1. Л. 475); в д. Адашево Залесного ст. за Шатковскими воротами (поместье Тимофея Федорова сына Куроедова): «да беглых крестьян: Мишка Семенов збежал во 147-м году, а живет на Березниках за князем Иваном Ивановичем Ромодановским, да с ним сын ево [так в ркп.; надо: «пасынок»?] Ларка Иванов, побегал во 152-м году, а живет в Орзамаском уезде за Иваном Пушкиным в селе Болдине» (Кн. 7043. Ч. 2. Л. 1203 об.). И действительно, по той же переписи 1646 г. в селе Болдино отмечено: «(в) Гришка Варламов з детми с Янкою да с Федкою да с-бвашком да с Офонкою» (там же, л. 1378 об. – 1379). Правда, Ларька Иванов в селе Болдино по переписи

си не значит, зато в самом конце переписи (л.1382об.) указано: «(в) бобыль Логинко Семенов». Не «спрятан» ли под этим обозначением сын Мишки Семенова из д. Адашево, бежавший без семьи?

19. Примеры:

1623 г. – крестьянин Игнашко Кондратьев (Кн.7041. Л.406об.);

1646 г. – (в) Игошка Кондратьев з детми с Васкою да с Карпункою да с Микишкою да с Петрункою да с Петрункою ж да с Панкою, а у Васки сын Сенка, у Карпунки дети Ивашка да Гришка да Костка, а у Мишки дети Климка да Олешка да Спирка (Кн. 7043. Ч. 2. Л. 1378–1378 об.);

1678 г. – (в) крестьянин Панька Игнатъев, у него детей Фетька да Олешка, у Фетьки сын Мишка пяти лет (Кн.7044. Л.237).

Генеалогия одной из ветвей этого крестьянского рода: Кондратий (живший, вероятно, в конце XVI в. и умерший к 1620-м гг.) > Игнатий > Павел > Федька > Мишка (пяти лет в 1678 г.). Всего пять поколений.

20. Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг. Т. 2, с. 150 (или по рукописи: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 7041. Л. 407 об.).

21. *Веселовский С.Б.* Сошное письмо... Т. II. М., 1916. С. 383.

22. Там же. С. 489–490.

23. *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века (историко-географический очерк). М., 1996. С. 191. Автор пользовался итоговыми данными источников, не пересчитывая их. Но в данном случае расхождения несущественны.

А.А. Романова

ОПЫТ СОХРАНЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНО-МЕМОРИАЛЬНОГО И ПРИРОДНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА А.С. ПУШКИНА «БОЛДИНО» КАК ЭЛЕМЕНТ СОБЫТИЙНОЙ РЕСТАВРАЦИИ

225-летний юбилей со дня рождения А.С. Пушкина в 2024 г. послужил поводом для проведения большого количества мероприятий по подготовке и проведению праздника. В статье сфокусировано внимание на том, как данное событие федерального значения стало основным двигателем в области реставрации архитектурного наследия. На примере исторического центра села Большое Болдино предлагается проследить опыт архитектурной практики событийной реставрации [1].

В первую очередь следует отметить, что под термином событийная реставрация подразумевается активизация реставрационного процесса, драйвером которого выступали значительные события регионального, российского или международного значения. В данном контексте, активизация рестав-

рационального процесса означает проведение работ по сохранению объектов культурного наследия¹, а также реконструкцию историко-архитектурной и архитектурно-градостроительной среды.

Большое Болдино располагается в Нижегородской области и является известным и многими любимым туристическим местом. Всего было заявлено проведение ремонтно-реставрационных работ на девяти зданиях музея, трех сервисных помещениях, а также ремонт двух мостов, благоустройство 16 га территории с установкой новой системы навигации. Вслед за ремонтом построек было обновлена и экспозиция: отреставрировано более 20 экспонатов и дополнительно планировалось приобрести антикварные предметы.

Соответственно следует выделить следующие направления проведения событийной реставрации:

1. Проведение работ по сохранению объектов культурного наследия в историческом центре Болдино, которые включают реставрацию и ремонт архитектурных памятников.

2. Реконструкция и комплексное благоустройство архитектурно-градостроительного пространства исторического центра села Большое Болдино.

Далее в статье содержится более подробный обзор каждого из направлений.

Реставрационные работы затронули обширный перечень объектов культурного наследия. Большая часть работ была реализована ЗАО «СМУ-77».

В Господском доме последняя серьезная реставрация проводилась более 30 лет назад, а в честь юбилея здесь выполнен капитальный ремонт и проведена реэкспозиция – выставочное пространство было дополнено мультимедийным оборудованием [2, 3].

Помимо проведения работ на главном мемориальном объекте усадьбы, также выполнено восстановление и капитальный ремонт усадебных построек музейных объектов, таких как Вотчинная контора, Барская кухня и Банька [4].

Помимо ремонтно-реставрационных работ выполнено благоустройство усадебного парка. Проектом предусмотрена установка освещения, установка скамеек, организация навигации и сервисных зон. В том числе проведен ремонт Горбатого мостика и Моста у вишневого аллеи. Первый до проведения

¹ Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федер. закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 14.04.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.04.2024) : [принят Государственной Думой 24 мая 2002 г.: Одобрен Советом Федерации 14 июня 2002 г.]. – Москва, 2002.

работ был выполнен из недолгосрочного материала – сосны, поэтому в процессе ремонта Горбатый мостик был демонтирован и выполнен из материалов с более долгим сроком службы – из лиственницы, а опоры, уходящие в воду – из дуба.

В бывшем доме церковного причта, известном как Музей пушкинских сказок, выполнен ремонт фасадов, внутренних помещений, систем электроснабжения, освещения и создана новая экспозиция.

Кратко стоит отметить, что в селе Львовка Большеболдинского района также были проведены следующие работы:

1. Ремонт барского дома Пушкина и обновление экспозиции Музея литературных героев «Повестей Белкина».

2. Разработка проектно-сметной документации по сохранению и реставрации объекта культурного наследия регионального значения «Церковь Александра Невского» на территории усадьбы А.А. Пушкина.

Второе направление проведения событийной реставрации подразумевало реконструкцию историко-архитектурного пространства в районе музея-заповедника «Болдино». Концепцию комплексного благоустройства курировал Институт развития городской среды Нижегородской области, идею разработали компания «Новая земля» совместно с бюро «ГОРА» и Lосsom [5].

Основной целью проекта являлось «эффективное использование потенциала территории через создание комфортного пространства под брендом «Пушкинское Болдино». Ключевой задачей было озвучено «создание единого аутентичного архитектурно-градостроительного ансамбля и гармоничной пространственной композиции».

За счет формирования единого смысла и создания единого оформления были созданы функциональные зоны, улучшены пешеходные связи и улучшена логистика движения гостей территории. Проектом организована событийная площадка для проведения культурно-массовых мероприятий.

В заключение хотелось бы отметить, как значительное событие 225-летний юбилей послужил поводом для проведения мероприятий по преобразованию исторического центра села Большое Болдино. Работы затронули не только ремонт и реставрацию архитектурных объектов, но и комплексное благоустройство прилегающих территорий, что значительно обогатило исторический облик старинного русского села Большое Болдино.

Феномен событийной реставрации обладает положительной тенденцией развития в последние десятилетия и поэто-

му подлежит дальнейшему изучению в рамках исследования автора.

Список литературы

1. Время N. Болдино готовится к 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина: сайт. – URL: <https://www.vremyan.ru/analytics/530263> (дата обращения: 11.08.2024). – Текст : электронный.

2. В городе N. Нижегородский музей Пушкина «Болдино» закрывается на реставрацию [Pushkin's Boldino Museum in Nizhny Novgorod closes for restoration] : сайт. – URL: <https://www.vgoroden.ru/novosti/nizhegorodskiy-muzej-pushkina-boldino-zakryvaetsya-na-restavratsiyu-id373767> (дата обращения: 11.08.2024). – Текст : электронный.

3. В городе N. Антиквариативные технологии: как изменится Болдино к пушкинскому юбилею [Antiques and new technologies: how Boldino will change by Pushkin's anniversary]: сайт. – URL: <https://www.vgoroden.ru/statyi/masshtabnaya-restavratsiya-prohodit-v-boldino-k-225-letnemu-yubileyu-a-s-pushkina> (дата обращения: 11.08.2024). – Текст : электронный.

4. Болдино. Музей заповедник А.С. Пушкина. Ремонтно-реставрационные работы на объектах музея [Repair and restoration work on museum objects]: сайт. – URL: <https://boldinomuzey.ru/index.php/sobytiya-20233/811-remontno-restavratsionnye-raboty-na-obektakh-muzeya> (дата обращения: 11.08.2024). – Текст : электронный.

5. 7 городов Нижегородской области подали заявки на всероссийский конкурс лучших проектов создания комфортной городской среды [7 cities of Nizhny Novgorod Region applied for the All-Russian contest of the best projects for creating a comfortable urban environment]: сайт. – URL: <https://irgsno.ru/news/7-gorodov-na-konkurs> (дата обращения: 11.08.2024). – Текст : электронный.

В.Г. Смирнов

МОРЯКИ И ПУШКИН. В ПАМЯТЬ О ПОЭТЕ

В 1860 г., накануне 50-летия Императорского Александровского лицея, в среде лицеистов возникла мысль о сооружении памятника А.С. Пушкину. Первоначально его хотели установить на деньги лицеистов, но потом стало ясно, что собранных средств будет недостаточно на изготовление памятника, достойного поэта.

18 декабря 1860 г., министр внутренних дел С.С. Ланской в своем письме управляющему Морским министерством сообщил, что император Александр II «изволил повелеть открытие подписки поручить мне, самый же памятник поставить в Царском Селе в бывшем Лицейском саду» [1, л. 1].

Неизвестно, сколько денег было собрано в Морском министерстве. 31 июля 1863 г. директор канцелярии Морского министерства К.А. Манн в своем письме просил председате-

ля Морского ученого комитета собранные на памятник Пушкину средства отправить «в здешнее Уездное Казначейство» и отсылать туда те суммы, которые будут поступать впоследствии. Председатель комитета контр-адмирал С.И. Зеленой распорядился об этом «объявить и препроводить от меня 10 рубл.» [2, л. 45].

Успешно начавшийся сбор средств в России постепенно остановился. Было собрано более 13 тыс. рублей, но это составляло лишь пятую или шестую часть от предполагаемых затрат на сооружение памятника. При этом правительство, утвердившее проект художника-архитектора Л.И. Бахмана и скульптора Н.А. Лаврецкого, не поддержало его финансирование [3, с. 170–173].

Сооружение памятника А.С. Пушкину в Москве

В 1870 г. товарищ Пушкина по лицу, адмирал Ф.Ф. Матюшкин, предложил воздвигнуть памятник поэту в Москве. В 1871 г. был учрежден Комитет для сооружения памятника. По инициативе лицеиста и академика Я.К. Грота в последующие годы была проведена новая подписка. В ней приняли участие и чины морского ведомства. Так, например, капитан 1-го ранга П.А. Риман, служивший в 8 флотском экипаже у Поцелуева моста в Крюковских казармах, 24 июня 1871 г. сообщал в штаб Санкт-Петербургского порта следующее: «Пожертвованные Г.г. Офицерами, состоящими в 8 экипаже, на сооружение памятника Пушкину деньги одиннадцать руб. пятьдесят коп. при сем препровождаю вместе с книжкою для сбора пожертвований...» [4, л. 6].

Усилиями Российской общественности на строительство памятника в Москве удалось собрать около 130 тыс. руб. В 1875 г. первая премия за проект памятника Пушкину была присуждена академику А.М. Опекушину. 23 декабря 1876 г. император Александр II одобрил его проект.

Памятник был открыт 6 июня 1880 г. в Москве, на Тверском бульваре. В ночь с 13 на 14 августа 1950 г. его переместили на другую сторону Тверской улицы (в то время — улицы Горького). После этого памятник стал центром композиции новой площади, названной в честь поэта [5].

Участие моряков в сборе пожертвований по случаю 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина

28 октября 1898 г. Кронштадтский военный губернатор вице-адмирал Н.И. Кознаков уведомил свой штаб о воле императора Николая II – проводить одну общую подписку по всей

империи для увековечения памяти А.С. Пушкина во Псковской губернии в связи с его 100-летним юбилеем.

4 ноября 1898 г. начальник штаба Кронштадтского порта контр-адмирал П.А. Безобразов подписал циркуляр с объявлением приказа Главного командира «открыть подписку для сбора пожертвований... среди чинов, служащих в учреждениях и командах морского ведомства в Кронштадте». Кроме того, штаб предложил прислать из «нижепоименованных учреждений и Команд приемщиков за подписными листами, которые вместе с собранными жертвованиями представить в Штаб Порта» [6, л. 4–5].

Уже 13 ноября 1898 г. помощник капитана над Кронштадтским портом представил в портовую контору следующий рапорт: «Представляю при сем ... список лиц, подписавшихся памяти поэта А.С. Пушкина; денег же из них при подписке никаких не отдано» [6, л. 9].

На этом рапорте старший помощник капитана над Кронштадтским портом полковник А.Н. Скворцов наложил 14 ноября 1898 г. исчерпывающую резолюцию: «Удержать при выдаче содержания за ноябрь м-ц» [6, л. 9]. Подобная практика имела продолжение и в 1899 г.

На 15 февраля 1900 г. было собрано всего 2544 руб. 36 коп. А для сооружения памятника требовалось около 13 000 руб. Недостающая сумма была покрыта из городских средств. Торжественное открытие памятника в Царском Селе состоялось 15 октября 1900 г. [3, с. 174–175].

Как отпраздновать юбилей поэта морякам

20 ноября 1898 г. была учреждена Комиссия для чествования 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина под председательством президента Академии наук великого князя Константина Константиновича. Ей предстояло обеспечить празднование 100-летнего юбилея великого поэта в масштабах России. С целью формирования программы празднования были направлены запросы в различные ведомства, в том числе и в морское [7, л. 1].

13 января 1899 г. начальник штаба Кронштадтского порта контр-адмирал П.А. Безобразов сообщил в Главный морской штаб (ГМШ) о том, что в день празднования, 26 мая, чины Артиллерийского и Минного классов будут находиться в плавании на Ревельском и Транзундском рейдах, но для них на судах будут устроены чтения «для ознакомления с биографией и деятельностью поэта». Далее П.А. Безобразов указал, что в Морском инженерном училище императора Николая I пред-

полагается отслужить обедню и затем – панихиду «за упокой души поэта», а после нее – «сделать акт, в котором предувенчанным лавровым венком бюстом поэта, между прочим, должно быть прочитано о заслугах великого поэта на пользу нашей дорогой родины». В заключение Безобразов отметил следующее: «Если 26 мая сего года будет открыт памятник великому поэту, то училище предполагает послать от себя, на открытие, депутата, для возложения на памятник лаврового венка» [8, л. 1, 4, 8–8 об.].

Медали для воспитанников

20 января 1899 г. император Николай II утвердил программу для чествования 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина. Эту программу великий князь Константин Константинович 27 января отправил управляющему Морским министерством П.П. Тыртову «для соображений» [8, л. 11]. Тогда же он сообщил, что всем выпускным воспитанникам учебных заведений предполагается выдавать в память Пушкина медали и просил доставить ему сведения, «сколько потребуется медалей на учебные заведения Морского ведомства» [9, л. 1]. 29 апреля 1899 г. помощник начальника ГМШ контр-адмирал М.А. Реунов сообщил непременно секретарю Академии наук, что «на учебные заведения Морского ведомства требуется 45 медалей, установленных в память столетия со дня рождения А.С. Пушкина» [9, л. 7].

Избранные сочинения Пушкина – воспитанникам

Юбилей гениального поэта не оставил без внимания и министр финансов С.Ю. Витте. 16 декабря 1898 г. он направил управляющему Морским министерством письмо, в котором сообщил следующее: «Предполагая ознаменовать празднование столетия со дня рождения А.С. Пушкина раздачей его сочинений воспитанникам учебных заведений распорядился изготовлением и напечатанием особого издания «Избранных сочинений А.С. Пушкина», под редакцией магистра русской словесности П. Морозова» [10, л. 1].

2 января 1899 г. П.П. Тыртов в своем ответе С.Ю. Витте указал, что «...для раздачи воспитанникам морских учебных заведений потребуется 600 экземпляров “Избранных сочинений А.С. Пушкина”» [10, л. 7]. Они были доставлены в Морское министерство в начале мая 1899 г. [10, л. 15].

Портреты поэта – воспитанникам

Непременный секретарь Академии наук генерал-лейтенант Н.Ф. Дубровин 4 ноября 1899 г. направил в Морское министерство следующее отношение: «По Высочайше учрежденной программе чествования памяти А.С. Пушкина было установлено раздать на память лучшим воспитанникам учебных заведений портреты знаменитого русского поэта...» [11, л. 15].

20 ноября 1899 г. начальник ГМШ вице-адмирал Ф.К. Авелан сообщил в Академию наук, что «...для раздачи кадетам Морского кадетского корпуса и воспитанникам Морского Инженерного Училища Императора Николая I портретов знаменитого русского поэта потребуется 350 экземпляров» [11, л. 15].

26 ноября 1899 г. 75 портретов поэта были отправлены в Морской кадетский корпус, а 270 – в Морское инженерное училище [11, л. 21–22]. Оставшиеся пять портретов, очевидно, были оставлены в ГМШ «для собственных нужд».

Творчество А.С. Пушкина – в солдатские и матросские массы!

24 мая 1899 г., военный министр А.Н. Куропаткин обратился к управляющему Морским министерством П.П. Тыртову с письмом, в котором сообщил об издании сборника произведений А.С. Пушкина, «доступных пониманию нижних чинов» и препроводил 263 экземпляра сборника для рассылки по одному экземпляру в каждую роту, команду и т. д. [11, л. 1].

16 июня 1899 г. начальник ГМШ вице-адмирал Ф.К. Авелан подписал несколько отношений различным флотским начальникам с указанием ведомостей выдачи сборников произведений А.С. Пушкина во флотские экипажи и подразделения [11, л. 4–12, 14].

В «солдатской» книге, снабженной обложкой художника Н.С. Самокиша и портретом поэта работы Т. Райта, были так же помещены биографический очерк А.С. Пушкина и характеристика его значения, написанная филологом И.А. Шляпкиным.

В заключение отметим, что во второй половине XIX века военные моряки принимали посильное участие в мероприятиях по увековечению памяти великого русского поэта А.С. Пушкина, что, несомненно, способствовало росту популярности его творчества среди адмиралов, офицеров, воспитанников военно-морских учебных заведений и «нижних чинов» (матросов).

Список источников

1. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф. 410. Оп. 2. Д. 2434.
2. РГАВМФ. Ф. 162. Оп. 1. Д. 1042.
3. *Гдалин А. Д.* Памятники А. С. Пушкину: История. Описание. Библиография. Т. I. Россия. Ч. 1. Санкт-Петербург, Ленинградская область, СПб.: Академический проект, 2001. 512 с.
4. РГАВМФ. Ф. 921. Оп. 1. Д. 453.
5. *Давыдова О.* 140 лет назад в Москве был открыт первый памятник Пушкину // Московская правда, 18 июня 2020 г. [Электронный ресурс]. – URL:<https://mospravda.ru/2020/06/18/155637/> (дата обращения – 13.11.2022).
6. РГАВМФ. Ф. 930. Оп. 14. Д. 134.
7. Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1905.
8. Там же. Оп. 6. Д. 146.
9. Там же. Оп. 5. Д. 2770.
10. Там же. Ф. 427. Оп. 4. Д. 1042.
11. Там же. Ф. 417. Оп. 6. Д. 153.

Е.В. Соколинская

ОТРАЖЕНИЕ ДУШИ ПОЭТА: ПАМЯТНИКИ, ВДОХНОВЛЕННЫЕ А.С. ПУШКИНЫМ

Александр Сергеевич Пушкин, один из величайших русских поэтов и писателей XIX века, оставил неизгладимый след в истории литературы и культуры России. Его произведения стали классикой, а его жизнь и творчество до сих пор вдохновляют новые поколения читателей.

Россия гордится таким великим писателем и стремится сохранить его наследие, увековечивая память о нем. Памятники и мемориалы, посвященные Александру Сергеевичу, можно встретить по всей стране и даже за ее пределами, например, в таких городах как Милан – Италия, Шанхай – Китай, Веймар – Германия, Мадрид – Испания.

В Государственном архиве специальной документации Нижегородской области хранятся сведения о памятнике А.С. Пушкина в Испании. В парке Фуэте дель Берро можно встретить фигуру великого русского поэта. Этот монумент стал символом дружбы и культурных связей между Россией и Испанией. Установленный в 1981 году, памятник Пушкину представляет из себя бронзовую статую. «Он как бы задумался, едва облокотившийся на колонну...» писали в газете «Вечерняя Москва» 13 января 1981 года [1, с. 1]. А табличка на постаменте указывает нам на имя и годы жизни Александра Сергеевича на испанском языке.

В испанской газете про установку памятника русского поэта писали следующее: «В парке Фуэнте-дель-Берро была открыта статуя русского поэта Пушкина, подаренная муниципалитету Мадрида во время визита Энрике Тьерно Гальвана в столицу – Москву, в декабре 1979 года. На нем присутствовали мэр Мадрида, посол СССР в Мадриде – Юрий Дубинин, а также важные деятели Мадрида и советского посольства в Мадриде...»

Своим присутствием в столице Испании памятник автора напоминает о важности духовного обогащения и уважении к истории и традициям других стран. Он стал не только символом встречи двух культур, но и местом, где любители поэзии и литературы могут найти вдохновение и умиротворение.

Также в архиве хранится информация о памятниках, связанных с Пушкиным в Нижнем Новгороде и Нижегородской области. Именно здесь автор получил вдохновение для своих произведений:

Один из них дом Д.А. Обрядчикова, где располагалась гостиница купца Деулина. Его номера считались самыми лучшими в городе. Сегодня здесь находятся Нижегородский хоровой колледж филиал Болдинского музея-заповедника.

С гостиницей связана одна история, которая в последствии стала основанием для написания «Ревизора». Губернатор Нижнего Новгорода Михаил Петрович Бутурлин принял Александра Сергеевича за проверяющего и предупредил о неожиданном визите оренбургского губернатора.

Бутурлин радушно встретил поэта в своем доме на ул. Большой Покровской, где сейчас находится нижегородский районный суд. Писатель был впечатлен теплым приемом. Считается, что после этого случая именно Пушкин предложил Н.В. Гоголю идею.

Последний раз здание реставрировалось в 2019 году московской организацией «Гранд-Строй», о чем указано в архивной коллекции «Коллекция документов по реставрации объектов культурного наследия к 800-летию Нижнего Новгорода» [2, с. 29]. По предварительным результатам визуального осмотра выявлено, что объект культурного наследия не надстраивался и не менял стилистический образ, исторические декоративные элементы сохранены, а изменения коснулись только части дверных заполнений 1-го этажа и произошла смена оконных креплений на современные пластиковые.

А.С. Пушкин также посетил и нижегородскую ярмарку, о чем в дальнейшем упоминал в «Отрывках из путешествия Онегина»:

*« Перед ним
Макарьев суетно хлопочет,
Кипит обилием своим.
Сюда жемчуг привез индеец,
Поддельны вина – европеец,
Табун бракованных коней
Пригнал заводчик из степей,
Игрок привез свои колоды
И горсть услужливых костей,
Помещик – спелых дочерей,
А дочки – прошлогодни моды.
Всяк суетится, лжет за двух,
И всюду меркантильный дух.»*

В фонде Р-48 «Шумилкин С.М.» [3, с. 1] хранится документация, строительства Ярмарки в Нижнем Новгороде, которое началось в 1817 году, после того как пожар 1816 года нанес непоправимый ущерб Макарьевской ярмарке. В 1822 году в каменном гостином дворе и деревянных временных помещениях была открыта торговля [3, с. 2]. Ярмарка занимала площадь в почти 8 км² на левом низком берегу реки Оки, на большом мысе, образуемом при впадении Оки в Волгу. Центральной частью ярмарки был сооружённый гостиный двор, спроектированный Августином Бетанкуром. Главный двор в духе классицизма и боковые административные корпуса образовывали центральную парадную площадь. По берегам обводного канала было выстроено ещё более 40 каменных больших зданий для торговли и склада товаров.

Во время своего визита писатель отправился в дом Строгановых. Матерью хозяйки дома была княгиня Голицына, которая послужила прототипом Пиковой дамы. Существует легенда, что идея написать произведение пришла к Пушкину в том числе и после посещения этого дома.

В паспорте на историко-архитектурный памятник «Усадьба Строгановых» [4, с. 6] указано, что усадьба построена по общему замыслу петербургского архитектора П. Иванова в 1824–1827 гг., который специально приезжал по указы Строгановых в город. В комплексе усадьбы господский дом занимает центральное место. Отличается строгим, но добротным разработанным архитектурным решением. Комплекс является наиболее интересным архитектурным памятником Нижнего Новгорода начала XIX века. Помимо этого, усадьба интересна тем, что своеобразное размещение дома представителя столичной

знати, избравшим на берегу р. Оки выгодное место для проведения торговых операций по всей России.

Флигель «Б», где сейчас располагаются плиты, посвященные писателю и «пиковой Даме», входил в первоначальный проект 1824 года комплекса. Кладка стен флигеля была начата сразу после завершения кирпичных работ по главному господскому дому. Летом 1827 года флигель оштукатурили, но декоративная отделка и окраска была осуществлена только летом 1828 года.

Отдельно хочется отметить бюст Пушкина был создан в 1994 году и установлен у здания Нижегородского государственного академического театра оперы и балета им. А.С. Пушкина в 1995 году [5]. Этот памятник сразу же стал важной частью городского пейзажа. Сегодня ансамбль выглядит гармонично и цельно, что каждая его часть воспринимается неотъемлемой частью целого. В день его открытия на площади произошло большое празднование.

Решение памятного знака, посвященное пребыванию великого поэта в нашем городе, кажется элементарным, простым и лаконичным, но при этом выходит за рамки запечатления частного момента. На высоком круглом постаменте-колонне возвышается погрудное изображение Пушкина, легко узнаваемое издали [6, с. 20]. Пластическая трактовка образа безупречна. Пространственные разворот, найденный автором, обогащает изображение. Таким образом проблема многих современных монументов – отсутствие многоаспектности – успешно решена. Благодаря визуальному восприятию сразу становится понятно, что перед нами великий поэт.

Конечно, не упомянуть о с. Большое Болдино будет большим упущением.

В письме к своему другу Петру Плетнёву поэт отметит: «...в Болдине писал, как давно уже не писал. Вот что я привёз сюда: 2 последние главы Онегина, 8-ю и 9-ю, совсем готовые в печать. Повесть писанную октавами (стихов 400), которую выдадим Анопуге. Несколько драматических сцен, или маленьких трагедий, именно: «Скупой Рыцарь», «Моцарт и Саллиери», «Пир во время чумы», и «Д.[он] Жуан». Сверх того, написал около 30 мелких стихотворений. Хорошо?..»

На территории музея-заповедника находится родовая усадьба Александра Сергеевича Пушкина – памятник культуры федерального значения. Жилой усадебный дом сооружен в своей основе в первой половине XIX в. и по наружной архитектуре относится к 1830–1840 гг. [7]. Проект реставрации должен был предусмотреть восстановление большого

усадебного дома в габаритах, внутренней планировке и наружном оформлении и в первоначальных формах, как наиболее близких по времени, к годам пребывания в Болдино А.С. Пушкина.

Представлены проекты реставрации и обмеры большого дома усадьбы 1960 г., и архитектурно-археологические обмеры 1961 г. Вид дома уже после реставрации, который сохранился и до настоящего времени [8, с. 1, 3].

В 1979 г. в честь 180-й годовщины со дня рождения Александра Сергеевича у здания музея в Болдино открыли памятник [9, с. 1]. Поэт словно только что вышел из дома и, задумавшись, присел на скамеечку.

Поэт одет в легкую рубашку, видимо, выдался теплый осенний день. Остановившись рядом с отдыхающим Пушкиным, можно представить, какие мысли теснились в голове, о чем он печалился в невольном затворничестве, как мечтал о встрече с близкими людьми. Легкой грустью веет от этого бронзового изваяния, зрителям словно передается тихое осеннее настроение. Авторы памятника – скульптор Олег Комов и его жена Нина, архитектор.

Ценным природным памятником является живописный болдинский парк. Парк восстанавливался в существующих границах в характере пейзажных парков начала XIX в. Здесь еще живы деревья – современники поэта: двухсотлетняя ива и несколько дубов. Сохранились два старинных дуба, горбатый мостик на верхнем пруду и беседка на берегу нижнего, так называемая «беседка сказок».

В окрестностях Болдино на шести глубоких оврагах находится живописная роща Лучинник. По преданию, она была любимым местом прогулок поэта [9].

Рассказывают, что такое название дал роще сам Пушкин. Однажды в вотчинную контору, куда в это время зашел Александр Сергеевич, привели крестьянина. Его собирались наказать за то, что рубил молодые березы в роще. Он оправдывался и говорил, что хотел заготовить лучин, чтобы было чем освещать избу. Пушкину стало жаль крестьянина, и он заступился за него. Только просил не губить больше молодую рощу. Ведь деревья и сами пока еще были тонкие, как лучины – не роща, а настоящий лучинник. «Вырастет – вам же на пользу и, на радость, будет», – сказал он. Роща и сейчас радует своей красотой. Особенно хороша она золотой осенью.

В ГАСДНО хранится свыше 400 единиц хранения посвященных А.С. Пушкину в фондах: Р-5 «Горькийреставрация»; Р-20 «Горьковгражданпроект»; Р-43 «Управление культуры де-

партаменты по социальным вопросам»; фонд 200 «Коллекция документов по реставрации объектов культурного наследия»; Р-172 «Старый Нижний Новгород»; фондах личного происхождения: Р-70 Кессель Альбертина Васильевна; Р-124 Холуёва Татьяна Георгиевна и Р-184 Юхнова Ирина Сергеевна.

Список литературы

1. Государственное казенное учреждение Государственный архив специальной документации Нижегородской области (далее – ГКУ ГАСДНО) Ф. Р- 70. Оп. Д. 21. Л. 1.
2. ГКУ ГАСДНО. Ф. 200. Оп. 1-4. Д. 14.
3. Там же. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 6.
4. Там же. Ф. Р-43. Оп. 3. Д. 57.
5. Там же. СИФ. № 3205.
6. Там же. Ф. Р-124. Оп. 1. Д. 3.
7. Там же. СИФ. № 764.
8. Там же. Ф. Р-5. Оп. 9а. Д. 62.
9. Там же. Оп. 4-5. Д. 44.

А.Ю. Шабалкин

ВЫСТАВОЧНЫЙ ПРОЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ «ЭПОХА ПУШКИНА»

Выставку Государственный архив Ульяновской области назвал «Эпоха Пушкина». Это имя известно каждому с детства. Но большинство материалов сосредоточено в столицах. Приходилось решать задачу: рассказать о Пушкине без Пушкина... Но недолгая земная жизнь Александра Сергеевича давно и прочно воспринимается как целая эпоха. Вот об эпохе Пушкина и рассказывала экспозиция в 12 витринах.

Рассматривались темы: 1. Родственники А.С. Пушкина. 2. Крестьянская война Е.И. Пугачёва. 3. Симбирская губерния в эпоху А.С. Пушкина. 4. Выдающиеся симбиряне – современники А.С. Пушкина. 5. Увековечивание памяти А.С. Пушкина.

В рамках указанных тем, выставка охватывала юбилейные даты 2024 г.: 250 лет со времени пребывания в Симбирске Е.И. Пугачёва; 240 лет со дня рождения Д.В. Давыдова и князя М.П. Баратаева; 140 лет со дня рождения создателя музея Пушкина на Мойке М.Д. Беляева; 80 лет со дня открытия Ульяновского театра кукол; 55 лет со дня начала проведения Пушкинских праздников поэзии в Языковском парке; 25 лет со дня открытия литературного музея «Дом Языковых».

1-я витрина озаглавлена «Путешествие в пространстве и времени». Большую часть занимает «План-карта губернского города Симбирска больших столбовых дорог со стоящими на них селениями»¹, датированная февралём 1830 г. На ней – те дороги, которыми путешествовал осенью 1833 г. поэт. Архив предлагает ещё и путешествие по родословию.

Свиток 1697 г.- «Список об изменниках»². Думный дворянин И.Е. Цыклер и его сообщники задумали убить царя-реформатора. В узкий круг заговорщиков входил стольник Фёдор Матвеевич Пушкин. Он грозился, дескать, если б они где съехались, то «он бы с ним не разъехался». Сходились на том, что Петра «на пожаре или на Москве» надо «ножами изрезать». 4 марта 1697 г. шестерых заговорщиков четвертовали. Об участии своего «пращура» поэт упоминал в стихотворении «Моя родословная».

Любопытно дело разбирательства между Пушкиным и Ахматовой. В 1813 г., когда поручик Пётр Антонович Ахматов ушёл из родных мест с ополчением, на его земли стал претендовать сосед –подполковник Пётр Львович Пушкин (дядя А.С. Пушкина). Супруга ополченца, Варвара Ахматова, пожаловалась министру юстиции. Земельный спор шёл о пустоши Захарьиной в Сергачском уезде Нижегородской губернии. Правительствующий Сенат предписал: «чтобы стороны оставить при том владении, какое до начала дела имели»³.

Пушкины были и симбирскими помещиками. В 1854 г. сыновья поэта Александр и Григорий Александровичи купили имение в деревне Новая Александровка, Моревка тож Ардатовского уезда Симбирской губернии (ныне территория Мордовии). А в 1864 г. они доверили оформлять договоры с крестьянами домашнему учителю Эдуарду Фёдоровичу Зиверту⁴.

Во 2-й витрине представлены документы Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачёва. Именно судьба и образ «славного мятежника» заставили поэта пуститься в путешествие.

О штурме пугачёвцами Казани в июле 1774 г. рассказывается в «Хронологической летописи Казанского Богородицкого девичьего монастыря» 1846 г. Монахи сетовали: «Но етот злодей и мирную обитель, прославленную чудотворным об-

¹ ГАУО. Ф. 933. Оп. 1. Д. 236. Л. 1.

² Там же. Ф. 732. Оп. 4. Д. 53. Л. 1.

³ Там же. Ф. 109. Оп. 1. Д. 442. Л. 9.

⁴ Там же. Ф. 85. Оп. 1. Д. 160. Л. 13.

разом, обратил он в батарею, и со стен её 2 пушки громили крепость Казанскую [...]»¹.

Копия «Предложения» казанского губернатора Я.Л. фон Брандта от 23 марта 1774 г. в Ставропольскую комендантскую канцелярию извещала об одержанной победе над пугачёвцами у Тагичевой крепости. Генерал был уверен: «да и самого того изверга Пугачева естли не найдется между убитыми, то, по крайней мере, с самую малейшею партиєю не более как человеках в пятидесяти, щитать должно убегишим, потому что вся его злодейская толпа, составленная из разной сволочи, разбита [...]»².

Месть дворян не заставила себя долго ждать. Приведём фрагмент указа от 11 декабря 1774 г. генерал-аншефа графа П.И. Панина о разных видах казней участников Пугачёвского бунта: «[...] как самих убийц, так и из предателей заводчиков... казнить смертию отрублением сперва руки и ноги, а потом головы, и тела класть на колесы у проезжих дорог». «Всех без изъятия последователей за [...] бунтовщиками сечь жестоко при виселицах плетьюми». В селениях, где конкретные виновные не были выявлены, предлагалось вешать по жребию каждого сотого...»³

Но и месяцы спустя волнения не утихали. Генерал-поручик А.В. Суворов продолжал бороться со смутой. 23 апреля 1775 г. он отдал в Симбирске приказ об установке на берегах пикетов против «появившихся по реке Волге разбойнических сборищ, которые чинят немалые грабежи и убивствы»⁴.

3-я витрина демонстрирует документы, связанные с Симбирским ополчением, прошение станционного смотрителя, лубочные изображения начала XIX в. и другие материалы. Хочется отметить документ, связанный со взятками – отношение шефа жандармов, генерал-адъютанта А.Х. Бенкендорфа к министру юстиции Д.В. Дашкову о нарушениях при назначении уездных стряпчих по Симбирской губернии от 6 февраля 1830 г.⁵

В бумагах излагалась суть злоупотреблений: «По слухам, уездные стряпчие платят за определение их в сию должность 3 т. рубл. [...] Сверх того, каждый стряпчий обязан платить ежегодно прокурору определённый акциз, [...] стряпчие, которые поведением своим заслуживали бы быть удалены, удерживаются на своих местах, к. т. самарский стряпчий, человек

¹ ГАУО. Ф. 134. Оп. 3. Д. 5. Л. 13.

² Там же. Ф. 732. Оп. 4. Д. 106. Л. 1.

³ Там же. Оп. 2. Д. 455. Л. 45.

⁴ Там же. Ф. 732. Оп. 2. Д. 455. Л. 15.

⁵ Там же. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1151. Л. 1.

буйного и развратного поведения [...]». Несмотря на факты, стряпчий Мордвинов был уволен спустя два года после этого сигнала. И лишь потому, что ушёл на повышение покрывавший его губернатор А.Я. Жмакин.

Говоря о местном чиновничестве, архив рассказывает о гражданском губернаторе в 1831–1835 гг. Александре Михайловиче Загряжском. В отличие от нижегородского коллеги, он не заподозрил в поэте проверяющего, ведь приходился родственником Н.Н. Пушкиной. Поэт в Симбирске гостил в доме губернатора. А ещё через десять лет в 1843 г. дочь А.М. Загряжского Елизавета стала супругой Льва Сергеевича Пушкина. Так ещё раз породнились эти два рода.

4-я – 8-я витрины рассказывают о симбирском дворянстве. Демонстрируются документы князей И.В. Баюшева и М.П. Баратаева, дворян А.Ф. Ермолова, Л.В. и А.Л. Киндяковых, П.И. Юрлова, рода Тургеневых. Из них Александр Фёдорович Ермолов, князь Михаил Петрович Баратаев и Пётр Иванович Юрлов были губернскими предводителями – в 1802–1820, 1821–1834 и 1841–1845 г. соответственно.

Прапорщик П.И. Юрлов был награждён «Аннинской» саблей за храбрость во время Бородинской битвы. Затем участвовал ещё в целом ряде сражений с французами, а 19 марта 1814 г. в чине подпоручика брал в составе Вильмандстрандского пехотного полка Париж. Вышел в отставку штабс-капитаном. Это отражено в формулярном списке о службе¹.

У многих современников смутное представление о дворянстве, которое сводится к фантазиям о благоденствии. Показательно Всеподданнейшее донесение князя М.П. Баратаева «О положении и состоянии дворянства Симбирской губернии», направленное в МВД 4 января 1827 г.: «Дворяне богатого состояния почти все имеют проживание вне губернии.

Большая часть посредственного и самого бедного состояния проживают в оной. [...] Есть и такие, которые несут равные работы с крепостными людьми своими, и для прокормления самих себя часто занимаются работами, не соответствующими [...] чести, приобретённой заслугами их предков. Дети оных, не получая никакого воспитания, не подают о себе надежды быть полезными обществу; размножением же их раздробляется более и более семейственная собственность: а оттого многие и приходят в самое бедственное состояние»².

Две витрины посвящены Языковым. А.С. Пушкин в 1833 г. дважды (11-12 и 29-30 сентября) гостил в их имении Языково

¹ ГАУО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1575. Л. 2–5.

² Там же. Ф. 656. Оп. 1. Д. 1. Л. 7 об. – 8.

Карсунского уезда. С поэтом Н.М. Языковым Александр Сергеевич был лично знаком с 1826 г., а в свой приезд познакомился с его братьями Петром и Александром Михайловичами и почерпнул много материала для «Истории Пугачёва».

В витринах представлены чертежи, фотографии и текстовые документы о городском доме и сельской усадьбе Языковых. В том числе изображения барского дома и церкви Владимирской Богоматери. А также «Пушкинской ели», которую в советское время «обеспечили» легендой, что её посадил А.С. Пушкин (в дореволюционных публикациях этот факт не упоминался).

8-я витрина посвящена двум героям «грозы двенадцатого года»: Петру Никифоровичу Ивашеву и Денису Васильевичу Давыдову.

П.Н. Ивашев участвовал в штурмах Очакова и Измаила, состоял квартирмейстером при штабе А. В. Суворова, а накануне Бородинского сражения, 23 августа 1812 г. фельдмаршал М.И. Кутузов объединил все инженерные части под общим командованием Петра Никифоровича, назначив его «Военным Директором Путей Действующих армий». Это отражено в «Формулярном списке о службе отставного генерал-майора Петра Никифоровича Ивашева», составленном 1828 году.¹ Также представлена «Хроника и история села Воскресенского Ундоры тож, имения г. Языкова»². Дочь П.Н. Ивашева Елизавета вышла замуж за П. М. Языкова, и они унаследовали имение. Единственный сын генерала – Василий Петрович – не мог вступить в наследство. За членство в Южном обществе декабристов он был сослан в Сибирь. Мы показываем один из проектов духовного завещания генерал-майора П.Н. Ивашева, представленный на Высочайшее утверждение в феврале 1837 г.³

Ульяновцы считают своим земляком и Дениса Васильевича Давыдова – с 1829 по 1839 гг. он прожил в имении жены, Софьи Николаевны, урождённой Чирковой, в селе Верхняя Маза Сызранского уезда (ныне Радищевского района). «План Симбирской губернии Сызранского уезда части дачи села Покровского Верхней Мазы тож» составлен в 1911 г., когда усадьбой владел внук поэта-партизана – камергер двора Его Императорского Величества Н.Н. Давыдов⁴.

Витрины с 9-й по 12-ю объединены темой «Бессмертие поэта». Пожалуй, самым пронзительным и талантливым было

¹ ГАУО. Ф. 274. Оп. 1. Д. 6. Л. 1об.-2.

² Там же. Ф. 732. Оп. 2. Д. 440. Л. 7 об.-8.

³ Там же. Ф. 274. Оп. 1. Д. 10. Л. 7.

⁴ Там же. Ф. 928. Оп. 8. Д. 591. Л. 1.

и остаётся стихотворение М.Ю. Лермонтова «Смерть поэта». В архиве хранится список 1837 г., с гневными строками, обращёнными к высшему свету¹. Также показаны документы об изучении творчества поэта в гимназии, многочисленные программы празднования в мае 1899 г. 100-летия А.С. Пушкина и материалы о праздновании в марте 1903 г. 100-летия Н.М. Языкова. Театральная пушкиниана отражена фотографиями, программами и афишами.

Советский период интересен письмами основателя Пушкинского дома в Петрограде Б. Л. Модзалевского 9 июля 1923 г. и директора Государственного литературного музея в Москве В.Д. Бонч-Бруевича 5 ноября 1936 г. В последнем говорится: «Пожалуйста, выщепивайте отовсюду всё по Пушкину, что только возможно»². Вот и «выщепили»... Периодика представлена статьёй пушкиниста Н.О. Лернера «Новооткрытые стихи Пушкина» в газете «Наш век» за 4 мая 1918 г. и журналами 1920-х-1930-х гг.

В 1949 г. преподаватель Ульяновского педагогического института П.С. Бейсов организовал Пушкинскую конференцию, издавшую «Пушкинский юбилейный сборник». 15 июня 1969 г. по инициативе краеведа А. Н. Блохинцева в старинном парке села Языково прошёл 1-й Пушкинский день. Завершают выставку изобразительные материалы на пушкинскую тему.

Н.В. Гоголь писал: «...Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет». Выставка отчасти призвана заставить задуматься, насколько мы, живущие спустя два века после поэта, достойны его памяти.

Г.С. Широкалова

СОВРЕМЕННЫЕ ОБРАЗЫ «СЕЯТЕЛЕЙ СВОБОДЫ» (на основе эссе студентов)

Мертвые живут памятью живых... Но как поддержать востребованность этой памяти? Показательно признание Н.Н. Берберовой: «Уже во взрослом состоянии я стала замечать, что русские люди считают так: жизнь не меняется, есть основное, незыблемое. Пушкина читали мои дедушки, Пушкина читали мои отец и мать, и я читала, и так будет всегда. ... Я сама не перечитывала Пушкина сорок лет. У меня нет времени его перечитать, я знаю его более или менее наизусть, не

¹ ГАУО. Ф. 732. Оп. 2. Д. 515. Л. 1-2 об.

² Там же. Ф. Р-966. Оп. 1. Д. 16. Л. 1 ; Ф. Р-968. Оп. 7. Д. 22. Л. 69.

все конечно. А главное. ... Пушкина в XXI веке не будет, как французы не читают дивных поэтов XVI века. Гиппиус и Мережковский так же не годятся, как если бы я пыталась надеть на себя обувь пятилетнего ребенка» [1].

Здесь нет отрицания величия писателей прошлого. Это жесткая констатация факта: ничто не вечно под Луной. Сделаем из нее неизбежный вывод: если страна/государство желает продлить жизнь «после смерти» кого-либо или чего-либо по каким-либо причинам, нужна программа актуализации, адаптации под реалии эпохи.

Школьная программа в любой стране включает произведения писателей в мартиролог обязательного чтения, который корректируется под вызовы современности. К примеру, «Пушкин – наше все!», но ... сколько его стихов было запрещено цензурой при жизни? [2]. Были прецеденты исказить/отменить его произведения при изданиях [3] и постановках [4] в постсоветской России. Немногие знакомы с этими инициативами, которые, по сути, не отменяют величие Пушкина, однако нет гарантии от других инноваций.

Взрослые в меру своих знаний и возможностей разъясняют детям суть сказочных событий, но каков их собственный уровень понимания подтекстов? В возрасте, когда приходит первая влюбленность, пишутся сочинения об образах Онегина и Татьяны, но интересен/понятен ли школьникам социальный контекст той эпохи? В 9 классе ученики «прощаются» с Пушкиным, когда еще не способны осознать гражданский пафос его творчества и примерить на себя разные «жизненные стратегии». Прекрасны постановки «Повестей Белкина» в советское время, но и они в первую очередь о любви.

В 18-20 лет, когда начинается поиск критериев для оценки своего «Я», обращение к эпохе XIX века, «включение» произведений Пушкина в контекст собственной жизни может задать направление таким изысканиям. В качестве примера приведем опыт работы со студентами негуманитарного вуза.

Вначале вниманию студентов предлагается стихотворение А.С. Пушкина «Изыде сеятель сеяти семена своя» 1823 г.:

«Свободы сеятель пустынный
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя –
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремучками да бич» [5].

Беседа со студентами начинается с анализа причин появления данного стихотворения, созвучного размышлениям других поэтов/писателей с читателем о личной позиции каждого из них. Проблемы выбора стояли в XIX в. перед всеми слоями общества: отказ от монархии, отмена крепостного права, обреченные дворянами после войны 1812 г. и проявившиеся в восстании декабристов, актуализировались к концу века, отразившись в произведениях представителей разных социальных групп, поскольку каждая формулировала интересы оформлявшихся политических сил.

Их позиция раскрывалась нами на примере еще двух произведений второй половины XIX в. Стихотворение в прозе «Порог» И.С. Тургенева (1878 г.), написанное им после знакомства с молодыми революционерами. Если у Пушкина явен отказ от проповеди свободы из-за разочарования в народе, выбравшем ярмо, то у Тургенева – восхищение девушкой, прообразом которой предположительно была В.И. Засулич [6]. Не напечатанное при жизни автора из цензурных соображений, оно и сейчас не известно молодежи, хотя подается некоторыми преподавателями не как призыв к революционной борьбе, а как проблема выбора жизненной стратегии: «Я вижу громадное здание. В передней стене узкая дверь раскрыта настежь; за дверью – угрюмая мгла. Перед высоким порогом стоит девушка... Русская девушка. Морозом дышит та непроглядная мгла; и вместе с ледящей струей выносятся из глубины здания медлительный, глухой голос. — О ты, что желаешь переступить этот порог, — знаешь ли ты, что тебя ожидает? — Знаю, — отвечает девушка. — Холод, голод, ненависть, насмешка, презрение, обида, тюрьма, болезнь и самая смерть? — Знаю. — Отчуждение полное, одиночество? — Знаю. Я готова. Я перенесу все страдания, все удары. — Не только от врагов — но и от родных, от друзей? — Да... и от них. — Хорошо. Ты готова на жертву? — Да. — На безымянную жертву? Ты погибнешь — и никто... никто не будет даже знать, чью память почтить! — Мне не нужно ни благодарности, ни сожаления. Мне не нужно имени. — Готова ли ты на преступление? Девушка потупила голову... — И на преступление готова. Голос не тотчас возобновил свои вопросы. — Знаешь ли ты, — заговорил он наконец, — что ты можешь разувериться в том, чему веришь теперь, можешь понять, что обманулась и даром погубила свою молодую жизнь? — Знаю и это. И все-таки я хочу войти. — Войди! Девушка перешагнула порог — и тяжелая

завеса упала за нею. — Дура! — проскрежетал кто-то сзади. — Святая! — принеслось откуда-то в ответ» [7].

Второе стихотворение конца XIX в. написано шестнадцатилетним И.В. Джугашвили в 1895 г.:

«Ходил он от дома к дому,
Стучась у чужих дверей,
Со старым дубовым пандури,
С нехитрою песней своей.

Но вместо величья славы
Люди его земли
Отверженному отраву
В чаше преподнесли.

А в песне его, а в песне —
Как солнечный блеск чиста,
Звучала великая правда,
Возвышенная мечта.
Сердца, превращенные в камень,
Заставить биться сумел,
У многих будил он разум,
Дремавший в глубокой тьме.

Сказали ему: “Проклятый,
Пей, осуши до дна...
И песня твоя чужда нам,
И правда твоя не нужна!”» [8].

Труден/невозможен адекватный перевод творчества Пушкина на другие языки, но так же и с грузинского на русский; однако в данном случае важно не качество перевода, а смысл произведения. Есть еще один вариант стихотворения на тему противостояния певца и тех, кто сначала «отгаивал», «благодарствуя певца», а затем преподнес чашу с ядом: «Пей, проклятый,/ неразбавленную участь,/ не хотим небесной правды,/ легче нам земная ложь» [8]. Джугашвили не мог знать стихотворения Тургенева и вряд ли читал «Сеятеля» Пушкина. Сходство тем доказывает не только наличие общего вектора поисков путей устройства будущего от С.-Петербурга до гор Кавказа, но и формирования личности, готовой посвятить жизнь борьбе за него, понимая все трудности такого выбора, и, прежде всего, неизбежность предательства теми, ради кого жертвуют жизнью.

Если разочарованный сеятель Пушкина отказывается «сеять свободу», потому что его труды не нужны народу довольствующемуся погремушками, не обращая внимания, что в комплект входят «ярмо с бичом», то у Джугашвили певец сумел пробудить некоторые «сердца», но большинство преподнесло ему отраву, поскольку легче жить во лжи. Героиня Тургенева выбирает путь борьбы: предвидя весь спектр единственно возможных в то время последствий, готовясь к самопожертвованию, а Данко у А.М. Горького, уже переступил «порог», толпа же, забыв в радости о спасителе, растоптала его сердце.

Каждое из этих произведений может быть предметом дальнейшего обсуждения, но нами было выбрано стихотворение Пушкина политически более нейтральное. Образы «сеятеля свободы» и «мирного народа, равнодушного к чести», предложены студентам как критерии для самоидентификации. Эссе достаточно откровенны: во-первых, поколение Z гордится своей «самостью», «обнажая свою суть» в сетях, во-вторых, каждый при желании может стать «анонимом». В одной из публикаций мы приводили оценки юношей [9], здесь процитируем ответдевушки: «Я бы хотела относиться к сеятелю, быть им, но зачастую просто такая же серая масса; а вот в своем окружении я являюсь сподвижником, хочу доказывать людям, что можно быть лидерами, что можно выделяться».

В чем смысл такой формы работы со студентами? Прежде всего, это новое прочтение гражданской поэзии поэта, разрушение мифа о нем как сказочнике для дошкольников и писателя-лирика для влюбленных. Не менее важна актуализация самоанализа в координатах истории страны для выбора жизненной стратегии.

Список литературы

1. Нина Берберова: Железная женщина и неразгаданная тайна. К 120-летию со дня рождения (часть 2-я) | Камертон // <https://webkamerton.ru/2021/09/nina-berberova-zheleznaya-zhenschina-i-nerazgadannaya-tayna-k-120-letiyu-so-dnya-rozheniya>.
2. Пушкин Александр Сергеевич. Собрание запрещенных стихотворений / А. С. Пушкин. – Петербург : [б. и.], 1918. – 105 с.; 15 см // <https://orpk.org/books/1779>.
3. РПЦ разрешила заменить попа на купца в сказке Пушкина о Балде // <https://gazeta-n1.ru/news/39339/>.
4. Пушкинского «Балду» предали анафеме? - KP.RU // <https://www.kp.ru/daily/23769.4/57115/>
5. Пушкин А.С. Стихотворения. Поэмы. – М.: Правда, 1984. – 496 с., ил.
6. М.П. Алексеев, Н.В. Алексеева Комментарии: И.С. Тургенев. Порог // <https://rvb.ru/turgenev/02comm/0237.htm>.
7. Проект по литературе. И.С.Тургенев «Порог»// <https://infourok.ru/proekt-po-literature-i-s-turgenev-porog-4601259.html>.
8. Комментарии к теме // https://m.ok.ru/group/52003868770458/topic/64747648150426?_dp=y.
10. Широкалова Г. С. «Сеятели свободы» в современной России. К проблеме самоидентификации студентов // SocioTime / Социальное время. – 2020. – № 4 (24). – С. 112–119. – DOI: 10.25686/2410-0773.2020.4.112.

**РЕСТАВРАЦИОННАЯ ПРАКТИКА
В УСАДЬБАХ БОЛЬШОЕ БОЛДИНО И ЛЬВОВКА
НАЧАЛА ХХІ ВЕКА**

Сохранение историко-архитектурного наследия – важнейшая задача, ориентированная на сбережение культурной идентичности страны [1]. Архитектура обладает свойствами наделять идентичностью города и сельские поселения, отдельные территории и огромные пространства. Представление о регионе, городе, сельском поселении формируется их обликом, обликом застройки в сочетании с природой, ландшафтом местности [2]. Вместе с тем, наследие включает в себе значительный ресурс, выявление которого дает импульс устойчивого развития территорий городов и городских поселений, в том числе – их туристско-рекреационного потенциала.

Пример комплексного подхода к сохранению объектов культурного наследия в нижегородском регионе – возрождение территорий и знаковых мест, связанных именем Александра Сергеевича Пушкина. В рамках 225-летия великого русского классика проводятся реставрационные мероприятия, среди которых – восстановление исторических памятников, формирующих культурный ландшафт сёл Большое Болдино и Львовка.

Село Большое Болдино Нижегородской области расположено в 230 км от Нижнего Новгорода. История села неразрывно связана с родом Пушкиных, который владел им со времен правления Ивана Грозного. С начала XIX в. имение принадлежало Сергею Львовичу и Василию Львовичу Пушкиным – отцу и дяде поэта Александра Сергеевича Пушкина. Здесь в Болдинском имении во время приездов в 1830, 1833 и 1834 гг., А.С. Пушкиным были написаны его лучшие произведения.

Сегодня Государственный литературно-мемориальный и природный музей-заповедник А.С. Пушкина «Болдино» – одно из самых знаменитых пушкинских мест России. Родовая усадьба поэта является памятником культуры федерального значения. Здесь сохранился подлинный господский дом, где жил поэт, приезжая в Болдино. Музейный комплекс представляет собой образец традиционной помещичьей усадьбы с парком, декоративно-плодовым садом, господским домом и воссозданным ансамблем хозяйственных и служебных построек, дающий общее представление о том, как выглядела усадьба в периоды приезда поэта.

Здание крепостной конторы («флигель», «вотчинная», «бурмистрская»), установленное в северо-восточном углу парка напротив барского дома, является элементом хозяйственно-служебного усадебного комплекса. В 1971–1973 гг. Горьковской специальной научно-реставрационной производственной мастерской (ГСНРПМ, арх. В.А. Лапин) производилась целостная реставрация здания, в результате которой были устранены позднейшие искажения его первоначального облика.

Восстановленная контора представляет собой бревенчатый дом с двускатной тесовой крышей. Планировка характерна для крестьянских построек Нижегородской губернии первой половины XIX в.: две избы, между которых врублены широкие сени с симметрично прирубленными крыльцами (северное крыльцо парадное, застекленное). В правой части создан интерьер собственно вотчинной конторы Пушкиных. В левой части воссоздана обстановка комнаты А.С. Пушкина, в которой он останавливался осенью 1834 г.

В рамках современных научно-реставрационных мероприятий по реставрации и приспособлению (проектные разработки ООО «Асгард», 2022 г.) предусматривается сохранение подлинного архитектурного облика и исторического материала здания. Восстанавливаются его конструктивные характеристики (очистка и антисептирование деревянного сруба, ремонт кровли, устройство инженерных сетей).

Одна из значимых в историко-архитектурном отношении построек, расположенных в непосредственной близости от усадьбы, – здание «Дома культуры» (1937 г.). С 2019 г. на памятнике регионального значения проводились работы по реставрации и приспособлению (проектные разработки ООО «Асгард»).

Двухэтажное краснокирпичное здание Дома культуры обладает выразительным объемно-пространственным и стилистическим решением. Монументальные размеры придают ему весомую градостроительную роль в архитектурном окружении усадьбы. Наиболее выразителен главный фасад, выходящий в сторону площади, – он акцентирован массивным деревянным портиком с крыльцом. Семь квадратных в сечении колонн поддерживают глухой треугольный фронтон. Здание со стилистическими чертами советского конструктивизма является заметной постройкой, формирующей облик центральной части села.

Ко времени разработки проекта памятник имел значительные повреждения. На фасадах имелись сквозные прогрессирующие трещины и фрагментарные расслоения кладки. Деревянные элементы портика были подвержены деструкции. Отдельные элементы архитектурного декора отсутствовали.

Комплекс реставрационных мероприятий предусматривал восстановление памятника и его приспособление для современного использования. В отреставрированном здании предполагалось размещение культурно-информационного центра по изучению наследия А.С. Пушкина, что способствовало органичному включению здания в сложившийся традиционный культурный ландшафт села.

Значительный туристический интерес к усадьбе формирует потенциал для современного развития села. С целью образования новых функций и туристической инфраструктуры задействована территория, расположенная к северо-востоку от усадьбы. Здесь формируется современный центр села с гостиничным комплексом, магазинами, торговыми рядами.

На прилегающей территории, занятой обширным ранее неблагоустроенным парковым массивом, предполагается создание туристическо-досуговой территории «Парк сказок Пушкина». Известные аналоги подобных парков на историческую тематику – музейный комплекс «Дудutki» в Минске, сафари-парк «Кудыкина гора» в Липецке, парк аттракционов «Диво-остров» в Санкт-Петербурге.

Развитие природно-культурного потенциала парка рассматривается в контексте сохранения экологического и культурного каркаса территории Большого Болдино.

Усадьба в Львовке – деревне, основанной к юго-востоку от с. Большого Болдина на дальних земельных владениях Пушкиных, с 1870 по 1914 гг. принадлежала старшему сыну поэта Александру Александровичу Пушкину. Рядом с усадьбой в начале XX в. была возведена деревянная церковь во имя Св. Александра Невского. Храм, действовавший до 1935 г., в дальнейшем был переоборудован под школу, затем в аварийном состоянии передан Болдинскому музею-заповеднику. С 1987 г. проводились натурные исследования памятника (ГСНРПМ, ТОО «Реставратор»). В 1999 г. осуществлена его консервация с частичной реставрацией (авторы проекта – архитекторы В.М. Кагоров, В.Н. Котов).

Симметричный относительно оси запад-восток объем выстроен по типу «корабль»: с запада к основному объему мо-

ленного зала с четырехскатной кровлей и поздней венчающей луковичной главой примыкает трапезная с притвором, с севера и юга – небольшие притворы под шатровыми завершениями. Фасады обшиты досками; из деталей декора обращают на себя внимание необычная зашивка фланговых частей досками, имитирующими выступающие торцы бревен сруба.

За время своего существования объект культурного наследия претерпел значительные изменения. Был утрачен массивный восьмигранный барабан храмового четверика, обшитый тесом, с четырьмя прямоугольными оконными проемами, декорированными килевидными сандриками с резными подзорами, и восьмигранной луковичной главой с крестом. Утрачена сложная форма кровли, состоявшей из четырех щипцовых с полувальмами крыш, сопряженных с четырехскатной шатровой. В ходе консервации крыша над пространством храма была заменена на более простую четырехскатную. Еще до 1950-х гг. были полностью утрачены верхние ярусы колокольни [3].

К настоящему времени церковь Александра Невского является одним из немногих сохранившихся памятников деревянного культового зодчества с чертами стиля модерн (неорусский вариант модерна).

Выполненный проект реставрации ОКН (ООО «Асгард», 2022 г.) предусматривает воссоздание исторического объемно-планировочного и архитектурного решения объекта по историческим фотографиям и архивным сведениям.

Исторических сведений о внешнем облике колокольни не сохранилось. Авторами проекта принято решение о воссоздании архитектурного решения шатровой колокольни по объектам-аналогам, близким по территориальному расположению и периоду строительства. В качестве аналогов исследованы деревянные культовые постройки конца XIX – начала XX вв. в Починковском, Пильнинском, Сеченовском, Бутурлинском районах Нижегородской области, республике Мордовия [4].

Результатом сохранения объектов культурного наследия в Большом Болдино и Львовке является восполнение историко-культурного ландшафта, хранящего духовные традиции и подлинные артефакты пушкинского времени. Наряду с этим, данные объекты формируют пространственно-территориальный кластер, обладающий значительной ресурсной ценностью, – и это значимый фактор для дальнейшего развития туристско-рекреационного потенциала территории.

Список литературы

1. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 № 73-ФЗ.

2. *Есаулов Г. В.* Об идентичности в архитектуре и градостроительстве [On Identity in Architecture and Urban Planning] // Архитектура. 2018. № 4. С. 12–18. (In Russian).

3. *Кагоров В.М.* Три усадьбы [Three estates] // Нижегородский музей. Общество. История. Культура. 2007. № 13. С. 38–39. (In Russian).

4. *Ткачев М.К.* Деревянное храмовое зодчество Нижегородской губернии второй половины XIX – начала XX в. [Wooden church architecture of the Nizhny Novgorod province of the second half of the 19th - early 20th centuries.] / М.К. Ткачев // Приволжский научный журнал / Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. – Нижний Новгород, 2011. – № 2 (18). – С. 99 – 105. (In Russian).

С.М. Шумилкин

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ НИЖНЕГО НОВГОРОДА И НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКИ В 1820-Х ГОДАХ

Нижний Новгород в 1820 – начале 1830-х гг. представлял собой город с формирующейся планировочной структурой и новой застройкой в стиле классицизма. По регулярным и утвержденным планам 1780-х, 1804 и 1824 гг. город получил новую архитектурно-пространственную систему улиц, отправным пунктом которой был кремль с многочисленными башнями. То есть это складывался тот архитектурный облик города, который видел А.С. Пушкин в период своего здесь пребывания.

Первая треть XIX в. составляет важный период в развитии Нижнего Новгорода, который можно охарактеризовать как переходный от средневековья с его сложной сетью улиц и культовых построек XVII в. к регулярному градостроительству с прямолинейными улицами и четко спланированной сетью кварталов, включавших вновь возведенные жилые и общественные постройки. Окончательное формирование классицистического облика города произойдет позже приезда А.С. Пушкина, когда по своей архитектурно-градостроительной ценности Нижний Новгород, в связи с утвержденным планом 1834 г., войдет в число наиболее значимых лучших губернских городов России.

Утвержденный план города 1804 г. показывает общую территорию, подлежащую новой планировке, в которой сочетается прямоу-

гольная и радиальная сетка улиц. Границами нагорной части города выступал в основном протяженный Ковалихинский овраг, проходивший от Арзамасского тракта до дороги в Казань. План показывает, что к началу XIX в. направления основных улиц были урегулированы [1].

В 1824 г. была утверждена новая планировка Нижнего Новгорода по проекту петербургского архитектора В.И. Гесте. Этот план закрепили результаты перепланировочных работ и изменений, внесенных в проект 1770 и 1804 гг. По плану 1824 г. происходит некоторое расширение территории города в южном направлении за Ковалихинским оврагом и продолжением Варварской и Ильинской улиц до новых границ города. Также В.И. Гесте сохранил доминирующую роль кремля, в том числе все главные улицы, ориентированные на башни кремля, утвердили свое значение. Менее значимые улицы, делившие большие кварталы, были изъяты с плана. В результате план получил более крупное комплексное решение застройки.

Впервые важное архитектурное значение получает Рождественская улица и Нижне-Волжская набережная, где проектируется сплошная каменная застройка. Главной частью плана стала фиксация гигантского ярмарочного комплекса, построенного по проекту столичного архитектора О. Монферрана и под руководством инженера, генерал-лейтенанта, председателя Комитета строений Петербурга А.А. Бетанкура в 1822 г. на территории Стрелки. Рядом с ярмаркой вверх по Оке определяется регулярная планировка Канавинской слободы. На плане указано место моста через Оку, так как кроме связи ярмарочного торга с городом через ярмарку шел главный тракт на Москву. Размещение ярмарочных построек и складской зоны определили уникальность планировки города на долгие годы. Несмотря на то, что территория ярмарки не входила в состав города, ее планировка органично была связана с общей планировочной структурой города.

Облик города с Волги определял комплекс кремля, зафиксированный на панораме 1827 г. архитектором И.Е. Ефимовым и в котором исторические древнерусские постройки были органично объединены новыми общественными и культовыми зданиями [2]. В первой трети XIX в. в кремле по проектам петербургского архитектора А.И. Мельникова, одного из ведущих столичных мастеров и крупнейшего архитектора России первой трети XIX в., произошли крупномасштабные преобразования и сложился новый архитектурный ансамбль, отражающий основные классицистические черты. К наиболее значимым работам следует отнести следующие: установлен обелиск в честь К. Минина и Д. Пожарского в 1827 г., в 1823 г. построен Успенский собор и в 1834 г. освящен новый, но на месте разрушенного, Спасо-Преображенский собор. Первой постройкой

Мельникова стал Успенский собор (не сохранился), утвержденный проект которого относится к 1821 г., надо было построить культовое здание на месте, которое ранее было отведено под губернаторский дом и рассматривалось как продолжение построенного корпуса вице-губернаторского дома, надо было считаться с рядом стоящим культовым зданием – Архангельским собором (XVII в.), которому отводилась роль главного акцента административной площади, собор стоял на центральной планировочной оси. В основе объемно-пространственного построения собора была положена центрическая композиция с квадратным планом, четырьмя четырех колонными портиками и однокупольным завершением. В целом, мощное монолитное основание было завершено низким куполом. С одной стороны собор четко закрепил угол площади. Высота основной части собора соответствовала высоте вице-губернаторского дома и он располагался с ним на одной линии застройки. То есть площадь приобрела целостный законченный облик застройки.

Второй крупной работой стала разработка обелиска Минину и Пожарскому. Вообще тема мемориальных сооружений – обелисков в честь каких-либо исторических событий или крупных исторических личностей довольно редка в истории русской архитектуры. Первые подобные обелиски появились в 1760-х гг. в царских резиденциях, в парковой среде, в связи, прежде всего, с крупными военными победами русской армии.

Необходимо отметить градостроительное значение нижегородского обелиска. Он поставлен на пересечении двух планировочных осей: одна – совпадает с композиционной осью Успенского собора и это решение четко зафиксировано в авторском рисунке, изображающем вид на Архангельский и Успенский соборы и площадь со стороны речного склона [3]. Другая ось, перпендикулярная первой, отмечает середину площади, спланированной вдоль склона и представляющей собой прекрасную видовую площадку, входящую в систему бульваров, запроектированных в плане города 1824 г.

Основная четырехгранная часть обелиска выполнена из целого блока гранита. Общая высота составляет 10,8 м, то есть нижегородский обелиск встает как равный с обелисками императорских резиденций второй половины XVIII в. и выполнен с такой же тонкой прорисовкой профилей пьедестала и подбором различных по цвету пород гранита.

В конце 1820-х гг. развернулись работы на восточном участке кремля. Началом их послужила сломка ветхого кафедрального Спасо-Преображенского собора (1652 г.) и постройка нового. Новый собор по проекту планировки кремля 1827 г., выполненному нижегородским губернским архитектором И.Е. Ефимовым, предполагалось построить несколько южнее старого и строго на одной

композиционной оси со старой шатровой колокольней (1719 г.). Использование классицистического приема – ориентации вновь проектируемого собора на колокольню, показывает интересный пример органичного объединения нового здания с древнерусскими памятниками архитектуры. Мельников в своем проекте сохранял не только основные габаритные в плане и высотные размеры древнерусского храма, но и общее архитектурное построение фасадов, с включением классических деталей. Творчество Мельникова в кремле показывает яркий пример преемственности в архитектурно-пространственном развитии архитектурного ансамбля от средневекового к классицистическому [4].

Первая треть XIX в. связана с творчеством нижегородских архитекторов И.И. Межецкого, А.Л. Леера и И.Е. Ефимова, которым принадлежат проекты жилых и общественных зданий, определивших архитектурный облик центральной части города этого времени. Новые здания, прежде всего, коснулись застройки Верхнепосадской (Благовещенской) и Семинарской площадей, а также двух главных улиц – Рождественской и Большой Покровской. Уникальным объектом стал ярмарочный комплекс.

К таким постройкам относятся здания Духовной семинарии, губернской гимназии и почтовой конторы, завершивших формирование классицистического ансамбля Благовещенской площади (ныне пл. Минина и Пожарского). Периметр главной вновь образованной Благовещенской площади, в плане представлявшей неправильную трапецию, занимали важные общественные здания, в том числе протяженный корпус двухэтажной гостиницы, определившей восточную сторону площади. Почтовая контора и гимназия имели трехчастное композиционное построение, образовывали стороны кварталов и определяли общий городской масштаб застройки. Здания имели строго симметричное построение фасадов, что создавало целостный архитектурный облик площади. Благовещенская площадь плавно перетекала в Семинарскую площадь, выходившую на речной откос. Облик площади определяло здание семинарии, одной из лучших построек архитектора А.Л. Леера. Крупный трехэтажный объем здания, в отличие от гимназии и почтовой конторы, акцентировался монументальным восьмиколонным портиком и отличался тонкой проработкой декора.

В нагорной части главной улицей была Большая Покровская, определившая направление в сторону Арзамасского тракта, а также дороги на Москву. Улица была довольно плотно застроена небольшими преимущественно 1-2-этажными деревянными домами. Фасады домов представляли собой нюансную интерпретацию утвержденных образцовых проектов, использовались мансарды, балконы, в отдельных случаях пилястровые портики. Эти дома в течение

последующего времени исчезли, были заменены каменными зданиями. Только лишь два дома этого периода сохранились до нашего времени. Дома на улицах Варварской (№ 8) и Ульянова (№ 8) после реставрации 2020 года показывают примеры первоначальной деревянной архитектуры. В обоих домах сохранились наличники и карнизы с простыми профилями, пилястровые портики с фронтонами. Единственным каменным жилым домом выступает дом Костромина (№ 4), построенный в конце XVIII в. и перестроенный в начале XIX в. с утратой колонного портика. В настоящее время после реставрации фасаду дома возвращен первоначальный облик с портиком. Значительное место в застройке главной улицы Большой Покровской занимали вновь общественные здания: Дворянское собрание (арх. И.Е. Ефимов, 1826 г.) и Лютеранская церковь (1828 г., не сохранилась). Дворянское собрание необходимо отнести к лучшим постройкам И.Е. Ефимова и наиболее выразительным примером зданий данного типа в русской архитектуре классицизма.

В новый архитектурный облик улицы важными вертикальными акцентами вписались церкви. В первой трети XIX в. изменились фасады отдельных старых церквей, в связи с частичной, а иногда и полной перестройкой их в господствовавшем в те годы классицистическом стиле. Лютеранская церковь выделялась высоким купольным завершением. Покровская церковь (XVIII в.) после реконструкции в 1810-х гг. получила многоярусную, завершенную шпилем колокольню, и надстроенный барабан с граненым куполом над моленной частью. Надо отметить, что новые колокольни и купольные завершения получили и другие церкви в нагорной части, возведенные в конце XVIII в., а именно: Варварская на улице Варварской (не сохранилась), Тихоновская на Тихоновской (ныне Ульянова, не сохранилась) улице, Алексеевская на Благовещенской площади (ныне пл. Минина и Пожарского, не сохранилась). На Нижнем посаде вдоль береговой линии выделялись Козьмодемьянская, Живоносновская и Казанская церкви. Особое своеобразие этим храмам придавали высокие колокольни, завершавшиеся не традиционными шатрами, а куполами высокими шпилями. Шпили колоколен существенно изменили и дополнили общий силуэт города.

Из сохранившихся построек И.Е. Ефимова своими пропорциями, хорошо прорисованными архитектурными деталями и пилястровыми портиками выделяются дома: И. Княгининского (№ 5) на Варварской улице, Е. Эвениуса (№ 20 а) на улице Пискунова. К числу лучших жилых домов архитектора А.Л. Леера необходимо отнести дом Кугушевых на улице Сергиевской, 14, построенный в 1824–1825 гг. Главный фасад дома симметричен, центральная часть отмечена четырех пилястровым портиком ионического ордера, треугольным фронтоном с полуциркульным окном. Особенностью декора вы-

ступает сочная пластика капителей с непропорционально большими волютами по сравнению с каноном.

Важными градостроительными акцентами в городе стали два архитектурных комплекса, поставленных около городской черты на замыкании главных улиц: Крестовоздвиженский монастырь (арх. И.И. Межецкий, 1823 г.) завершал перспективу Ильинской ее продолжения Б. Ямской улицы, тюремный замок (острог) – Варварскую улицу (арх. И.Е. Ефимов, 1823 г.). Особую архитектурно-градостроительную ценность представляет монастырский ансамбль, построенный по центричной композиционной схеме, не имевшей прямых аналогов в русском градостроительстве классицизма.

С открытием Нижегородской ярмарки в 1817 г. было связано увеличение количества жителей и усиление строительства жилых и доходных домов. Особенно это повлияло на застройку Рождественской улицы, являвшейся связующим звеном центра города с ярмаркой. К середине XIX в. улица приобрела законченный архитектурный облик с почти сплошной застройкой каменными зданиями. В 1820-х гг. после пожара завершилась реконструкция двух корпусов гостиного двора, возведенных в виде сплошной периметральной аркады в конце XVIII в. Корпуса получили надстройки по второму ярусу. Вместо типовых полуциркульных аркад были возведены периметральные колоннады, в которых дорические по пропорциям колонны были украшены ионическими капителями. В целом новые корпуса по своей архитектуре и прекрасным пропорциям вошли в число лучших образцов провинциального классицизма в России [5].

Наиболее значительную роль в облике Рождественской улицы играли, в отличие от застройки улиц нагорной части, каменные двухэтажные купеческие дома и усадьбы, в том числе Строгановых, И.С. Пятова, А.Б. Смирнова и др. В застройке улицы получил развитие усадебный тип домов, предполагающий постройку вдоль линии улицы трех зданий: в центре – главного, отмеченного, как правило, повышенной этажностью, и двух крайних флигелей. Среди них лучшими примерами выступает усадьба Строгановых, возведенная в 1828 г. по проекту крепостного архитектора Строгановых П. Садовникова. Усадьба разместились на Рождественской улице близ ярмарочного моста и первая встречала входящих в город приезжающих. Подобная по композиции усадьба была построена П. Горячевой на Окской набережной напротив ярмарки и замыкала фронт многочисленных каменных домов. При этом основная застройка жилыми зданиями велась на основании образцовых проектов.

Становление стиля классицизм в Нижнем Новгороде совпало с появлением в городе уникального градостроительного ансамбля Нижегородской ярмарки. Как известно, перенос ярмарки в Нижний Новгород состоялся в 1817 г. До этого ярмарки работала у стен Ма-

карьевского монастыря. Существование ее продолжалось в течение двух веков, и на протяжении этого периода менялась структура комплекса. В этой связи следует отметить, что в проектировании нового ансамбля Макарьевской ярмарки на рубеже XVIII–XIX вв. принимали участие такие столичные мастера архитектуры, как А.Д. Захаров, И. Матвеев, В.И. Гесте, А.С. Кутепов. Нижегородская ярмарка начала свою историю после того, как в августе 1816 г. строения Макарьевской ярмарки были уничтожены пожаром.

Первый сезон Нижегородской ярмарки был открыт 20 мая 1817 г. Торговля проводилась во временных балаганах, построенных на Стрелке и соединенных с городом наплавным мостом через Оку. Торговые корпуса были сгруппированы в плотные торговые ряды. Рядом с торговой зоной располагалась площадь, на которой стояли дом губернатора, административные корпуса, недалеко находилась церковь. Таким образом, огромная территория, занимавшая площадь около 1 кв. км, представляла собой невыразительную застройку, лишённую четкого планировочного замысла, который необходим для столь крупных градостроительных образований.

Автором архитектурной части всех ярмарочных зданий был О. Монферран, который ориентировался на разработанный архитектором А. Захаровым генеральный план 1804 г. Сохранились много численные эскизы и варианты фасадов ярмарочных построек, говорящих о стремлении архитектора придать ярмарочному центру архитектурно-композиционную целостность. Это просматривается в увязке фасадов и планов разных зданий между собой, а особенно в разработке административных корпусов и собора, выполнявших роль главных архитектурных акцентов всего ансамбля.

При разработке общей композиции, выборе масштаба сооружения, исходя из поставленной задачи – создания крупнейшего ярмарочного центра России, Захаров и Монферран ориентировались на ведущие архитектурные ансамбли французского градостроительства XVIII – начала XIX вв. В генеральном плане ярмарки отразились общие принципы, заложенные в планировке Тюильрийского сада, Марсова поля и площади Согласия в Париже. При сравнении планов видно, что они равнозначны, более того, ширина гостиного двора ярмарки совпадает с шириной Тюильрийского сада. Еще более интересные результаты дает совмещение плана и развертки ярмарки с ансамблем площади Согласия. Здесь мы наблюдаем аналогичную композицию – завершение улицы культовым зданием.

Безусловно, наиболее привлекательной для А.С. Пушкина являлась Нижегородская ярмарка, которая представляла собой целый город каменных торговых и административных построек со Спасским собором. Выстроенный в 1822 г. для Нижегородской ярмарки тор-

говый комплекс отражал новые градостроительные идеи высокого классицизма и соответствовал новым техническим и торговым требованиям. Гостиный двор ярмарки представлял собой прямоугольник со сторонами 380 x 700 м, с трех сторон окруженный каналом, а с четвертой – открывавшийся на набережную Оки, в сторону города. Планировочное построение отражало сложную функциональную структуру ярмарочной торговли. На главной композиционной оси располагались административные корпуса, Спасский собор и три разнохарактерные площади. Эта ось начиналась флагштоками на берегу Оки и заканчивалась собором, расстояние между ними было около 800 м. Эта центральная ось совпадала с парадной магистралью, по которой проходила торжественная процессия, открывавшая и закрывавшая ярмарку. Главной торговой площадью служила почти изолированная от реки площадь перед административными корпусами. На вторую площадь, сильно вытянутую по главной оси и имевшую ширину 44 и длину 460 м, выходил опять торговых поперечных улиц. Композиция завершалась квадратной площадью перед собором. Все эти площади образовывал и единое пространственное целое с доминирующим объемом собора.

Для возведения гостиного двора и обеспечения водой канала был и проведены гигантские инженерно-технические и гидротехнические работы. Для защиты территории гостиного двора от весенних наводнений насыпали искусственное основание и вырыли обводной канал, длина которого достигала 1,5 км. Впоследствии в честь строителя ярмарки он стал называться Беганкуровским. Нижегородская ярмарка как никакая другая представляла собой крупный комплекс каменных построек, в то время как даже наиболее значительные после нее ярмарки включали лишь отдельные каменные строения и ярмарочная торговля проходила на открытых площадях или во временных сооружениях.

Таким образом, Нижний Новгород в период пребывания в нем А.С. Пушкина представлял собой значительный губернский город со своеобразными каменными зданиями и необычной планировочной структурой, уникальность которой придавали кремль и Нижегородская ярмарка.

Список литературы

1. Шумилкин, С.М. Архитектурно-пространственное формирование Нижнего Новгорода XIII – начала XX вв. [Architectural and spatial formation of Nizhny Novgorod in the 13th-early 20th centuries.] / С.М. Шумилкин, А.С. Шумилкин – Нижний Новгород, ННГАСУ, 2010. – 202 с. (In Russian).

2. Нижний Новгород. Иллюстрированный каталог объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) федерального значения. Книга 1 [Nizhny Novgorod. Illustrated catalog of cultural

heritage sites (historical and cultural monuments) of federal significance. Book 1]. – Нижний Новгород, 2017. – 376 с. (In Russian).

3. *Дмитриевская, Г.А.* Живописный Нижний Новгород [Picturesque Nizhny Novgorod] / Г.А. Дмитриевская, А.Н. Рябов– Нижний Новгород, 2005. – 152 с. (In Russian).

4. *Шумилкин С.М.* Планировка и застройка Нижегородского кремля в период классицизма [Planning and development of the Nizhny Novgorod Kremlin during the period of classicism] / С.М. Шумилкин // Нижегородский кремль. Сб. – Нижний Новгород, 2001. С. 69-83. (In Russian).

5. *Шумилкин С.М.* Торговые центры европейской части России конца XVIII – первой половины XIX вв. [Shopping centers of the European part of Russia in the late 18th - first half of the 19th centuries.] / С.М. Шумилкин. – Нижний Новгород: ННГАСУ, 2012. – 227 с. (In Russian).

Т.В. Шумилкина, М.С. Шумилкин

ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА И РЕСТАВРАЦИИ СОБОРА КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ

Имя великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина неразрывно связано с Нижним Новгородом и сохранилось в современном облике города: его именем названы ул. Пушкина и Академический театр оперы и балета, памятная доска на усадьбе Строгановых говорит о пребывании здесь поэта, скульптурные рельефы и монументы также напоминают о связи А.С. Пушкина с нашим городом.

Эта связь начинается с XVII в., поскольку предок поэта – Григорий Гаврилович Пушкин был в середине XVII в. первым нижегородским наместником. В Нижнем Новгороде жила прабабушка Сарра Юрьевна Ржевская и прапрадед Нижегородский губернатор Юрий Алексеевич. Безусловно, самая сильная привязанность поэта была связана с родовым имением селом Болдино в Нижегородской губернии, которое было пожаловано роду Пушкиных за ратные подвиги во имя Отечества в Смутное время. Именно это поместье стало местом вдохновения поэта. Поэтому Нижегородский край навсегда остался в сердце поэта [1]. В своем стихотворении «Моя родословная» Пушкин с юмором, но прямо указывает на свое происхождение: «...водились Пушкины с царями, из них был славен не один, когда тягался с поляками Нижегородский мещанин».

В Нижнем Новгороде Пушкин побывал во время его самого длинного путешествия по пути на Урал, когда он собирал

материалы для «Истории Пугачёва». В городе он пробыл всего два дня — 2 и 3 сентября 1833 г. Остановился Александр Сергеевич в гостиничных палатах купца Деулина, гулял по Верхнебазарной площади, в кремле и, конечно, посетил великий торг — Нижегородскую ярмарку.

Но маршрут Пушкина к городу пролегал по Арзамасской дороге через Монастырскую площадь (ныне пл. Лядова), которая являлась въездной площадью в Нижний Новгород со стороны Арзамасского тракта. Достопримечательностью этого места был Крестовоздвиженский монастырь.

А.С. Пушкин, как человек православный и ценящий историю, не мог не посетить эту старинную обитель, история которой уходит своими корнями в XIV столетие.

Крестовоздвиженский монастырь был образован из трёх женских обителей: Зачатьевской, Воскресенской и Происхожденской. Прежде они располагались в районе Кремля, но из-за многочисленных пожаров и оползней пришли в ветхое состояние, поэтому в 1812 г. были перенесены в другое место [2].

Строительство Крестовоздвиженского монастыря началось в 1813 г. Автором проекта всего комплекса был нижегородский архитектор И.И. Межецкий. За первый год были возведены семь корпусов келий и ограда с башнями. В 1814 г. возводится ещё один келейный корпус, колокольня и заложен фундамент главного собора во имя Воздвижения Креста Господня. В 1823 г. был освящён главный престол собора. Таким образом, комплекс ансамбля монастыря с мощной доминантой — Крестовоздвиженским собором, в период приезда А.С. Пушкина уже полностью сформировался и, безусловно, привлек внимание поэта [3].

В основе планировки монастыря лежат принципы регулярности, получившие яркое отражение в петербургских монастырских комплексах XVIII столетия: Александро-Невской лавре и Смольном монастыре. И. Межецкий использовал центрическую композицию Смольного монастыря, который имел форму в плане в виде греческого креста с центральным положением собора. Таким образом, Крестовоздвиженский монастырь получил правильный квадратный план, по периметру образованный одинаковыми восемью корпусами келий, поставленных попарно с каждой стороны. Центр ансамбля отмечен крестообразным в плане собором. Несколько нарушала общую симметричную композицию монастыря 3-ярусная колокольня, располагавшаяся с противоположной стороны от площади. Подобных столь геометрически четких планиро-

вочных композиций в русском градостроительстве XIX в. не выявлено.

Здание Крестовоздвиженского собора представляло собой крестообразный в плане корпус с тремя пристроенными портиками и пятью барабанами с главами. Порттики обрамляли входы в собор. Все барабаны собора были деревянные: четыре малых – несветовые, а центральный – световой. Снаружи барабаны были обиты чёрной кровельной сталью, а центральный изнутри оштукатурен и расписан. Восьмигранный барабан установлен на кирпичное основание, покоящееся на подпружных арках и парусных сводах, опирающихся на четыре кирпичных столба. Сверху барабан покрыт невысоким куполом [4].

Особенностью собора являлось необычное для нижегородской архитектуры расположение малых барабанов: не по углам основного объема, а по осям главных нефов, по сторонам света. Для Крестовоздвиженского собора также характерна взаимосвязь объемов глав: величина центральной и боковых глав нивелирована. В целом собор является замечательным примером нижегородской архитектуры классицизма. Его ориентация на столичную архитектуру делает ансамбль Крестовоздвиженского монастыря редким примером обители, построенной по единому архитектурному замыслу.

В 1842 г. по просьбе игуменьи архитектор А.Л. Леер обследовал собор и обнаружил, что потолок под куполом просел более чем на 13 см. А.Л. Леер предложил разобрать в соборе накатный плоский потолок с колоннадами в ветвях креста и устроить новый каменный свод. Из-за нехватки средств работы на соборе продолжались до 1848 г. Практически от первоначального собора сохранились лишь стены. Вновь возведены четыре кирпичных столба, поддерживающих центральный световой барабан. В 1848 г. были также переделаны иконостасы, и собор был освящен вновь, а в подклете собора устроена Иверская церковь (1851). Таким образом, Леера можно считать одним из авторов Крестовоздвиженского собора.

В это время происходит также расширение территории монастыря с возведением новых Святых ворот (частично сохранились), каменной ограды и угловых башен (одна из них сохранилась) по проекту арх. П.А. Овсянникова в древнерусских традициях. Вид монастыря с площади этого периода запечатлен на рисунке Д.Я. Быстрицкого 1857 г.

После 1917 г. монастырь был упразднен и использовался под хозяйственные нужды. Но в 1935 г. комиссия при Пре-

зидиуме крайисполкома постановила ликвидировать полностью монастырь и все его постройки, после чего многие здания были разрушены [5].

Возрождение монастыря началось в 1995 г., когда чудом уцелевшие здания собора, и монашеских корпусов, были переданы Нижегородской епархии. В 1998 г. в Архитектурном бюро «Этюд» начались реставрационные работы. Авторы проекта были архитекторы-реставраторы Вячеслав Алексеевич Широков, Олег Юрьевич Галай [6].

Перед началом проектных работ известным нижегородским краеведом кандидатом исторических наук Юрием Григорьевичем Галаем была проведена большая работа по поиску материалов в областном архиве и историческом музее. Эти архивные изыскания, а также натурные исследования стали основой выполнения эскизного проекта реставрации собора. По Крестовоздвиженскому монастырю было найдено большое количество материалов: иконографический материал (чертежи планов и фасадов различных построек, фотографии конца XIX – начала XX вв.), в том числе книга Н. Храмцовского, где представлена гравюра середины XIX века, выполненная по рисункам Быстрицкого. Этого оказалось вполне достаточно для реставрации собора.

На какой же период восстанавливать храм? Первоначальный облик храма был значительно изменен поздними перестройками и ремонтами. Наибольшее количество материалов, в том числе фотографии, сохранились от конца XIX в., а обмерные чертежи собора были выполнены в 1925 г. Поэтому решено было проводить реставрацию собора на начало XX века в соответствии с перестройками Леера. В число реставрационных работ входило: выполнение завершения собора с пятью главами и декоративными башенками с шатрами, реставрация фасадов с восстановлением колонных портиков, а также реставрация интерьеров с пилястрами коринфского ордера.

После завершения реставрации собора в 2011 г. произошло Великое освящение. Сейчас собор имеет статус объекта культурного наследия регионального значения. Здесь идут службы и постоянно звучит молитва, работает воскресная школа, а значит монастырь, который был свидетелем пребывания А.С. Пушкина в Нижнем Новгороде, продолжает свою духовную и культурную миссию.

Список литературы

1. Когда порой воспоминанье... Пушкин и Нижний Новгород: «ДЕКОМ». - Н. Новгород, 2018. - 144 с. илл.
2. Шумилкин С.М. Архитектурно-пространственное формирование Нижнего Новгорода XIII - начала XX вв.: учеб. пособие [Architectura lands patial formation of Nizhny Novgorod in the 13th - early 20th centuries: a textbook] / С.М. Шумилкин, А.С. Шумилкин - Н. Новгород: ННГАСУ, 2010. - 213 с. (In Russian).
3. Дмитриевская Г.А. Живописный Нижний Новгород [Picture sque Nizhny Novgorod]/ Г.А. Дмитриевская, А.Н. Рябов. - Н. Новгород, 2005. - 152 с. (In Russian).
4. Иллюстрированный каталог объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) регионального значения, расположенных на территории Нижнего Новгорода. Книга 3. Часть 2 [Illustrated catalog of cultural heritage sites (historical and cultural monuments) of regional significance located in the territory of Nizhny Novgorod. Book 3. Part 2]. - Н. Новгород: Кварц, 2019. - 364 с. (In Russian).
5. Шумилкин М. С. Нижегородское монастырское зодчество: монография [Nizhny Novgorod monasticarchitecture: monograph] /М.С. Шумилкин, С.М. Шумилкин, Т.В. Шумилкина; Нижегород. гос. Архитектур. - строит. ун-т - Н. Новгород: ННГАСУ, 2018. - 195 с. (In Russian).
6. Шумилкин А.С. Реставрация архитектурного наследия в Нижнем Новгороде и Нижегородской области на рубеже XX-XXI вв.: учебное пособие [Restoration of architectura lheritagein Nizhny Novgorod and the Nizhny Novgorod region attheturnof the 20th-21st centuries: a tutorial] / А.С. Шумилкин, С.М. Шумилкин, М.С. Шумилкин; Нижний Новгород: ННГАСУ, 2024. - 151 с. (In Russian).

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО И АРХИВНОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

О.Е. Кошелева, Ю.М. Эскин

ОГРАБЛЕНИЕ СТОЛЬНИКА ПУШКИНА. НЕИЗВЕСТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ИЗ ИСТОРИИ СЕЛА БОЛДИНА*

С 1698 года после смерти окольного Ивана Федоровича Пушкина [1] часть Болдина перешла к его сыну, стольнику Ивану Ивановичу. 25 декабря 1712 года, во время отсутствия хозяина, в селе случилась трагедия. Челобитная очевидца событий – приказчика Василия Шарапова – содержит просьбу произвести сыск по делу о разбойном нападении на боярскую усадьбу, грабеже и убийстве крестьян. Нападение, как следует из рассказа Шарапова, было совершено конным отрядом вооруженных людей. В Болдине находился боярский двор, а значит, хозяева приезжали туда и временами здесь жили. Именно этот двор и привлек внимание разбойников. Приказчик и несколько крестьян пытались оказать сопротивление, но были жестоко избиты; одного из них застрелили, жену и сына другого пытали огнем. Составив перечень похищенного и захватив с собой в качестве улики лошадь, опрометчиво оставленную грабителями, избитый Шарапов в январскую стужу направился с жалобой в Арзамасскую приказную избу, чтобы местные власти провели расследование. В ходе следствия все рассказанное приказчиком подтвердилось, однако найти преступников не удалось.

Перечень похищенного дает возможность узнать многие бытовые подробности о тогдашней жизни в Болдине. Пострадавших от воровства оказалось двое: сам И.И. Пушкин и его крестьянин Афанасий Терентьев, вероятно, брат приказчика Шарапова. Были захвачены деньги, собранные с крестьян Болдина в виде оброка, – 370 рублей, а также платежные докумен-

* Текст публикуется повторно в связи с научной значимостью и с согласия авторов. Первая публикация (с иллюстрациями): Кошелева О., Эскин Ю. Ограбление стольника Пушкина. Неизвестные документы из истории села Болдина // Родина. 1999. № 5. С. 38-42. – Прим. ред.

ты и письма. Взяли и “мирские деньги”, что крестьяне собирали “миром” для каких-то своих нужд по 40 алтын [2] с каждого двора. Всего этих денег оказалось 136 рублей 6 алтын 4 деньги. Обратный подсчет показывает, что в Болдине насчитывалось 113 дворов – очень крупное по тем временам село, в котором была своя церковь, боярский двор с конюшнями и житницей, с зажиточными крестьянами, платившими высокий денежный оброк (около 3 рублей с двора). Болдино, как родовая вотчина рода Пушкиных, все время находилось в разделе между его членами. В 1699 году Иван Иванович делил село со своим родным братом Федором и дядей Федором Федоровичем, оба были бездетны [3]. Даты смерти последних нам неизвестны, и, возможно, к 1712 году Болдино уже полностью принадлежало Ивану Ивановичу как единственному и последнему представителю этой ветви пушкинского рода.

На боярском дворе в запертых на замки сундуках и коробах хранилось хозяйское добро. Там лежали деньги, ювелирные украшения, одежда, отрезы тканей, посуда. Упомянутая в документе женская шапка – бархатная на собольем меху – очень дорогая, ценою в 20 рублей, что равно стоимости двух хороших лошадей; она явно принадлежала боярыне. Позволим себе предположить, что Иван Иванович Пушкин, семейное положение которого до сих пор оставалось неясным [4], был женат. Украденная одежда Ивана Ивановича в основном зимняя, на дорогом меху. Особенно привлекают сшитые из четырех сортов меха рукавицы. Содержание сундука отражает двойственность моды того времени: тут и типичные для русской знати XVII века кунтуши с длинными разрезными рукавами, и немецкая одежда: предок Пушкина щеголял в васильковом немецком кафтане и красных коротких штанах на подкладке.

Из конюшни воры увели одиннадцать лошадей. Для боярского выезда явно предназначались первые четыре из перечня – их общая стоимость 42 рубля, в то время как остальные 7 лошадей стоили 28 рублей.

На дворе крестьянина Афанасия Терентьева воры тоже поживились неплохо. Судя по тому, что Афанасий был сборщиком мирских денег, он был и мирским старостой Болдина, человеком состоятельным и облеченным мужицким доверием. Его жена и сын Фрол, видимо, пытались скрыть какое-то добро, за что и были пытаны грабителями. Состав украденного имущества этой семьи может многое поведать о тогдашней сельской жизни. Афанасий суживал односельчанам деньги под заклад имущества. Однажды какой-то нуждающийся священник (возможно, и болдинский) заложил ему свою ряску.

Крестьянин был богат лошадьми – воры свели с его двора пятых коней. В его доме хранилось 15 пудов воска, который, судя по наличию воцаных котлов, здесь же и изготовлялся, скорее всего, на продажу. Другие вещи, в том числе конская упряжь, собачьи цепи, оружие, льняные холсты, одежда, представлены во множестве и также предназначались для продажи – 22 кафтана, 7 сермяжных зипунов, 12 расстегаев и 12 сорочек вряд ли могли быть личным имуществом семьи. Два безмена также свидетельствуют о торговой деятельности Афанасия, весьма крупного для села Болдина бизнесмена.

Известный факт о распространении разбойных нападений в тяжелые петровские времена в этой истории приобретает вполне конкретные очертания. Но в документе нет и намек на то, кем же были грабители Болдина. Ясно лишь, что эти хорошо экипированные жестокие люди были подготовлены к тому, чтобы увезти большое количество награбленного добра, и знали, что оно имеется в селе. Особенно примечательна заинтересованность злоумышленников в похищении платежных бумаг и писем Пушкина (совсем посторонних, случайных грабителей они не интересовали бы). Возможно, это был отряд разбойников, сложившийся из беглых крестьян и рекрутов. Но не менее вероятно, что так сводили счеты с Пушкиным его соседи. В связи с этим приходит на память герой пушкинского “Дубровского” Кирилла Петрович Троекуров, который, поссорившись с соседом, “вышел из себя и в первую минуту гнева хотел было со всеми своими дворовыми учинить нападение, на Кистеневку (так называлась деревня его соседа [5]), разорить ее до тла и осадить самого помещика в его усадьбе. Таковые подвиги были ему не в диковинку”.

Прошло пять лет. Иван Иванович Пушкин находился вдалеке от Болдина, на берегах Невы. Сюда, в строящийся Петербург, ему пришлось переселиться по велению Петра I. Дом Пушкина находился на Санкт-Петербургском острове (район между Малой и Большой Невками). Здесь хозяин, чувствуя приближение смерти, написал свое “завещательное письмо”, зарегистрировав его, как это было положено, в Санкт-Петербургской губернской канцелярии (29 марта 1717 года) [6] и уплатив соответствующую пошлину.

Именно эту копию завещания (подлинник остался у И.И. Пушкина) мы и обнаружили в составе Записной книги Санкт-Петербургской губернской канцелярии. Читая ее, замечаем, что писец, делавший копию, путался при ее написании, то излагая текст, как в подлиннике завещания, от первого лица, то – от третьего, пересказывая его от себя.

Иван Иванович просил похоронить его вдалеке от родовых могил, на петербургском кладбище у церкви Самсона Странноприимца, находящейся на Выборгской стороне, за чертой города. Это кладбище по велению Петра I должно было упокоять души “странных”, то есть приезжих людей, в том числе иностранцев. Позднее оно стало целиком “иноверческим”. Может быть, Пушкин таким распоряжением хотел подчеркнуть, что в Петербурге он оставался “странником”, заброшенным сюда против собственного желания из родных мест?

В завещании Иван Иванович назначает трех душеприказчиков – исполнителей своей последней воли, которым поручается поминовение его души и устройство финансовых дел. Первый душеприказчик – его духовный отец, пожилой священник кафедрального Троицкого собора Петербурга Иоанн Семенов. Следовательно, Пушкин был прихожанином этой крупнейшей в то время в Петербурге церкви, рядом с которой он жил.

Второй душеприказчик – стольник Аврам Федорович Лопухин, родной брат опальной царицы Евдокии Федоровны. Кем он доводился Пушкину – неясно, но, возможно, был в родстве с покойной женой Ивана Ивановича. Наше предположение о том, что И.И. Пушкин был женат, еще раз подтверждается завещанием, поскольку в нем упоминаются его “своиственники”, то есть родные по линии жены. Так или иначе, но назначение в душеприказчики Лопухина говорит о том, что Иван Иванович поддерживал близкие отношения с семьей, к которой царь Петр относился враждебно. В конце того же 1717 года Петр начнет расследование о заговоре своего сына от Лопухиной Алексея, но смерть самого Ивана Ивановича избавит его от возможных подозрений в связях с Лопухиными.

Третий душеприказчик, он же и единственный наследник, двоюродный племянник Александр Петрович Пушкин, солдат лейб-гвардии Преображенского полка, прямой прадед Александра Сергеевича Пушкина.

Определив душеприказчиков, И.И. Пушкин обратился к вопросу о своих невыплаченных долгах, перечень которых является обычным разделом любого завещания. Их, однако, оказалось огромное количество: разным лицам заложены его вотчины на сумму 5500 рублей, взято займы денег без залогов 867 рублей, под заклад драгоценностей – 90 рублей, и не выплачены церковные деньги (так называемая руга), в том числе и Болдинские 92 рубля. Всего долг составляет 6549 рублей – сумма по тем временам колоссальная. Душеприказчиков Пушкин просит долги заплатить и выкупить

заклады, а оставшимися деньгами “помянуть душу его и всякие церковные потребности отправлять”. Откуда же они возьмут деньги? Душеприказчику Лопухину заложены вотчины на четыре тысячи рублей. Из этой суммы, которую, видимо, Пушкин себе и не брал, Лопухин должен отдать заимодавцам 2549 рублей. Думается, что за финансовыми операциями Пушкина скрываются какие-то договоры, специально замаскированные и потому нечетко прописанные в завещании. Весьма вероятно, что заклад вотчин, а также некоторые долги – хитрость, к которой прибег Иван Иванович, пытаясь обойти петровское законодательство о наследовании. Либо, не имея прямых наследников и близких родственников, он боялся, что о его душе не позаботятся должным образом, и под видом заклада продал указанные вотчины и драгоценности, а деньги при жизни отдал в монастыри на помин своей души. Как известно, Петр весьма не одобрял вклады в монастыри, не желая их обогащения, и писать о них в завещании было рискованно. Тогда становится понятным, почему распоряжения о вкладах по душе в его завещании столь лаконичны. Возможно, Пушкин пожелал отдать под видом заклада часть своих имений некоторым лицам помимо своего основного наследника. Сделать это в открытую ему мешал указ Петра I о “единонаследии” (1714), направленный к тому, чтобы знать не дробила свои владения на мелкие части. О том, как дворянство всячески стремилось обойти этот указ, известно из донесения сенаторов царице Анне Иоанновне с просьбой его отменить. Чтобы уравнивать детей наследников, родители брали излишние подати с крестьян, продавали часть родовой недвижимости, писали в завещании несуществующий долг, обязывая наследника выплатить его младшим братьям и т. д. [7] У Пушкина не было детей, но разделить наследство между родственниками в открытую он не смел, а обидеть их не хотел.

Среди “заимодавцев” Пушкина мы действительно встречаем его близких родственников. Во-первых, это Федор Петрович Пушкин (либо второй двоюродный племянник, брат А.П. Пушкина, либо его дядя – они тезки). Но скорее всего – это младший брат А.П. Пушкина, прапрадед Александра Сергеевича с материнской стороны. В год составления завещания у него родился наследник [8]. Во-вторых, двоюродные брат и сестра И.И. Пушкина – князь Иван Иванович Хованский и старица Александра Ивановна Хованская, о существовании которой мы впервые узнаем из завещания. Их мать – родная тетка Ивана Ивановича Анастасия Федоровна – была замужем за известным князем И.А. Хованским-Тараруем, предводителем

стрелецкого бунта 1682 года. У Хованских в доме Пушкин держал свои сундуки с “пожитками”. Очевидно, это было связано с переездом в Петербург и неустроенностью на новом месте. Эти родственники получили по завещанию Ивана Ивановича под видом отдачи долга вотчины и деньги.

Московский дом И.И. Пушкина, находившийся “в приходе церкви Козмы и Домияна, что на Тверской” (неподалеку от современной мэрии на Тверской, 13 и Столешникова переулкa), заложен некоему Гавриле Шарапову, вероятно, члену семьи его приказчика Василия Шарапова. Названы в завещании в качестве кредиторов и другие лица, отношения которых с Пушкиным не ясны. Иван Иванович предусмотрительно оформил “записи” на каждую из сделок, подтверждавшие, что собственность Пушкина принадлежит им до отдачи долга.

Лишь в конце завещания Иван Иванович определяет имения для наследника. Почему из четырех своих двоюродных племянников “Петровичей” Иван Иванович выбрал в наследники именно Александра, остается только гадать. Сам Александр Петрович не присутствовал при составлении завещания и, надо думать, был и обрадован тем, что получает дядюшкино наследство, и удручен тем, что из десяти его вотчин получает лишь шесть родовых – остальные четыре крупные вотчины “в закладе” у других лиц. Наследник был холост и небогат. Как свидетельствует та же записная книга губернской канцелярии, в мае 1717 года Александр Петрович заложил на год ярославскую вотчину за 224 рубля серебром [9]. Из этого же документа видно, что он сменил службу в Преображенском полку на драгунский Ростовский полк. Среди родовых вотчин дядюшки ему досталось и Болдино, перешедшее таким образом из одной линии рода Пушкиных в другую – прямую ветвь предков Александра Сергеевича. Завещание, как было принято, Иван Иванович написал и обнародовал при восьми свидетелях – жителях Петербурга, затем поставил свою подпись. А вот когда делалась ее копия в губернской канцелярии, он уже был не в силах ее подписать “за своею трудностью”, вместо него руку приложил его духовник. Вероятно, вскоре после этого Иван Иванович скончался.

***Челобитная приказчика Василия Терентьева сына Шарапова,
поданная в Арзамасскую приказную избу***

Державнейший царь, государь милостивейший! В прошлом, государь, в 712 году декабря в двадесят пятый день прибежали в арзамасскую государя моего вотчину в село Болдино воровские люди многотством, с ружьем и с копьи, ивзяли воровски на боярском дворе

оброчных денег триста семьдесят рублей, да на боярском же дворе взяли у зборщика того села у крестьянина у Афанасья Терентьева мирских зборных денег, которые собраны были по сорока алтын з двory, итого сто тридцать шесть рублей шесть алтын четыре денги. Да они ж, воровские люди, били меня и увечили смертными побои. И побив у сундуков и у коробы замки, и побрали все без остатку. Денег у меня взяли сто семьдесят рублей, цепочку золотую, цена тридцать семь рублей; двои серги золотые з бурмицкими зерны [10], цена двадцать пять рублей; серги с ызумруды, цена десять рублей; серги с бурмицкими большими зерны, цена семь рублей; кунтыши [11] камчатой бруснишна цвету на хрептовом меху бельем сибирском; круживо золотное с серебром, цена дватцать пять рублей; кунтыши камчатой [12] зеленой на меху, перевьем бельем, цена пять рублей, два кунтыша китайчетых на зайцах хрептовых, цена семь рублей; китайка [13] лазоревая, китайка бруснишная, битая, китайка зеленая битая ж, китайка черная, пестрядь [14] на занавес травчатая, другая на занавес черная, бурмет [15] лазоревой, цена китайкам и занавесом семь рублей; камка на жаркой цвет, цена восм рублей, три рубахи мушских, рунковых, золотошиты, цена девять рублей. Да посуды оловянной взято сорок блюд, пятнадцать тарелак, три сковоротки медные, цена воемь рублей с полтиною. Шапка женская соболья, верх бархатной вишневой, цена дватцать рублей; три шапки кунных, на одной верх бархатной, на другой отласной красной, на третьей суконной алтай, цена шесть рублей; саян тафтяной бострок, камчатой зеленой, саянки тайчатой зеленой, цена пять рублей; три шапки мушских, цена шесть рублей. Одиннатцать лошадей: конь соловой, конь рыж, иноходец темносер, мерин темносер, цена чetyрем лошадям сорок два рубли; три мерина гнедых, мерин бур, кобыла сера, мерин гнедой, кобыла гнедая, цена дватцать восьмь рублей. Три таза медных, цена два рубли; кафтан васильковой, немецкой, цена шесть рублей; штаны триковые красные на подкладке крашенинной, цена три рубли; штаны ж крежевые полосатья, цена семь гривен; рукавицы волчьи, ладони оленьи, испод песцовой белой, опушены песцом голубым, цена сорок алтын.

Да того же села Болдина у Афанасья Терентьева они ж, воры, взяли денег сто пятнадцать рублей, да закладного сутужного серебра на пятнатцать рублей, да закладную жряску суконную на кирпичной цвет, кругом та ряска опушена пухом бобровым, мех мерлушетной, ожерелак [16] бобровой, цена той ряске шесть рублей; дау него ж, Афанасья, взято воску пятнадцать пуд по цене на шестдесят на восмь рублей, да шелку розных цветов, цена чetyре рубли; два котла медных воцаные, цена шесть рублей; сорок холстов льняных, цена пять рублей; дватцать два кафтана шубные, цена дватцать два рубли жа; сермяжных семь зипунов, цена три рубли; восм узд ре-

менных, цена рубль; два безмена медные, цена полтора рубли; восемь хомутов ременных, цена четыре рубли; двое железа конские, цена полтина; три цепи собачьи, цена полтина ж; две шубки женские, мехи заячьи, цена пять рублей; двенадцать растегаев крашенинных, лняных, в том числе пять растегаев скруженом мишурным, цена пятнадцать рублей, двенадцать сорок [17] женских, шесть золотных, шесть шелковых, золотным сорокам цена три рубли, а шелковым сорокам цена рубль; два бердыша, цена четыре гривны, две рогатины, цена семь гривен, да винтовку, цена шестьдесят алтын; два котлы медные, весом один полпуда, другой – десять гривенок, цена шесть рублей. Да лошадей у него ж, Афанасья Терентьева, взято – мерин сер, мерин саврас, летысрослы, мерин карь шти [18] лет, мерин гнедшти ж лет, кобыла сивожеза семи лет, тавро по обеим окошкам, одно Спасское, что на Суре, другое – черкасское; цена тем лошедем пятьдесят рублей.

Да те ж воры взяли в селе Болдине на боярском дворе из житницы, которые были на прошлые годы во всяких податях платажные, с села Болдина да Алаторского уезду села Кунеева деревни Тимашевы всякие отписки и иные всякие письма; и те отписки и письма они, воры, побрали с собою. Да Афанасьеву ж жену Терентьева и сына ево Фрола жгли огнем, да крестьянина Дениса Лаврентьева сына убили из ружья до смерти и то убитое тело поставлено в церкву; да они ж, воры, Никиту Силаева копьем покололи. И покинули у нас они ж, воры, воровскую свою лошедь, меринагнеда, уши пороты, и тое лошедь я, нижайший твой раб, привел в Арзамас к записке.

Всемилоствейший государь, прошу Вашего величества, вели, государь, сие мое челобитье в Арзамасской приказной избе записать, а для досмотра мертвого убитого тела так же и иных раненых вели, государь, из Арзамаса послать служилых людей, а воровскую лошедь вели осмотреть и записать, и от записки отдать тое лошедь мне, нижайшему моему рабу, с роспискою.

Вашего величества нижайший раб, стольника Ивана Ивановича Пушкина Арзамасскиеево вотчины села Болдина прикащик Василей Никитин сын Шараров. 1713го генваря в... де[нь].

К сей челобитной Яков Шупилов вместо Василья Шарарова по ево велению руку приложил. Резолюция на челобитной:

“1713 гогенваря в 3 де[нь] челобитье записат в книгу, а для убитого крестьянина, другой ранен, послать по наказу подьячего; и приводную лошадь, осмотра в шерсть и в лета и в приметы, записав, отдать до указу за пристава”.

РГАДА. Ф. 1103. (Арзамасская приказная изба). Оп. 1. Д. 2508. Л. 1–3.

Завещание стольника Ивана Ивановича Пушкина

Во имя Отца и Сына и Святого духа аминь. Я, раб Божий столь-

ник Иван Иванов сын Пушкин, пишу сие заветательное письмо в целом уме своем и разуме и приказываю при пастыре своем душевном Живоначальные Троицы при священнике, да при душе своей прикащикам, кому он приказывает, буде Господь ево переселит мя от века сего в будущую жизнь, всяко по нем отправит[ть] душевное и церковное и в разделении домовом, и в пожитках, и в деревнях при плижнем [так!] стольнике при Авраме Федоровиче Лопухине да при племяннике ево лейб-гвардии Преображенского полку при солдате при Александре Петровиче Пушкине, которым он приказал душу свою строити и поминати и всякое отправление чинить. Им, и пастырю, и души прикащиком пожаловать приказать тело свое погрести у церкви Самсона Странноприимца, по обычею доброго христианского поминовения по церквам, и нищим, и в тюрьмы милостыня роздат[ь]; и в пожитках ево по усмотрению своему на поминовение на Москве; и от святых икон благословил, а вставшие образы душеприкащикам кому надлежит роздать, и свойственникам ево, которых имяна им написано, а что за раздачею останетца, послать в деревню Дмитровскую и Коломенскую пожитки ево, которые есть и поставлены за печатью ево и за ерлыками в доме князь Ивана Ивановича Хованского. Долгов на нем, Иване, по письменным и не по письменным займом, которые до сих чисел займовая и не платил, по писменным: Григорью Рожнову – тридцать семь рублей, Федору Григорьевичу – тридцать рублей неписменно по душевным займам, военной канцелярии подячему Ивану Чекину – пятьдесят рублей, а вместо крепости заложил жемчуху бошого девять золотников, да обручи обложены серебром с каменъи, и с яхонты, и с алмазы, Гаврилу Шаропову – сорок рублей, а заложено жемчугу одиннатцать золотников. Да мною ж взято из деревень своих церковных денег, а не заплачено из села Болдина шестьдесят два рубли, да из Шатцкие села Устоя тридцать рублей. А кому что из движимого, которое писал выше сего, роздать и тому пастырю ево душевному и душе прикащикам за рукою своею дана роспись. А на поминовение души ево и на расплату долгов ево, которые в сем теме написаны, и писемные и безписменные душевные, и то пожаловал прикащикам заплатить и заклады выкупить, а достатными поминать душу ево и всякие церковные потребности отправлять. Священником и церковником, которым нарухе не дано со свидетельством, заплатить по свидетельству, которым не заплачено и за прошлой год из заемных моих денег, которые я занял у душеприкащика своего Аврама Федоровича Лопухина, дети четыре тысячи рублей, а в тех денгах заложил вотчины свои и поместья в Коломенском уезде в Песоченском стану на Пре реке, село Зилмойское, деревню Давыдову, да во Брянском уезде в селе Молоткове, да деревню Дорохову, и в Сарчыве Конце, со крестьяны и с деловыми людми [19] и с заводами и со всяким иными принад-

лежащими угодьями и с пустошами, и с беглыми крестьянами. Да прежде занял он у Федора Петровича Пушкина деньги пятьсот рублей и в тех денгах заложил в Епифаниевском уезде вжеребью [20] деревню Красные Слабодки со крестьянами и всеми угодьями и з заводы [21]. Да двор московской в приходе церкви Козмы и Домияна, что на Тверской, у Гавриила Шаранова запись же пятьсот рублей, а в тех денгах за... [?]; в Донском уезде на реке Дону деревню Старую Городище со крестьянами и со всеми угодьями, запись у Василья Федоровича Леонтьева, деньги пятьсот рублей, у князь Ивана Ивановича Хованского деньги – семсот рублей, у сестры своей у старицы Александры Ивановны Хованской – сто рублей. И такие долговые деньги душе прикащиком ево отдать. А родовые свои поместья и вотчины в наследие отдаю родственнику своему Александру Петровичу Пушкину в Дмитровском уезде село Семеновское, Симовотож, да деревню Филатово в Московском уезде на реке Истре, деревню Раково в Шацком уезде на реке Мокше, в Подлесном стану село Устье и з деревнями, в Алаторском уезде деревню Тимашево да село Кунеево на реке Суре, да в Арзамаском уезде село Болдино, сокрестьяны и с деловыми людьми и с беглыми тех всех деревень, которые прежде сего бежали, кроме выведенных, которые при нем выведены в другие деревни, и тем быть по выводу. И во всех моих селах и деревнях [называю] наследником племянника своего Александра Петровича Пушкина. Ктой духовной он, Иван Пушкин, сам руку приложил, да свидетели: Троицкого собора, что в Санкт-Петербурге, иерей Иоанн Семенов при душе сидел; капитан Раман Иванов сын Немков; поручик князь Иван Мещерской, князь Андреев сын; оберпровиантмейстер Иван Петров сын Строев; ландрат Лука Богданов сын Каблуков; архангелогородской губернии комиссар Михайло Михайлов сын Дементьев; стряпчей Василей Григорьев сын [Жабов]; стольник Иван Федоров сын Теляковский руку приложили. Духовную писал Санкт-Петербургской губернской канцелярии подъячий Иван Трунилов.

(От письма и по записи двадцать пять алтын, писаны в приходной книге под статьею марта 29 дня. Подлинную духовную сын мой духовной Иван Иванович Пушкин взял, и по ево прошению вместо ево руки писал отец ево духовной Троицкого собора, что в Санкт-Петербурге иерей Иоанн Симеонов, потому что росписатца он, Иван Пушкин не смог за своею трудностию).

РГАДА. Ф. 412. Оп. 1. Ед. хр. 249. Л. 56 об. – 59.

Примечания

1. Б.Л. Модзалевский и М.В. Муравьев ошибочно указывали, что Иван Федорович Пушкин умер после 1715 года (См.: Модзалевский Б.Л., Муравьев М.В. Пушкины. Родословная роспись // Род и предки А.С. Пушкина. М. 1995. С. 412). В боярских списках его

имя последний раз упоминается в 1698 году (РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 5).

2. Алтын равен трем копейкам или шести деньгам.
3. Модзалевский Б.Л., Муравьев М.В. Указ. соч. С. 412, 417.
4. Там же. С. 417.
5. Так называлась и деревня рядом с Болдином//Род и предки А.С. Пушкина. С. 202.
6. Модзалевский Б. Л. и Муравьев М. В., упоминая завещание И.И. Пушкина, ошибаются в его датировке, называя 1718 год. Записная книга, в которой зарегистрировано завещание, относится к 1717 году.
7. ПСЗ. Т. XVIII. СПб. 1830. № 5717.
8. Вегнер М.О. Предки Пушкина// Род и предки А.С. Пушкина. С. 187-188.
9. РГАДА. Ф. 412. Ед. хр. 249. Л. 113 об. – 114.
10. Бурмицкие зерна – крупный жемчуг.
11. Кунгыш – верхняя одежда с длинными, иногда до полу, разрезными до локтей откидными рукавами.
12. Камка – тонкая шелковая ткань с блестящими узорами на матовом фоне, обычно одноцветная.
13. Китайка – шелковая гладкокрашенная ткань, ввозившаяся из Китая.
14. Пестрядь – ткань домашней выработки из остатков пряжи разного качества.
15. Бурмет– персидская хлопчатобумажная ткань.
16. Ожерелок– ворот одежды, горловина.
17. То есть сорочек.
18. То есть шести.
19. Деловые люди – крестьяне-мастеровые разных специальностей.
20. То есть часть наследства, доставшегося по жребью.
21. Заводы – то, что было в усадьбе заведено (пруды, мельницы и проч.).

П.А. Лебедев

ВЫПОЛНЕНИЕ РЕКРУТСКОЙ ПОВИННОСТИ КРЕСТЬЯНАМИ ГОРОДЕЦКОЙ ВОТЧИНЫ ОРЛОВЫХ И ПАНИНЫХ (первая половина XIX в.)

Изучение рекрутской повинности в Российской империи первой половины XIX в. имеет обширную историографию. Написаны обобщающие исследования и статьи, охватывающие комплекс аспектов данной темы: история вопроса, государственная политика и законодательство в области рекрутской повинности, осуществление рекрутских наборов и их роль в комплектовании армии, медицинское освидетельство-

вание рекрутов, влияние рекрутской повинности на народную культуру, карательная функция рекрутчины¹. Особняком стоят работы В.А. Александрова² и Л.С. Прокофьевой³, изучивших системы «отправления» рекрутской повинности в вотчинах. Однако, несмотря на обширную историографию, остается неизученным механизм рекрутчины, практика ее выполнения и управление ею, цель данной статьи – исследовать их.

Основными документами о порядке выполнения рекрутской повинности являются рекрутские списки по Коренной и Прикупной частям Городецкой вотчины⁴. В них заносились все члены крестьянских семей – мужчины, обязанные «отправить» рекрутчину, в документе точно указывался «объем» уже выполненной ими повинности и долг по ней. В данных документах устанавливались нормы поставки рекрута, которые должен был отправить каждый член семьи-мужчина: «от одной души наличной в четвертой доле рекрута»⁵, т. е. крестьянин должен был «очистить» условную единицу повинности - $\frac{1}{4}$ долю рекрута. Учет четвертей проиллюстрируем примером семьи Федора Ермолаева Слащевского, которому по восьмой ревизии было 36 лет, а «налицо» – 48. У него имелись дети:

Алексей – 12 лет по 8-й ревизии, «налицо» – 24

Николай – 9 -, умер

Осип – 7, – 19

Иван – 6, – 18

Александр – 3, – 15

Брат – Александр Ермолаев – 25, – 37.

Рекрутская повинность данной семьи должна была быть выполнена от семи душ, то есть нужно было «отправить» семь четвертей рекрута, так как смерть Николая не освобождала семью от «отправления» за него рекрутской четверти. «Очистка» четвертей семьей Слащевского растянулась на годы: за Федора и Александра зачтена в 1807 году осьмая доля за 125 рублей, в 1831 году взносом 150 рублей еще осьмуха, за «детей Федоровых», в 1842 году уплатой 150 рублей осьмая доля рекрута, наймом в 1831 году четверть рекрута за 250 руб. «Затем ныне состоит в целом рекруте с осьмой долей»⁶.

В данном случае расчет «рекрутской отправки» был произведен следующим образом. Если исходить из того, что указано «от 6 душ наличных» и еще один умерший, то получается, что от этой семьи должно было поступить семь четвертей рекрута. Посчитаем вместе с составителями списка: уже зачтена $\frac{1}{8}$ в 1807 году, $\frac{1}{8}$ в 1831 г., $\frac{1}{8}$ в 1842 г., $\frac{1}{4}$ в 1831 г., следовательно,

всего – две четверти и осьмая доля. Осталось – целый рекрут (четыре четверти) и осьмая доля. Как видим, состав семей для отбывания повинности жестко фиксировался, учитывались при расчете даже умершие члены семьи. Учет нормы поставки рекрута велся в «четвертях», причем в сознании крестьян происходило смешение данного понятия: это одновременно и математическая дробь, и условная единица отбывания повинности. В пользу последнего говорит то, что крестьяне жестко соблюдали, чтобы четверти были показаны, даже если это была неправильная дробь: «ныне состоят в семи четвертях»⁷, доли не смешивались («Затем ныне состоят в трех четвертях рекрута с осьмой и тридцать второй долями»⁸). Скрупулезно учитывались доли и при расчете количества зачтенных рекрутов: например, от Петра Нефедова «отправлено наймом в 1844 году четвертая, шестнадцатая и тридцать вторая доли рекрута за 425 рублей»⁹.

«Очистка» рекрутских долей могла быть произведена в нескольких формах:

1) Внос определенной суммы денег за доли в «вотчинную опеку», а фактически покупка «излишних» четвертей от поступивших ранее на военную службу крестьян. Так, Петр Иванов Слонов «отправил взносом денег по 1845 год в вотчинную опеку 300 рублей четвертую долю рекрута»¹⁰.

2) Покупка долей от поступивших в рекруты крестьян. От отданного в 1842 г. в солдаты Ивана Александрова Горева четверть была зачтена за него самого, четверть и осьмая доля – за умерших отца и деда, кроме того, четвертая и осьмая доли «поступили за другие роды, а именно:

Михайла Беляничева осьмая доля рекрута за 150 рублей, Григорья Кузнецова осьмая доля рекрута за 150 рублей и Андрея Набокова осьмая же доля рекрута за 150 рублей»¹¹. Эту форму не следует путать с описанной в предыдущем пункте, так как в данном случае четверти покупались сразу же после ухода крестьянина в солдаты. А в первом случае четверти находились в «мире», то есть составляли своеобразный «запас» свободных четвертей, учтенных «миром» от поступивших крестьян и впоследствии проданных нуждающимся.

3) Найм рекрутов: за детей Федора Ермолаева Слащевского повинность выполнена «наймом в 1831 году четверть рекрута за 250 руб.»¹²

4) «Внос денег в казну»: за Никиту и Гаврила Мотоевых «отправлено в 1811 году взносом денег в казну половина рекрута за 1250 рублей»¹³

5) Уход одного из членов семьи в солдаты с зачетом от него

долей за родственников – мужчин. За семью Василия Яковлева Бульгина «поступил отданный в 1812 году в ополчение отец их, Яков Федоров, тремя четвертями рекрута», за ними после этого остались «неотправленными» шесть четвертей рекрута¹⁴.

6) Выдачи денег от одних членов семьи тем, которые поступают в рекруты, в виде помощи: так, Николай Иванов Шумилов дал «в подмогу отданному в 1788 году в рекруты дяде Семиону Иванову 50 рублей, за кои зачтена четвертая доля рекрута»¹⁵

7) Редко встречались случаи, когда поступавший в рекруты член семьи «очищал» рекрутские доли не только своего семейства, но и других. Например, в 1844 году сын Лариона Андреева Ведерникова, Андрей, был отдан в рекруты за пороки. За него самого зачтена четверть, а «три четверти сданы за состоящий на нем долг в мирскую сумму 1200 рублей крестьянам» (в документе перечислены четыре крестьянина, которым отданы доли)¹⁶.

8) «Прощение» долей рекрута по причине плохого материального состояния крепостных: в 1796 г. Дмитрий Иванов Охлопков «по бедности прощен осьмой долей рекрута»¹⁷

9) Редки случаи «очистки» долей членами семей, поступавшими в разряд дворовых. Так, за Василия и Павла Карповых Вешняковых «зачтена от поступившего в дом господской в 1813 году брата их родного, Андрея, половина рекрута»¹⁸

10) Покупка рекрутских квитанций. В 1824 г. за Андрея и Дорофея Василевкиных «отправлено покупкою квитанции ... половина рекрута за 1250 рублей»¹⁹.

11) Интересна всего лишь один раз нам встретившаяся в источниках такая форма выполнения рекрутской повинности: крестьянин д. Коротайка Дмитрий Михайлов Шуравинской «находился при охранении Нижнего Новгорода от Пугачева», за что ему зачтена $\frac{1}{4}$ ²⁰.

На практике в семьях либо преобладала какая-либо одна форма отбывания повинности, либо существовала комбинация разных форм. Пример преобладания найма – семья Сергея Андреева Ботусова. За них в 1813 г. наймом «отправлена» половина рекрута за 800 руб., за Сергея в 1833 г. зачтена наймом четвертая доля за 300 р., в 1844 г – наймом же «очищены» четвертая, шестнадцатая и тридцать вторая доли за 425 руб.²¹ Только зачет излишних долей от поступивших рекрутов практиковался семьей Павла Михайлова Панкова²², за них осуществлена следующая «отправка»: «За Павла зачтена от отданного в 1808-м году Ивана Семенова четвертая доля рекрута за 300 рублей. За Алексея зачтена от отданного в 1815 го-

ду в рекруты Василья Замятина четвертая доля рекрута за 300 рублей. Затем ныне состоят в шести четвертях рекрута»²³. Пример комбинации форм выполнения повинности – семья Павла Федорова Беляева²⁴. «За их отца отправлено в 1759 году наймом шестнадцатая доля рекрута, а за какую цену – не сказано. В 1807 году отдан в ратники брат их родной, Степан, из коего зачитается за них три четверти рекрута, и в 1816, 1817 и 1818 годах взносом денег 75 рублей шестнадцатая доля рекрута, в 1842 году от Ивана Иванова взносом денег 300 рублей четвертая доля рекрута. Затем ныне состоят в двух рекрутах с осмой долей»²⁵. Таков был общий порядок выполнения рекрутской повинности в Городецкой вотчине, получивший в литературе название «лично-семейный»²⁶.

На практике механизм зачета излишних рекрутских четвертей от поступивших на военную службу крестьян работал следующим образом. Например, 28 июля 1854 г. управляющий вотчиной В.П. Янткевич сделал предписание вотчинному правлению Коренного Городца о зачете рекрутских долей. Согласно поручению В.Н. Панина от 27 июля 1854 г. на представлении Янткевича от 23 апреля, от поступившего в рекруты по добровольному желанию крестьянина Коренного Городца Василья Максимова Беляева, предписано зачесть: $\frac{1}{4}$ за самого отданного, $\frac{1}{4}$ за его приемыща Галактиона, $\frac{1}{4}$ за его брата, Григорья Максимова, и $\frac{1}{4}$ за умершего по 8 ревизии двоюродного брата Александра Тимофеева²⁷. Но этот зачет должен быть произведен на определенных условиях. 1) Мать Григорья Максимова, вдова Афанасия Маркова Беляева, обязывалась внести в мирской банк за «зачитаемую» $\frac{1}{4}$, согласно данной ею подписки, 75 р. сер., с рассрочкой, без процентов. 2) Внесенные в мирской банк Василием Беляевым 78 р. 77 к. сер. за рекрутскую повинность, если он пожелает, выдать ему обратно. 3) В награду за $\frac{1}{4}$ рекрута, зачтенную за умершего по восьмой ревизии двоюродного брата Александра Тимофеева, выдать Василию Беляеву хранившиеся в мирском банке принадлежавшие Тимофееву 50 р. сер.²⁸ Как видим, крестьяне должны были оплатить «зачитаемые» за них четверти, а тому, кто уже внес часть денег, но впоследствии поступил сам «натурой», внесенная сумма возвращалась.

Не только вотчинная администрация, но и родственники ушедших на военную службу крестьян могли распределять оставшиеся от них четверти. 10 ноября 1829 г. Михаил Савельев Кудряшов из д. Коротайка от отданного в 1826 г. родного брата «излишней половины» «брал» за своих детей одну

четверть рекрута, а оставшуюся четверть отдавал в мир желающим²⁹. Крестьянин той же деревни Ананий Никифоров Оборкин из оставшейся от отданного в солдаты родного брата Ивана половины рекрута зачитал за сына своего одну осмуху, «да по родству Иван Степанов Тащилов» за своего сына «взял» 1/8, «а остальную четверть отдаем в мир желающим»³⁰.

Для того, чтобы «отправить» повинность деньгами, крестьяне прибегали к займам специально на эти нужды, причем суммы были немалые. 19 мая 1852 г. Яков Иванов Овчинников из Большой слободы «с родными своими детьми» дал расписку Исаку Максиму П्लеханову о том, что занял у последнего для выполнения рекрутской повинности 90 руб. сер. Данную сумму должник обязался уплатить в рассрочку: на 29 июня 1852 г. – 30 руб. сер., на 15 августа – 30 руб. сер., а остальные 30 руб. – в декабре «в первых числах»³¹.

Крестьяне сознательно шли в долговую кабалу для того, чтобы достать денег для выполнения тяжелой и ненавистной им рекрутчины. Для этой цели в 1851 г. Михайло Васильев Вашуров из Прикупного Городца, находившийся в услужении у удельного крестьянина Матвея Осипова Овчинникова, намеревался взять у него «под службу мою» 200 р. сер. для найма «охотника»³². От него он хотел зачесть 2/4 рекрута за себя и брата, 2/4 – за свое семейство. А еще 1/4 он обязывался «отправить» деньгами после того, как заслужит своему хозяину 200 р., взятые в долг, – через три года³³. «Разбиратели» 30 марта 1851 г. разрешили Вашурову нанять «охотника» Конохова, но третью четверть зачесть в рассрочку не согласились, так как это противоречило ст. 3 Правил о рекрутской повинности³⁴. И они предписали: определить ему эту четверть с уплатой за нее денег в рассрочку на 10 лет³⁵. Управляющий вотчиной В.П. Янткевич утвердил данное решение³⁶.

Еще один пример долговой кабалы. 1 марта 1859 г. крестьянин д. Коротайка Григорий Михайлов Косковский дал расписку крестьянину д. Кириллово Ивану Богданову. Согласно ей, Косковский взял у Богданова заимообразно 20 руб. сер. для уплаты Якову Гавриловичу Гольчеву занятых им у него денег на взнос в вотчинное правление на рекрутскую отpravу. Указанную сумму Косковский обязался Богданову «заплатить или заработать у него на дощанике в бурлацкой работе в течение лета сего года все сполна, в обеспечение чего отдаю ему, Богданову, в залог собственный свой деревянный дом со всем пристроем, состоящий в деревне Коротайке»³⁷.

Крепостные стремились как можно быстрее выполнить рекрутскую повинность за своих детей, еще до записи их в ре-

крутские списки. Так, 22 декабря 1853 г. Фока Алексеев Беляев из Коренного Городца, за семейство которого рекрутская повинность была полностью «отправлена», имевший сына Осипа 16 лет, еще не включенного в рекрутский список, желал зачать за него $\frac{1}{4}$ взносом 150 р. сер. (50 р. - одновременно, а остальные 100 р. - в 2 года, по 50 р. в год)³⁸. «Разбиратели» удовлетворили это прошение³⁹.

Помимо этого, крестьяне перед вотчинной администрацией брали на себя обязательства в уплате денежных сумм за зачитывавшиеся за них четверти рекрута, обязываясь подпиской в вотчинном правлении либо о единовременной выплате денег, либо о рассрочке⁴⁰. Купивший четверть рекрута крестьянин мог получить обратно внесенные за нее деньги в случае, если после покупки родственник поступал за него в рекруты. Так, 17 марта 1855 г. Спиридон Васильев Романов из Верхней Полянки прошением на имя управляющего вотчиной П.В. Серебrenицкого просил о возврате денег. В 1854 г. они вместе с родным братом купили $\frac{2}{4}$ рекрута и внесли за них 300р. сер.⁴¹ Но 7 марта 1855 г. в набор за просителя поступил его родной брат, Семен Васильев, «в рекруты охотою». Поэтому Спиридон Васильев просил возвратить ему 300 руб. сер., истраченные на покупку $\frac{2}{4}$ рекрута⁴². «Разбиратели» постановили: деньги возвратить, вычтя из них часть, выдаваемую «охотнику», и за доли, зачтенные за умерших родственников семьи просителя⁴³. Аналогичный случай «переотправления» рекрутской повинности произошел в 1857 г. в семействе крестьян Прикупного Городца Якима, Льва и Кирилла Антоновых Шебловых, ранее нанявших «охотника» для зачета за семью, а затем, по воле помещика В.Н. Панина, отдавших в рекруты родного брата Семена⁴⁴. По их прошению были зачтены за их семейство четверти от поставленного «охотника» и от брата – и вся повинность «очищена», кроме того, им постановили выдать 225 руб. сер. за излишние доли, «так как они таковые доли переотправили рекрутской повинности наймом и отдачею в рекруты охотника»⁴⁵.

Часто крестьянин, за которого была зачтена четверть с условием уплаты за нее денег в рассрочку, не мог полностью заплатить их, как, например, это произошло с семьей Грачевых. 12 февраля 1841 г. Петр и Василий Александровы Грачевы дали подписку в том, что от отданного в 1840 г. в рекруты «родственника» Силантия Яковлева Грачева доли от него самого и отца «зачесть за наше семейство не желаем, потому что употребленные при содержании в черном приказе в продовольствие и при отдаче в рекруты деньги из мирской

суммы должно взнести в правление единовременно, а оных у нас налице не имеется»⁴⁶. Поэтому в среде общинников существовала практика перераспределения рекрутских долей от несостоятельных плательщиков к тем, кто за них в состоянии заплатить. Об этом, например, просил 7 марта 1829 г. исполняющего обязанности бурмистра Василия Степанова Тюпинского вотчинный опекун Павел Александров Мыльников. Свою просьбу он мотивировал тем, что наследники отданных в рекруты крестьян требуют процентов с сумм, поступивших в вотчинную опеку за доли их родственников, «и оные деньги с плательщиков мною были многократно требованы, но они, как известно вам, люди убогие и к платежу несостоятельные»⁴⁷. 15 июля 1853 г. было удовлетворено прошение о зачете четверти рекрута с уплатой 300 р. в три года за Ивана Алексея Плеханова⁴⁸. Она перераспределялась от Кирилла и Дмитрия Михайловых Кузнецовых, бывших не в состоянии полностью ее оплатить⁴⁹. В 1853 г. по прошению Николая Николаева Охлопкова разрешено зачесть за него $\frac{1}{4}$ рекрута с взысканием 150 р. сер. с рассрочкой на 4 года⁵⁰. «Разбиратели» своим суждением, утвержденным Янткевичем, постановили: зачесть четверть от поступившего в 1830 г. Якова Иванова Коптина, которая была определена его двоюродному брату, Владимиру Иванову Коптину, за нее он заплатил 36 р. 35к., но не уплатил остальные 135р., так как умер. Поэтому его оставили на очереди, а четверть передали Охлопкову⁵¹. Следовательно, «излишняя» рекрутская четверть жестко не «закреплялась» за тем, на кого ее распределяли, и могла быть «переброшена» на другого члена общины. При этом «разбиратели» прошения о «перезачете» четверти руководствовались критерием целесообразности: передавали ее тем, кто был в состоянии внести за нее денежную сумму. Нецелесообразно было оставить четверть без пользы, так как неплатеж денег приводил к тому, что они не поступали в «вотчинную опеку» - мирской банк.

В документах отразились факты о том, что крестьяне, получавшие деньги за излишние четверти, становились жертвами махинаций со стороны своих же родственников. 16 декабря 1829 г. крестьянка д. Коротайка Агафья Козьмина Малинина дала согласие бурмистру Мыльникову с помощниками за излишние доли от поступившего в рекруты мужа, зачатые за его братьев, 412 руб. 91 коп., получить с них по 5 руб. в год с каждого⁵². Ясно, что солдатка, дав согласие на такие условия получения денег, фактически обрекала себя на то, что рисковала сумму полностью не получить никогда (ее выплата растянулась бы на сорок с лишним лет). А ее деверя хитро поступи-

ли: получив право на такую рассрочку, они ушли от обязанности уплачивать деньги в полном объеме за рекрутские доли брата, зачтенные за них.

Перераспределение долей рекрута от несостоятельных должников было не единственной возможностью «отправить» повинность для крестьян: их можно было купить также и при условии наличия «свободных» четвертей. Так, прошением от 20 декабря 1855 г. на имя Серебrenицкого Иван Гаврилов Мотоев из Коренного Городца просил зачесть за него $\frac{1}{4}$ от излишних долей, за нее он обязывался выплатить 150 р.⁵³ В счет уплаты данной суммы он просил перевести из хранившихся в мирском банке денег, «вырученных за проданное имущество, оставшееся после родителя моего, Гаврила Иванова, разделенное с мачехой моею, Александрою Михайловою», и оставленные по суждению 1844 г. на отправление за него рекрутской повинности 70 руб., а остальные 80 руб. сер. обязывался внести в два срока⁵⁴. Но излишних долей не оказалось, и «разбиратели» 31 декабря 1855г. в удовлетворении просьбы отказали⁵⁵. Серебrenицкий предписал: «Просителю прошение возвратить, объявить ему, чтобы он обратился с прошением вторично»⁵⁶, т.е., видимо, тогда, когда появятся «свободные» доли. 12 февраля 1841 г. крестьянин Большой слободы Василий Матвеев Горохов за зачтенную «свободную» осьмуху рекрута от племянника за своего отца обязывался заплатить 150 р. асс., для обеспечения платежа он «подписал» половину своего дома и всю харчевню⁵⁷.

Помимо этого, крестьяне практиковали передачу от одних к другим рекрутских долей за определенные суммы денег. Крестьянин деревни Серково Иван Иванов Бочкарев прошением на имя Янткевича от 16 декабря 1853 г. просил передать $\frac{1}{4}$ рекрута крестьянину деревни Перевесново Филиппу Дмитриеву Шеблову для зачета за его родного брата Якова⁵⁸. Эта четверть должна была быть зачтена за старшего сына Бочкарева, Петра. Но Петр умер 7 лет назад, а Иван Бочкарев заплатил за четверть 311 р. 75 к. асс., но зачтена она за Петра не была⁵⁹. Поэтому он просил передать ее Шеблову с получением уплаченных за нее денег, «чем доставите мне средство к поддержанию моего состояния» и одновременно будет оказана помощь поступившему в десятый частный набор его среднему сыну Никите⁶⁰. Кроме того, он просил передать и $\frac{1}{4}$, оставшуюся от поступления в солдаты Никиты, тоже Шеблову для зачета за его семейство, так как при его поступлении в рекруты Шеблов «по моей бедности выдал мне для снаряда его (сына Никиты – П. Л.) денег 30 руб. серебром»⁶¹. Зачет произведен и утвержден

Янткевичем 16 мая 1854 г.⁶² Иван Бочкарев фактически продал четверть, за которую он заплатил деньги, но еще не зачтенную, чтобы поправить свое бедственное положение.

Мир мог принудить крестьянина к «отправлению» рекрутчины деньгами, если видел в этом необходимость. Избранные от мира Прикупной части крестьяне для распределения рекрутских четвертей 8 июля 1849 г. рассматривали дело о возвращении Степану Балуюеву, жившему в д. Коротайка, 44 руб. 51 3/7 к. сер., заплаченных им за четверть рекрута, зачтенную за него от отданного Осипа Сусуйковского. Но Балуюев выполнил после этого повинность натурой, и зачтенная четверть должна была быть передана другому крестьянину. Так как поступивший в солдаты Сусуйковский являлся крестьянином Ухтомской части, то и четверть следовало передать крестьянам этой же части. В ней, по рассмотрении рекрутского списка, оказался в «неотправных» сын крестьянина д. Коротайка («товарища нашего», как отметили выборные) Андрея Чехонина, уже умершего. Андрею ранее уже предлагалось приступить к оплате за сына рекрутской повинности, представляя на его усмотрение «как для его будет выгодным, т. е. или всю четверть рекрута с рассрочкою платежа за оную на пять лет, или осьмую долю с единовременным взносом». Но он отказался, а так как у Чехонина «еще детей, от коих бы можно было ждать, не требуя за означенного его сына Андрея рекрутской повинности, нет», то «мы, ограждая пользу мира, дабы повинность та не осталась в тягость вотчине, возложили означенную четверть на него, Чехонина, рассрочив ему взнос за оную на пять лет по 30 р. серебром в каждый, назначая срок платежа на декабрь месяц каждого года, и начиная в настоящем году». Уплаченные же Сусуйковским деньги вложить в мирской банк в пользу его наследников⁶³. С одной стороны, выборные крестьяне позаботились о выгодах мира, чтобы четверть рекрута не осталась праздною и ни за кого не зачтенной. С другой стороны, они, проявляя заботу о полном выполнении повинности, принудили крестьянина купить в рассрочку четверть рекрута для зачета за себя. При этом мир руководствовался соображением о том, что в данной семье никто больше не сможет «отправить» рекрутчину, и семья может остаться «неотправной».

Если от крестьянской семьи было «отправлено» больше четвертей рекрутской повинности, чем это было необходимо по рекрутскому списку, то ей за излишние четверти выплачивались деньги. В феврале 1848 года крестьянин деревни Мартогино Филипп Алексеев в прошении на имя Янткевича

подробно перечислил «отправление» рекрутской повинности своим семейством и пришел к выводу, что в излишке «должна остаться половина, за кого она зачислена – того неизвестно»⁶⁴. Поэтому он просил выдать за нее деньги для отправления в поход и на «разные продовольствия» находящегося у него на побывке сына Дмитрия⁶⁵. Вотчинное правление, разбирая прошение, при проверке его по родословной книге, обнаружило, что, действительно, от девяти человек семьи Алексеева было отправлено десять четвертей. Следовательно, $\frac{1}{4}$ была «излишней», «которая действительно и имеется». В итоге она была отдана другому крестьянину за 150 руб. сер. После вычета из этой суммы в мирской доход выданных рекруту 5 руб. 78 $\frac{4}{7}$ коп. и на его содержание 28 руб. 16 $\frac{1}{7}$ коп., всего 33 руб. 94 $\frac{5}{7}$ коп. сер, оставшиеся 116 руб. 5 $\frac{2}{7}$ коп. сер. «в пользу наследников иметь в хранении мирского банка»⁶⁶.

Рекрут мог влиять на распределение от самого себя долей и на взыскания за них денег. После получения письма рекрута – бывшего крестьянина Большой слободы Филиппа Александрова Кривцова на имя бурмистра Мыльникова от 28 февраля 1833г.⁶⁷, был собран мирской сход, 9 марта 1833 года утвердивший изложенные в письме пожелания относительно распределения долей и имущества Кривцова. От него зачитывалась $\frac{1}{4}$ за него самого, $\frac{1}{4}$ за брата Михаила, с которого он не желал взыскивать деньги за четверть, а «добровольно согласился с ним получать от него сколько когда у него случится может»⁶⁸. Оставшиеся две четверти мирской сход полагал зачесть за малолетнего сына Филиппа, Ивана, еще не значившегося по ревизии, $\frac{1}{4}$ безденежно, а за $\frac{1}{4}$ взыскать деньги с родственника отданному, Василия Андреева Шестерикова, за его умершего отца, - одновременно 320 руб. Из этой суммы нужно вычесть в мирской доход старосте Василию Тюрютину 202 руб. 79 коп., которые употреблены при отдаче Филиппа с награждением, и отдать долги, согласно письма рекрута, Василию Тюрютину (50 руб. 30 коп.) и солдатке Настасье Кирьяковой (1 руб. 30 коп.)⁶⁹. А оставшиеся после этих выплат 65 руб. 61 коп. вложить в «вотчинную опеку» для раздачи «из прибыли», и «прибыльные» проценты ежегодно выдавать сестре рекрута на воспитание оставшихся после него малолетних детей. Когда же отданный «будет на слуху или где на вестях», то ему, по усмотрению начальства, выдавать или посылать деньги из «капитальных». И дом его, согласно его письма, «продать не позволяем, а оставить оной до возрасту сына для жительства в нем сестре Анне с малолетними детьми, а буде сестра его взамен оного собственный свой дом

продать согласится, то позволяем»⁷⁰. Как видим, мир не только утвердил желание рекрута обеспечить жильем сестру с детьми, но и обеспечил средствами к существованию его детей и позаботился об «отправлении» за его сына рекрутской повинности. Так представители общины, пойдя навстречу пожеланиям рекрута, на мирском сходе сделали все, чтобы, с одной стороны, семья, лишившаяся ушедшего в солдаты кормильца, не осталась без средств к существованию, а с другой, – чтобы эта семья не была обузой для мира, не доставляла ему хлопот.

Однако тем, что рекрутская четверть была условной единицей выполнения повинности, ее значение не исчерпывалось. Доли могли выступать и в качестве своеобразной компенсации при выплате долга за семьи, за которую они были зачтены. Крестьянин Коренного Городца Иван Петров Нефедов занял в мирском банке 37 руб. 25 коп. и не выплатил их. Поэтому «добросовестные разбиратели» суждением от 10 марта 1853 года постановили: зачтенную за его сына Павла Иванова 1/8 долю рекрута с него снять и передать другим желающим, и из взысканных за нее денег, употребленных Нефедовым на содержание брата Ивана⁷¹, от которого и зачислена доля, 30 руб. сер., внести в мирской банк в уплату долга. А Павла по рекрутской повинности считать «неотправленным»⁷².

Как мы видим, сельская община и сами крестьяне могли регулировать выполнение рекрутской повинности, но помимо этого, практиковалась покупка дорогих рекрутских квитанций. Цена их была настолько велика, что имело место приобретение вскладчину. 30 ноября 1819 г. зажиточные крестьяне Максим Плеханов (помощник бурмистра Ивана Беляева) и вдова Стефанида Набокова через вотчинное правление просили помещика В.Г. Орлова разрешить им купить одну рекрутскую квитанцию для «отправления» повинности за детей. У Плеханова – один сын (он хотел «отправить» за него четверть), у Набоковой – четыре сына (она хотела за них зачесть «в уплату три четверти»), итого – целого рекрута⁷³. Несмотря на дороговизну, нужда в квитанциях была настолько большой, что практиковался заем их крестьянами одной части у крестьян другой части вотчины. Так, с разрешения Янткевича, изложенного в приказе от 18 октября 1843 г. № 310, Коренному вотчинному правлению разрешалось дать заимообразно 3-х Прикупному правлению рекрутскую квитанцию для представления к зачету взамен поставки рекрута натурой, «с тем, чтобы Прикупное правление при будущем наборе поставило за ваше правление натурю человека или отдало таковую же квитанцию»⁷⁴.

К рекрутским квитанциям относились очень бережно, так как для состоятельных крестьян это был удобный способ выполнения повинности, а для вотчинной администрации – сохранить для имения полезного ей богатого крестьянина. Приказом домовой конторы от 6 ноября 1819 г. бурмистр Иван Беляев ставился в известность, что от Романовской вотчины Екатерины Владимировны Новосильцевой во время рекрутского набора были представлены к зачету рекрутские квитанции на двух человек по прошествии десяти лет со времени их выдачи. Но по манифесту от 28 июня 1787 г., их не приняли «за пропуском десятилетнего времени». Тогда «прошен был и правительствующий сенат по сему случаю, но и оной отказал, а потому и пропали все ни за что. Итак, ты и будущие по тебе бурмистры берегитесь от такового несчастья и представляйте к зачету квитанции, не пропуская показанного десятилетнего срока»⁷⁵. Предписывалось с этого приказа дать копии бурмистрам Гремячевской, Тимонинской, Работкинской, Алистеьевской и Симбилейской вотчин, что и было сделано⁷⁶. Как видим, невозможность использовать купленные квитанции воспринималась как «несчастье», поэтому предписывалось бережно к ним относиться и не пропускать срок их предъявления к зачету.

Кроме того, для помещика квитанции были источником дополнительных денежных поступлений от крепостных. Поэтому помещики с удовольствием удовлетворяли просьбы об их покупке. В 1816 г. крестьянин Андрей Максимов Шарапов просил графа В.Г. Орлова продать ему рекрутскую квитанцию. 31 декабря 1816 г. «правлящий должность» бурмистра выборный Иван Беляев извещался домовой конторой, что квитанция в конторе теперь имеется, и за нее назначена цена 2500 руб. «Объяви ты ему о сем, и ежели он согласен взять квитанцию за означенную цену, то б прислал деньги в контору, а тогда и квитанция сия чрез тебя доставится к нему»⁷⁷.

Кроме зачета квитанций, практиковалась покупка людей для поставки в рекруты, порученная помещиком по доверенности бурмистру. В.Г. Орлов «верующим письмом» от апреля 1801 г. доверил Тихону Васильеву Колотилову покупку людей и крестьян без земли и с землей, и «оных покупных дворовых людей и крестьян в постановленное время в рекруты и на поселение отдавать впредь с зачетом или без зачету с требованиями на оное от его сиятельства и от домовой его конторы повелениев. а без оных не отдавать»⁷⁸. В сентябре 1810 г. Колотилов передоверил это право крестьянину Нижней слободы Павлу Григорьеву Красильникову⁷⁹.

Купленные крестьянами вскладчину для поставки в рекруты в трехгодичный срок люди проживали в домах покупателей по очереди⁸⁰. Сохранились условия таких покупок. 20 марта 1831 г. Иван и Михаил Афанасьевы Плехановы, Даниил Васильев Пугин, Сергей Андреев Ботусов, Сергей Иванов Иглин с братьями и Михаилом Мокеевым Старцовым купили у генерал-майора Агалина двух человек дворовых людей, каждого по 800 руб. По заключенному между ними 23 марта условию, они обязались купленных людей «указные лета до отдачи ... держать поочередно и одежду класть на общий счет, а буде которой до отдачи помрет или испортится, то убыток принимают на общий счет»⁸¹.

Покупавшие в рекруты людей крестьяне сталкивались с различными трудностями. Так, в декабре 1815 г. Лабутин и Косарев явились в домовую контору. Они старались отыскать купленного ими Василья Андреева, «который до приезда их опять бежал из Московского государя графа дома, но не отыскали еще и по сие время, и отыщут ли – неизвестно»⁸². Мало того, что покупка человека в рекруты была дорогой – купленный человек мог оказаться непригодным для отдачи в солдаты. Так, крестьяне Верхней Полянки Павел, Григорий и Василий Федоровы Горбуновы и дер. Лепуново Петр, Иван, Василий и Семен Яковлевы Мартемьянычевы в 1831 г. для поставки в рекруты за свои семейства купили вскладчину человека⁸³. Но он, прожив у них в вотчине один год и два месяца, был вытребован «правительством» и «оказался вольным и приписался уже в нижегородское мещанство»⁸⁴. Крестьяне – покупатели просили наказать поверенного Теленкова, который совершил покупку. Вся обременительность, тягость покупки для них видна из следующих слов их прошения: «на покупку одного собирали мы деньги по бедности своей, истощали имения, продавали дома свои, скот, хлеб и лучшую одежду, другие закабалили себя в годовые работы, в коих и ныне находимся, иные из нас взяли из опекунской суммы» и собрали на покупку 900 руб. Кроме того, произведены расходы на совершение купчей, содержание купленного человека, для разъездов Теленкова – всего 1489 руб. 10 коп. И эти деньги были израсходованы напрасно⁸⁵. Таким образом, крестьяне стремились любой ценой «отправить» рекрутскую повинность так, чтобы самим не угодить в солдаты, поэтому они из последних сил стремились добыть денег на покупку человека. Понятно их негодование, когда открылся обман и оказалось, что огромные деньги потрачены впустую. Так что покупка человека для отдачи в рекруты была не только дорогим, но и рискованным делом.

Крестьяне Грушевской части Верхней Полянки Павел Федоров Горбунов с братьями и Ухтомской части д. Лепуново Петр Яковлев Мартемьянычев с братьями рискнули купить в г. Лукоянове 9 января 1832 г. для отдачи за себя в рекруты человека за 900 руб.⁸⁶ Но неожиданно они узнали, что мать его отыскивала себе и ему свободу, обосновывая право на нее тем, что они проживали у разных людей, не имеющих дворянства, по указу от 24 ноября 1824 г. «Знатоки» не советовали начинать тяжбу о том, что они не имеют права на отыскивание свободы, но советовали подать прошение о взыскании убытков по покупке с продавца – г-на Развадовского – до 200 руб.⁸⁷

Крестьяне много теряли от этого, так как, несмотря на то, что они купили человека за 900 руб., купчая была оформлена только на 400 руб. «во избежании заплаты излишних пошлин»⁸⁸. Так что 500 руб. не были оформлены в купчей – Развадовский получил их на руки и обманул крестьян с выгодой для себя, ибо формальных доказательств в получении этих денег не было. Этот купленный у Развадовского человек в марте 1833 г. получил свободу по «решительному определению» губернского правления⁸⁹.

Поверенный Максим Теленков, через которого крестьяне и купили этого человека, был наказан. По решению домовой конторы, утвердившей 10 апреля 1834 г. предложение бурмистра Мыльниково о наказании, с него взыскивалась 1000 руб. для возмещения убытков крестьянам Павлу Горбунову с братьями и Петру Мартемьянычеву с братьями «за купленного и отсужденного» «правительством» на волю человека. Но Теленков такой суммы не имел, поэтому решили вычитать у него из жалования ежегодно по 400 руб., что составит рассрочку на два с половиной года. Но если будет удовлетворен возбужденный иск к г-ну Развадовскому прежде этого времени, то компенсация за убытки должна быть выплачена из суммы, взысканной с него судом⁹⁰.

Вотчинная администрация играла огромную роль в управлении и контроле за выполнением рекрутской повинности. Общая схема была следующей. При объявлении набора мирским сходом определялись кандидаты в рекруты, затем приговор поступал на рассмотрение и утверждение бурмистру и его помощникам. Но их решение не было окончательным: доклад о наборе с приложенными подлинными мирскими приговорами отправлялся в домовую контору, принимавшую совместно с помещиком окончательное решение о поставке рекрутов от вотчины⁹¹. После назначения кандидатов в рекруты, если они не находились на тот момент в имении,

предпринимались меры по их возвращению. 26 октября 1841 г. крестьянину д. Жерависново Борису Иванову Косареву предписывалось немедленно отправиться в Нижний Новгород «или далее» и отыскать находившегося на судне в работе «одновотчинного и однодеревенского» крестьянина Григорья Кирьякова, назначенного мирским обществом и по распоряжению помещицы к поставке в рекруты. Отыскав, его нужно «представить в сие правление за караулом, взяв для того еще из одновотчинных крестьян с помянутого судна одного человека, к чему и судохозяину Пятунину предписывается содействовать». Если Кирьяков не станет повиноваться или начнет оказывать сопротивление, то Косарев мог «просить помощи у местного начальства»⁹².

Мир и вотчинная администрация осуществляли контроль за крестьянами, которым наступала очередь идти в рекруты. 24 апреля 1832 г. Совет крестьян Трехслободской части составил приговор. «Прописанные в сем же приговоре люди не присоветовали крестьянину Николаю Дмитриеву Жукову давать пачпорта по объявлению брата его, Василья Дмитриева, что он, Николай, намеревается, съехав в Астрахань, вовсе удалиться от вотчины, отбывая от рекрутской очереди. Во удостоверение чего вместо крестьянина Василья Жукова, не умеющего грамоте, по его личной просьбе Иван Балалакин руку приложил»⁹³. Как видим, брат донес на брата вотчинному правлению, так как, видимо, боялся, что он бежит из вотчины, воспользовавшись выданным ему паспортом, и ему самому придется за семью выполнять ненавистную рекрутскую повинность. Описанный факт наводит на размышления о том, насколько тяжела для крестьян была рекрутчина, если они действовали любыми, даже нелюбезными в нравственном отношении, способами, такими, как доносительство на близкого члена семьи только по одному подозрению, что он может убежать, уйти от ответственности за выполнение этой повинности.

Такие безнравственные методы обеспечения поставки рекрута от семьи отчасти оправдываются тем, что рекрутчина была очень тяжелой и ненавистной для крепостных повинностью. Об этом говорит хотя бы то, что, боясь поступления в солдаты, они калечили сами себя. 12 февраля 1832 г. купленный для поставки в рекруты человек Яков Антонов, «умыслив отбыть» от военной службы, «с намерением какой-либо из членов тела своего повредить», спрыгнул с галереи Большого питейного дома в Городце и повредил правую ногу. 1 марта его препроводили в земский суд для допроса и наказания⁹⁴.

Документы отразили попытки крепостных оттянуть выполнение ненавистой им рекрутчины всеми возможными способами. 16 октября 1806 г. бурмистр Тихон Колотилов извещал домовую контору, что на мирском сходе Грушевской части приговорили поставить в рекруты в очередной набор трех человек⁹⁵. От них «для покупки заблаговременно требовано было неоднократно денег, кои всегда просили отсрочек, а как мне и обществу примечательно, что они своего состояния не поправляют, а видно, желая чем бы то ни было от отбыть»⁹⁶.

Все вопросы выполнения рекрутской повинности бурмистр решал совместно с поверенным по делам вотчины. Последний сам занимался поставкой рекрутов в Рекрутское присутствие в Нижнем Новгороде⁹⁷, а кроме того, давал советы, участвовал в утверждении докладов по вопросам рекрутской повинности, если в этом была необходимость. Так, 6 ноября 1831 г. бурмистр Мыльников в письме к поверенному Афанасию Федоровичу Олонцову просил его совместно подписать доклад в домовую контору об удовлетворении просьбы крестьянина Нижегородова об освобождении его от поставки в рекруты. Для личного объяснения с Олонцовым Нижегородов, по его просьбе, отправляется к нему⁹⁸. Олонцов 8 ноября 1831 г. отвечал: «я готов все пособия вам и обществу вашему делать, но что - то контора не устраивает союз наш в делах, а расстраивает, и посему в рекрутскую отдачу почти вмешиваться мне не должно, но и за сим, где гожусь - не откажу с вами вместе написать». И написал бы этот доклад, но в данный момент при нем нет писца⁹⁹. Поэтому Олонцов просил выслать ему написанный доклад, который он и подпишет¹⁰⁰. Мыльников этот доклад оправил при письме от 16 ноября 1831 г.¹⁰¹, и поверенный его подписал¹⁰². В данном случае бурмистр не осмеливался самостоятельно представить в домовую контору доклад об освобождении ранее определенного крестьянина от поставки в рекруты. Видимо, мнение Олонцова было очень важно и имело вес, если бурмистр просил его поставить подпись под документом.

Порою без опытного Олонцова дело с поставкой рекрутов не двигалось вперед. В 1831 году по подозрению в краже отдан в солдаты крестьянин Мокунин. Он поранил ногу, когда подламывал лавку «одновотчинного» крестьянина Григория Беляева¹⁰³. Вор был отправлен с поверенным Теленковым для поставки в Нижний Новгород, но там дело не двигалось вперед до приезда Афанасия Федоровича Олонцова. 10 сентября 1831 года он написал гневное письмо бурмистру Павлу Алек-

сандрову Мыльникову, ярко рисуящее не только поведение Мокунина, но и ошибки, допущенные бурмистром при его поставке. Это лишний раз говорит о том, что поставка рекрутов была делом непростым, требовала опытности ответственного за нее. Олонцов писал: «Я удивляюсь вашему, по моему мнению, легкомыслию о людях, представляемых к отдаче в рекруты, что будто в ранах и болезнях принять правительство обязано, но как ваш поверенный Теленков с подверженным человеком болезням живет в Нижнем другую неделю и показывать в рекрутское присутствие не смеет»¹⁰⁴. Как видим, Олонцов с некоторой злой иронией выговаривал бурмистру за его беспечность: он не позаботился о лечении рекрута, послал с ним поверенного, не способного как следует выполнить порученную ему поставку, вылечить рекрута. Мокунин же до приезда Олонцова в Нижний Новгород «и полечить себя не допускал, кроме одного пьянства и буянства. Я теперь чрез полицию градскую буйство его прекратил и начал лечить, а по вылечению в рекрутское присутствие представить непременно, жену его отослал в Городец, да кажется, сначала и впрямь подобным распутным людям поводу давать жен своих при себе, поехавши к отдаче в рекруты, иметь не должно, время им будет и по отдаче увидеться свободно, когда на сие будет у них согласие»¹⁰⁵. Таким образом, понадобились воля и опытность Олонцова, чтобы не только утихомирить распоясавшегося Мокунина, но и начать подготовку к его отдаче в рекруты. Теленков с этим не справился.

Определенные к поставке в рекруты крестьяне отправлялись из Городца с помощником бурмистра (например, в октябре 1831 г. с помощником бурмистра Степаном Плешковым). В Нижнем Новгороде их передавали поверенному по делам вотчин А. Олонцову. Представители вотчины администрации, сопровождавшие рекрутов в Нижний Новгород, снабжались денежными суммами из мирской суммы «на отдачу» и (в 1831 г.) «на предмет благодарности, по усмотрению поверенного Афанасья Федоровича Олонцова, на каждого человека (поставляемого в рекруты – П. Л.) по двести рублей»¹⁰⁶. Размер суммы на «благодарность по рекрутскому присутствию» определялся мирским сходом: 13 декабря 1831г. крестьяне Трехслободской части составили приговор о выдаче на эти цели из мирской суммы по 200 р. на каждого отдаваемого рекрута¹⁰⁷.

После поставки рекрутов, начиналась работа по учету количества «отправленной» рекрутской повинности – распределение излишних рекрутских долей от отданных между остальными крестьянами. Для этого на мирском сходе выбирались

«раскладчики». Так, 9 декабря 1841 г. мирской сход Трех Покупных частей выбрал «из среды себя» для выполнения этой процедуры семь человек, «которым и учинить раскладку беспристрастно по сущей справедливости, именно: изыскать таких, которые состоят не в отправе и уже уходят летами, какую раскладку, учиняя, объявить нам на мирском сходе»¹⁰⁸.

Подведем итог. В Городецкой вотчине Орловых и Паниных в первой половине XIX в. применялся описанный в литературе лично-семейный порядок выполнения рекрутской повинности. Для него характерно то, что каждый член мужского пола крестьянской семьи должен был «очистить» наложенную на него условную единицу рекрутской повинности – ¼. Крестьяне строго вели учет рекрутским долям, в вотчине производились разнообразные действия с четвертями: они зачитались за семью, из которой крестьянин поступал в рекруты, отдавались в мир и перераспределялись им, продавались и покупались. Крестьяне несколькими способами пытались «отправить повинность» таким образом, чтобы зачесть за себя и свое семейство четверти. Этими способами, помимо покупки «свободных» рекрутских долей, были приобретение рекрутских квитанций и покупки людей для «отправы» повинности «натурой».

Обычно перераспределением и зачетом долей от поступивших в солдаты крепостных занимался мир и «добросовестные разбиратели», но и сам рекрут мог повлиять на этот процесс, представив свою схему выполнения повинности четвертями, поступившими от него самого. Имела место трехступенчатая система выполнения рекрутской повинности:

- 1) Мир, определявший кандидатов в рекруты и ведавший зачетом рекрутских долей
- 2) Мирская комиссия («добросовестные разбиратели»), разбивавшие крестьянские прошения о рекрутчине и также распределявшие доли
- 3) Вотчинная администрация и поверенный по делам вотчины, утверждавшие решение мира и поставлявшие рекрутов в рекрутское присутствие в Нижнем Новгороде.

Мир и вотчинная администрация осуществляли контроль за кандидатами в рекруты и всеми способами стремились обеспечить их нахождение в вотчине непосредственно перед поставкой в солдаты.

¹ Зайончковский А.М. Восточная война 1853 – 1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. I. СПб., 1908. С. 475 – 481 ; Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 годов в России.

М., 1952. С. 18 ; *Лукичев С.С.* Рекрутская повинность в Алтайском горном округе в первой половине XIX века // Доклады по вопросам конкретной экономики и советского права (май, 1963 г.). Томск, 1963. С. 24–30. *Богданов Л.* Комплектование русской армии накануне Отечественной войны 1812 года // Военно-исторический журнал. 1972. № 1. С. 36–43 ; *Прудников Ю.Ф.* Комплектование русской армии (1794–1804 гг.). Автореферат дис.... к.и.н. М., 1972. С. 8–15 ; *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М., 1973. С. 69–80 ; *Богданов Л.П.* Русская армия в 1812 году. Организация, управление, вооружение. М., 1979. С. 56–72 ; *Корнилов В.А.* Консервативные проекты перестройки рекрутской повинности в первой трети XIX в. (К вопросу о взаимодействии общественного мнения и политики царизма) // Из истории общественно-политической мысли России XIX века. Межвузовский сборник научных трудов. М., 1985. С. 3–20 ; *Кухарук А.В.* Реформирование рекрутской повинности в правление Николая I // Россия и реформы. Сборник статей. Выпуск третий. М., 1995. С. 21–27 ; *Баяндин В.И.* Жеребьевая система набора на военную службу в русскую армию XIX века (в центре и на окраинах империи) // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI–XX веков. Материалы третьей региональной научной конференции 19 – 20 ноября 1998 г. Новосибирск, 1998. С. 228–231 ; *Долгих А.Н.* Рекрутская повинность и крестьянский вопрос в России в конце XVIII – начале XIX в. (к постановке проблемы) // Бартеневские чтения. Материалы межрегиональной конференции. Липецк, 18–19 ноября 2003. Липецк, 2005. С. 57–69 ; *Щербинин П.П.* Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов, 2004. С. 24–167 ; *Щербинин П.П.* «Соломенная вдова»: права и жизнь российской солдатки // Семейные узы: модели для сборки. Сборник статей. Книга 1. М., 2004. С. 335–359 ; *Иванов Ф.Н.* Денежные расходы на «отдачу» рекрутов в Вологодской губернии в 1845 – 1873 гг. // Участие жителей Коми в войнах и вооруженных конфликтах XX века. Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук. Вып. 2. Сыктывкар, 2004. С. 84–88 ; *Иванов Ф.Н., Котов П.П.* Рекрутская повинность населения Архангельской губернии в 1820–1874 гг. // Двинская земля. Вып. 4. Материалы четвертых межрегиональных общественно-научных историко-краеведческих Стефановских чтений, посвященных 100-летию наркома и министра речного флота СССР Зосимы Алексеевича Шашкова, 19–20 марта 2005 года. Вельск, 2005. С. 117–131 ; *Тихонов А.К.* К вопросу о рекрутской повинности евреев в Российской империи в XIX в. (1827–1874 гг.) // Чтения по военной истории. Сборник статей. СПб., 2005. С. 267–275 ; *Вакулова Л.Е.* Зарубежная истриография о рекрутской повинности в России XIX в. // Гуманитарные науки: проблемы и решения. Межвузовский сборник научных статей. Вып. 4. СПб., 2006. С. 34–37 ; *Иванов Ф.Н.* Эволюция государственной политики в сфере рекрутской повинности в XVIII – XIX вв. // Российская политика: прошлое, настоящее, будущее. Сборник трудов. Вып. 2. Сыктывкар, 2006. С. 164–176 ; *Иванов Ф.Н.* Рекрутская повинность на-

селения Европейского Севера России в 1831–1874 годах в освещении отечественной историографии // Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук. Вып. 5. Сыктывкар, 2006. С. 3 – 26 ; *Котов П.П., Иванов Ф.Н.* Раскладка рекрутской повинности в России в 30–70-х годах XIX века как механизм уравнивания интересов военного ведомства и податных сословий // Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук. Вып. 5. Сыктывкар, 2006. С. 35–50. *Иванов Ф.Н.* Изменение государственной политики в сфере рекрутской повинности в 1831–1874 гг. (на примере Европейского Севера России) // II Межведомственный сборник научных трудов (ноябрь 2006 г.). СПб., 2006. С. 49–59 ; *Вакулова Л.Е.* Рекрутские наборы в Тамбовской губернии в XIX в. Автореферат дис.... к.и.н. Саратов, 2007. С. 16–22 ; *Белоусов С.В.* Провинциальное общество и Отечественная война 1812 года (по материалам Среднего Поволжья). Пенза, 2007. С. 88–108 ; *Тотфалушин В.П.* рекрутские наборы в Саратовской губернии в Отечественную войну 1812–1814 гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. Саратов, 2007. Вып. 2. Т. 7. С. 33–38 ; *Иванов Ф.Н.* Привлечение духовного сословия к рекрутской повинности (на примере разбора духовенства 1807 г. в Вологодской губернии) // Православие на Вятской земле (к 350-летию Вятской епархии). Материалы межрегиональной научной конференции 5 декабря 2007 г. Вятка (!), 2007. С. 167–171 ; *Вакулова Л.Е.* Взаимоотношения власти и общества в контексте исполнения рекрутской повинности в XIX в. // Армия и общество в российской истории XVIII–XX вв. Международная заочная научная конференция. 18 января 2007 года. Сборник трудов. Тамбов, 2007. С. 85–89 ; *Вакулова Л.Е.* Источники изучения исполнения рекрутской повинности в XIX в. // Армия и общество в российской истории XVIII–XX вв. Международная заочная научная конференция. 18 января 2007 года. Сборник трудов. Тамбов, 2007. С. 89–98 ; *Вакулова Л.Е.* Исполнение рекрутской повинности крестьянскими общинами и мещанскими обществами в Тамбовской губернии в XIX в. // Общество и государство в России: традиции, современность, перспективы. Сборник научных статей. Вып. 3. Тамбов, 2007. С. 4–19 ; *Трошина Т.И.* Рекрутская повинность в Архангельской губернии // Защитники отечества. Материалы XXI региональных общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Архангельск. 28 октября 2006 г. Вып. 10. Архангельск, 2007. С. 118 – 133. *Матафанов Н.Н.* Третий частный набор рекрутов в Архангельской губернии (1839 г.) // Защитники отечества. Материалы XXI региональных общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Архангельск. 28 октября 2006 г. Вып. 10. Архангельск, 2007. С. 134 – 144 ; *Иванов Ф.Н.* Воздействие рекрутской повинности на население Европейского Севера России в 1831 – 1874 гг. // Историческая демография. 2008. № 2. С. 25 – 31 ; *Белоусов С.В.* Особенности препровождения рекрутских партий в 1801–1815 гг. (по материалам Пензенской губернии) // Военно-мобилизационная деятельность государства и российское общество в XVIII–XX веках. Сборник статей междуна-

ной научной конференции. Тамбов, 2008. С. 32–36 ; *Иванов Ф.Н.* Рекрутская повинность населения России в XIX столетии в освещении отечественной историографии // Проблемы войны и мира в эпоху Нового и Новейшего времени (к 200-летию подписания Тильзитского договора). Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, декабрь 2007. СПб., 2008. С. 204–211 ; *Корнилов В.А.* Рекрутская повинность и внутренне состояние русской армии в первой половине XIX века // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». М., 2008. № 1. С. 8–24 ; *Сметанин В.А.* Рекрутская повинность и ее исполнение крестьянами Богдановской волости // Защитники отечества. Материалы XXIII общественно-научных чтений по военно – исторической тематике. Архангельск, 27–28 октября 2007 г. Вып. 11. Архангельск, 2008. С. 187–206 ; *Анисимов В.В.* Исторический анализ правового обеспечения комплектования русской армии до введения всеобщей воинской повинности // Вестник Военного университета. 2009. № 4. С. 127–133 ; *Есиков С.А., Щербинин П.П., Выжимов Е.Д., Яковлева Л.Е., Оглоблина Л.Е., Щербинина Ю.В.* Исполнение рекрутской повинности крестьянскими общинами в Тамбовской губернии в XIX в. // Военный фактор в российской истории в XVIII – XX веках. Международная научная конференция. 16 марта 2009 года. Тамбов, 2009. С. 49–57 ; *Есиков С.А., Щербинин П.П., Оглоблина Л.Е., Яковлева Л.Е., Щербинина Ю.В.* Особенности найма «охотников» при исполнении рекрутской повинности в Тамбовской губернии в XIX в. // Военный фактор в российской истории в XVIII – XX веках. Международная научная конференция. 16 марта 2009 года. Тамбов, 2009. С. 58–67 ; *Есиков С.А., Выжимов Е.Д., Оглоблина Л.Е., Щербинин П.П.* Особенности исполнения рекрутской повинности в Тамбовской губернии в XIX в. // Международная научная конференция «Российское село в XIX–XX веках». Сборник статей. 28 октября 2009 года. Тамбов, 2009. С. 257–263 ; *Руденко В.Н.* Институт жребия в комплектовании вооруженных сил: опыт Российской империи и СССР // Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения Российской Академии Наук. Вып. 9. Екатеринбург, 2009. С. 445–480 ; *Кабакова Н.В.* Архивные материалы как источник изучения вопроса об отправлении рекрутской повинности в Тобольской губернии в конце XVIII – начале XIX вв. // Западная Сибирь и сопредельные территории: демографические и социально-исторические процессы (XVIII–XX вв.). Материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 90-летию доктора исторических наук, профессора А.Д. Колесникова (8 – 9 декабря 2009 г.). Омск, 2009. С. 248–255 ; *Щербинин П.П.* Историко-правовые аспекты рекрутской повинности: современные подходы к изучению проблемы (90-е гг. XX–XXI в.) // Вестник Тамбовского университета. Научно-теоретический и прикладной журнал широкого профиля. Серия: гуманитарные науки. 2009. Вып. 3 (71). С. 255–257 ; *Килунин М.Ю.* Анализ документов вотчинного законодательства в сфере рекрутской и воинской повинностей в Пермском имении Строгановых (по архивным материалам Ильинского районного кра-

еведческого музея) // Строгановское историческое собрание. Материалы заочной конференции историков и краеведов Пермского края. Вып. 5. Пермь, 2010. С. 84–86 ; *Белоусов С.В.* Рекрутские недоимки в 1801–1815 гг. (по материалам Среднего Поволжья) // Российский крестьянин в годы войн и в мирные годы (XVIII–XX вв.): сборник трудов участников научной конференции (Тамбов, 10 июня 2010 г.). Тамбов, 2010. С. 193–197 ; *Выжимов Е.Д.* Рекрутские наборы в Тамбовской губернии периода Крымской войны 1853 – 1856 гг. // Российский крестьянин в годы войн и в мирные годы (XVIII – XX вв.): сборник трудов участников научной конференции (Тамбов, 10 июня 2010 г.). Тамбов, 2010. С. 197–204 ; *Иванов Ф.Н.* Раскладка рекрутской повинности в России: законодательство и представления населения о «справедливости» // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской Академии Наук. 2010. № 3. С. 82–87 ; *Иванов Ф.Н.* Льготы и «изъятия» от рекрутской повинности в России в XVIII–XIX вв. // Вестник Тюменского государственного университета. История. Филология. 2010. № 1. С. 21–27 ; *Белоусов С.В.* Рекрутские наборы в Пензенской губернии в эпоху Отечественной войны 1812 года // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XVI международной научной конференции, 6–7 сентября 2010 г. Можайск, 2011. С. 128–152 ; *Иванов Ф.Н.* Периодизация истории рекрутской повинности в России в XVIII–XIX веках // Вестник Военного университета. 2011. № 4 (28). С. 134–140 ; *Таннберг Т.-А.* Комплектование российской армии в первой половине XIX в. // Французский ежегодник. 2012. 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. М., 2012. С. 148–171 ; *Горелов В.Н.* «Вместо ссылки в Сибирь на поселение ... к отдаче в военную службу рядовыми» // Военно-исторический журнал. 2012. № 11. С. 51–55 ; *Симакин Н.В.* Замечания наблюдателей за ходом наборов как источник по изучению рекрутской повинности населения в 1831–1874 гг. (по материалам Пензенской губернии) // Вестник военно-исторических исследований. Международный сборник научных трудов. Вып. 4. Пенза, 2012. С. 223–228 ; *Иванов Ф.Н.* Формирование региональной сети рекрутских присутствий в России XVIII–XIX вв. (на примере Вологодской губернии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. 2012. № 10 (24). Часть II. Тамбов, 2012. С. 63–69 ; *Рудник С.Н.* Рекрутчина под надзором Третьего отделения // Исторические чтения на Лубянке. 15 лет. М., 2012. С. 19–27 ; *Горелов В.Н.* Рекрутские наборы в системе комплектования русской армии // Военно-исторический журнал. 2013. № 7. С. 17–23 ; *Горелов В.Н.* «Шатающихся и бродящих по миру, мужеска пола годных в службу ... // История в подробностях. № 10. Рекрутство. Октябрь 2014. С. 6–17 ; *Горелов В.Н.* Карательная функция рекрутской повинности в освещении отечественной историографии // История в подробностях. № 10. Рекрутство. Октябрь 2014. С. 22–27 ; *Бушмаков А.В.* Рекрутские дела конца XVIII – нач. XIX в. (по материалам Пермской губернии) // История в под-

робностях. № 10. Рекрутство. Октябрь 2014. С. 34–39 ; *Оглоблина Л.Е.* Особенности исполнения рекрутской повинности в Тамбовской губернии в XIX в. // История в подробностях. № 10. Рекрутство. Октябрь 2014. С. 40–45 ; *Горелов В.Н.* «В условиях воинской дисциплины не представляли особой опасности». Служба в вооруженных силах лиц «порочного поведения», отданных в солдаты по мирским приговорам и судебным решениям в XIX веке // Военно-исторический журнал. 2014. № 2. С. 66–70 ; *Горелов В.Н.* «А буде из рекрут кто побегит ... без всякой пощады будут как злодеи наказаны» // Военно-исторический журнал. 2014. № 6. С. 46–52 ; *Горелов В.Н.* «Отдать в военную службу с получением ... следующих по закону денег» // Военно-исторический журнал. 2014. № 11. С. 59–63 ; *Горелов В.Н.* Карательная функция рекрутчины в России 1705–1874 гг. Севастополь, 2015 ; *Голикова С.В.* Медицинское экспертное знание в российском законодательстве первой половины XIX века. Рекрутский устав 1831 года // Диалог со временем. Вып. 50. М., 2015. С. 201–217 ; *Иванов Ф.Н.* Освобождение от натуральной рекрутской повинности населения регионов Российской империи (на примере Архангельской губернии 1820–1874 годов) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10 (60). Часть III. Тамбов, 2015. С. 66–73 ; *Иванов Ф.Н.* Рекрутская повинность на Европейском Севере России в 1831–1874 годах (по материалам Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний). М., 2016 ; *Иванов Ф.Н.* Преобразование военно-организационных мероприятий государства в обязанность населения выставлять рекрутов в России XVIII–XIX веков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. 2016. № 12 (74). Часть 1. Тамбов, 2016. С. 82–89 ; *Иванов Ф.Н., Иванова А.Н.* Работа медицинских чиновников в составе рекрутских присутствий в 1831–1874 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. 2016. № 6 (68). Часть 2. Тамбов, 2016. С. 80–83 ; *Иванов Ф.Н.* История рекрутской повинности в России (1699–1874 гг.). Учебное пособие. М., 2017 ; *Мамаева М.Н.* Рекрутские песни и традиция проводов в армию у луговых мари. Йошкар-Ола, 2019 ; *Баяндин В.И.* Русская армия в XIX – начале XX вв.: роль старослужащих нижних чинов в подготовке рекрутов и молодых солдат // Вестник Томского государственного университета. История. Научный журнал. 2019. № 62. С. 10 – 17. *Ляпанов А.В.* Отбывание рекрутской повинности государственными крестьянами Владимирской губернии // Война и мир в отечественной и мировой истории. Посвящается 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 27 марта 2020 г. СПб., 2020 ; С. 337–343 ; *Голикова С.В.* Рекрутчина как социокультурное явление (по материалам Урала XVIII – XIX вв.). Екатеринбург, 2021.

² Александров В.А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М., 1976. С. 242–293.

³ Прокотьева Л.С. Крестьянская община в России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. (на материалах вотчин Шереметевых). Л., 1981. С. 151–157.

⁴ ЦАНО. Ф. 761. Оп. 1. Д. 1197, 1198.

⁵ Там же. Л. 11 об. – 12.

⁶ Там же. Л. 2 об. – 3.

⁷ Там же. Л. 3.

⁸ Там же. Л. 8.

⁹ Там же. Л. 9.

¹⁰ Там же. Л. 2.

¹¹ Там же. Л. 15 (подобные факты – Л. 19, 26, 70 и др.).

¹² Там же. Л. 3.

¹³ Там же. Л. 3.

¹⁴ Там же. Л. 4.

¹⁵ Там же. Л. 7.

¹⁶ ЦАНО. Ф. 761. Оп. 1. Д. 1197. Л. 4. Описанные в этом пункте факты показывают, что рекрутская повинность в руках общины была не только государственной повинностью, но и средством, при помощи которого мир поддерживал вотчинную дисциплину (отдача в солдаты за пороки) и, видимо, во избежание уплаты долга по традиции круговой поруки, мир использовал рекрутчину как один из способов удовлетворения кредиторов. При помощи рекрутчины мир улаживал проблемы своих членов: в данном случае, для удовлетворения кредиторов вместо денег было использовано то, что им облегчило выполнение рекрутской повинности.

¹⁷ ЦАНО. Ф. 761. Оп. 1. Д. 1197. Л. 20 (подобный факт – Л. 16).

¹⁸ Там же. Л. 60.

¹⁹ Там же. Л. 61 (подобный факт – Л. 62).

²⁰ Там же. Лл. 31 об. – 32.

²¹ Там же. Л. 7 об. – 8.

²² У Павла Михайлова Панкова были дети: Евграф (умер), Иван (умер), Иван же (умер), Тихон (29 лет); брат Алексей Михайлов (43 года), у него племянники Николай и Павел Федоровы (31 и 17 лет).

²³ ЦАНО. Ф. 761. Оп. 1. Д. 1197. Л. 8.

²⁴ У Павла Федорова Беляева были дети: Михаил, Иван; у Михаила сын Василий; брат Яков Федоров (у него сыновья Фрол и Иван); 2-й брат Иван Федоров, у него сын Иван; 3-й брат – Дмитрий Федоров (у него дети – Степан, Иван, Николай, Егор).

²⁵ ЦАНО. Ф. 761. Оп. 1. Д. 1197. Л. 20 об. – 21.

²⁶ Александров В.А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М., 1976. С. 259.

²⁷ ЦАНО. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 2975. Л. 3 – 3 об.

²⁸ Там же. Л. 3 об.

²⁹ Там же. Л. 12 – 12 об.

³⁰ Там же. Л. 12 об.

- 31 ЦАНО. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 2742. Л. 28 – 28 об.
32 Там же. Д. 2685. Л. 1.
33 Там же. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 2685. Л. 1об.
34 На сегодняшний день эти Правила не обнаружены.
35 ЦАНО. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 2685. Л. 2 – 2 об.
36 Там же. Л. 2 об.
37 Там же. Д. 3341. Л. 12 об.
38 Там же. Д. 2818. Л. 1 – 1об.
39 Там же. Л. 3 – 4.
40 Там же. Д. 1960. Л. 2 – 6об., 8 – 9 об.
41 Там же. Д. 3001. Л. 7.
42 Там же. Л. 7 – 7 об.
43 Там же. Л. 9 – 10 об.
44 Там же. Д. 3280. Л. 2 – 2 об.
45 Там же. Л. 4 – 5 об.
46 Там же. Д. 1960. Л. 7 – 7 об.
47 Там же. Д. 919. Л. 1 – 1 об.
48 Там же. Д. 2802. Л. 4.
49 ЦАНО. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 2802. Л. 3об. При этом «разбиратели» руководствовались предписанием В.П. Янткевича от 16 февраля 1852 г. № 52. Аналогичный пример – Ф. 1399. Оп.1. Д. 2807.
50 ЦАНО. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 2810. Л. 1 – 2.
51 Там же. Л. 4 – 5 об.
52 Там же. Д. 985. Л. 11 – 11 об.
53 Там же. Д. 3078. Л. 1.
54 Там же. Л. 1 об.
55 Там же. Л. 2 – 2 об.
56 Там же. Л. 1 об.
57 Там же. Д. 1960. Л. 1 – 1 об.
58 Там же. Д. 2994. Л. 11 – 11 об.
59 Там же. Л. 11.
60 Там же. Л. 11 об.
61 Там же. Л. 11 об.
62 Там же. Л. 5 – 6.
63 Там же. Л. 2 – 2 об.
64 Там же. Л. 1.
65 Там же. Л. 1 – 1 об.
66 Там же. Л. 2 – 2 об.
67 Там же. Д. 1304. Л. 2 – 3 об.
68 Там же. Л. 1.
69 Там же. Л. 1 – 1 об.
70 Там же. Л. 1 об.
71 Видимо, брат Иван поступил охотою за свою семью в рекруты. Другой Иван (родной брат) содержал его и выдал ему деньги на обмундирование. Соответственно, цена зачтенной 1/8 доли измерялась в размере этой потраченной им суммы на содержание поступившего брата.
72 ЦАНО. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 2958. Л. 3 – 4 об.

- 73 ЦАНО. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 390. Л. 154 об. - 155.
74 Там же. Д. 2084. Л. 20 - 20 об.
75 Там же. Д. 390. Л. 137 об.
76 Там же. Л. 135 об. - 137.
77 Там же. Д. 227. Л. 32.
78 Там же. Д. 233. Л. 5.
79 Там же. Л. 5.
80 Там же. Д. 287. Л. 81 об. - 82.
81 Там же. Д. 1189. Л. 3.
82 Там же. Д. 125. Л. 8.
83 Там же. Д. 1284. Л. 21 - 21 об.
84 Там же. Л. 21 об.
85 Там же. Д. 1284. Л. 21 об. - 22.
86 Там же. Д. 1209. Л. 43 - 43 об.
87 Там же. Л. 45 об. - 46.
88 Там же. Д. 1209. Л. 43 об.
89 Там же. Д. 1288. Л. 25 об. - 26.
90 Там же. Д. 1456. Л. 2 - 3 об.
91 Там же. Д. 1029. Л.1 об. - 6.
92 Там же. Д. 1938 а. Л. 35 об.
93 Там же. Д. 1263. Л. 13.
94 Там же. Д. 1210. Л. 11 - 11 об.
95 Там же. Д. 52. Л. 7 - 8.
96 Там же. Л. 8.
97 Там же. Д. 453. Л. 1 - 1 об.
98 Там же. Д. 1138. Л. 25 - 25 об.
99 Там же. Л. 27.
100 Там же. Л. 27 об.
101 Там же. Л. 28.
102 Там же. Л. 11, 12 об.
103 Там же. Л. 1 об.
104 Там же. Д. 1347. Л. 8.
105 Там же. Л. 8 - 8 об.
106 Там же. Д. 1140. Л. 5 - 5 об.
107 Там же. Л. 4.
108 Там же. Д. 1952. Л. 14 - 14об., 34. Аналогичный приговор: ЦАНО. Ф. 1399. Оп.1. Д. 1952. Л. 16 - 16 об.

Б.М. Пудалов

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ИСТОРИКА: АРХИВНЫЙ ФОНД Е.В. КУЗНЕЦОВА

Фонды и коллекции документов ученых-историков, хранящиеся в государственных архивах России, по праву считаются важным источником для изучения развития исторической науки. Поэтому усилия архивистов Нижегородской области,

помимо прочего, традиционно направлены на сохранение документального наследия выдающихся «служителей Клио» в нашем регионе. Наибольший интерес представляют фонды, составленные самими учеными при жизни, в тесном взаимодействии с сотрудниками архивов, потому что здесь документы обычно дают дополнительные и очень важные штрихи к портрету историка на фоне эпохи.

Среди таких комплексов личного происхождения примечателен фонд профессора, д.и.н. Евгения Васильевича Кузнецова (1931–2023) – авторитетного ученого, на протяжении ряда лет по сути возглавлявшего историческую науку в нашем регионе. Будучи деканом историко-филологического факультета (истфила) Горьковского государственного университета (ГГУ) в 1971–1981 гг., Е.В. Кузнецов заведовал здесь кафедрами всеобщей истории в 1969–1976 гг. и истории СССР феодального и капиталистического периодов в 1976–1984 гг., а впоследствии был профессором в Горьковском и Арзамасском педагогических институтах. Поэтому Евгений Васильевич памятен нескольким поколениям выпускников этих вузов, что обусловило выпуск в свет юбилейных сборников воспоминаний. Тем более интересно сравнить образ ученого в этих изданиях с тем, каким предстает историк в документах архивного фонда личного происхождения.

Спешу сразу оговориться: я не был ни учеником, ни сотрудником Е.В.Кузнецова. Будучи студентом-филологом истфила ГГУ в 1979–1984 гг., то есть в период работы здесь Евгения Васильевича, я никогда не сдавал ему зачетов или экзаменов и не слушал учебных курсов, которые он вел (пара лекций – не в счет). Да и тематика научных работ профессора оставалась от меня далекой, если не считать истории доллардов в Англии на рубеже XIV–XV вв.: интересно было искать хотя бы отдельные черты сходства между этим движением и русскими вольнодумцами того же времени, составителями рукописных сборников поучений. Со своей стороны, Е.В. Кузнецов, в то время декан историко-филологического факультета, заведующий кафедрой, профессор и доктор исторических наук, то есть человек, облеченный административной властью и научным авторитетом, если и знал о моем существовании, то наверняка не выделял из общей массы студентов, хотя бы и отличников (таковых на истфиле всегда хватало). В итоге не приходится говорить о каком-либо знакомстве и общении, формальном и уж тем более неформальном. Ситуация не изменилась и впоследствии, с началом моей работы в архиве: несколько встреч

на совещаниях носили абсолютно служебный характер и не сопровождались беседами.

Но обширный личный фонд Е.В. Кузнецова, хранящийся в Центральном архиве Нижегородской области (ЦАНО. Ф. Р-1175; четыре описи, 402 единицы хранения. В дальнейшем номер фонда ЦАНО не оговаривается), позволяет попытаться наметить дополнительные штрихи к портрету историка. Важно еще раз подчеркнуть, что профессор сам сформировал этот фонд и подготовил его к сдаче. Последнее обстоятельство очень примечательно: гораздо чаще личные фонды ученых составлены после их смерти близкими людьми или передаются в архив безо всякой системы, россыпью (дескать, «вы там сами разберетесь»). Предварительный отбор документов, продуманность системы их расположения в фонде, постоянные контакты со специалистами архива свидетельствуют о заинтересованности Евгения Васильевича в сохранении своего документального наследия [1]. Похоже, профессору были известны слова Ираклия Андронникова: «Архив не только след вчерашнего дня, принадлежащего нашим предшественникам. Это мы сами в завтрашнем дне. Мы – какими увидят нас наши потомки».

Каким же смогут увидеть Евгения Васильевича Кузнецова грядущие поколения исследователей («потомки») по материалам его личного фонда? Коль скоро речь идет о титулованном ученом, то наибольший интерес, разумеется, представляют материалы научной деятельности по темам диссертаций – кандидатской и особенно докторской, защищенной в 1973 г. в Московском государственном педагогическом институте им. В.И. Ленина по теме «Движение лоллардов в Англии конца XIV–XV вв. (исследование по истории социальной борьбы в феодальной Англии)» [2]. Материалы эти, действительно, впечатляют даже архивиста, далекого от проблем истории средневековой Англии. Автореферат диссертации (Оп. 3. Д. 3), внешне совсем небольшая брошюрка на 37 страницах, написан в лучших традициях советской исторической школы. Здесь приведен внимательный разбор истории изучения вопроса и показано столкновение мнений английских ученых; проанализированы источники, в том числе ранее не привлекавшиеся к исследованию. Диссертант обосновал интересный вывод о трех этапах развития движения лоллардов, с конца XIV в. и до последней трети XV в. Все выводы Е.В. Кузнецова основаны на тщательно проработанном материале источников и предшествующих исследований: об этом свидетельствуют два с лишним десятка общих тетрадей, с выписками преимуще-

ственно на старом и современном английском языке (Оп. 3. Д. 8) [3]. Как и положено, основные выводы научной работы были апробированы в предшествовавших ей статьях, но материала с избытком хватило и на последующие публикации [4]. Поэтому закономерной представляется высокая оценка диссертации в положительных отзывах оппонентов и других ученых-медиевистов: В.И. Рутенбурга, М.А. Барга, А.А. Кирилловой, В.В. Штокмар (Оп. 1. Д. 33).

Немаловажным достоинством диссертации стал очень живой и доступный стиль изложения сложного средневекового материала. По этому поводу профессор Ю.Л. Бессмертный писал: «Завидую яркости Вашего пера» (Оп. 1. Д. 38. Л. 1). Присущую научным работам Е.В. Кузнецова живость и яркость стиля отмечал и авторитетный ученый-медиевист С.В. Фрязинов (Там же. Д. 41. Л. 1). Правда, наряду с этим ученые, состоявшие в переписке с Е.В. Кузнецовым, иногда отмечали некоторую нелогичность, недостаточное обоснование выводов: здесь примечательны, например, замечания В.В. Штокмар (Там же. Д. 43. Л. 1-2). В ответе официальным оппонентам Е.В. Кузнецов справедливо заметил, что средневековое народное богословие («может быть, лучше сказать, богоискательство») «слишком причудливо, чтобы его можно было втиснуть в рамки жестко детерминированной схемы» и сослался на свой опыт знакомства с состоянием сектантских общин на территории Горьковской области к началу 1970-х гг. (Там же. Л. 20).

На этом фоне несомненного успеха Е.В. Кузнецова как ученого-медиевиста непонятны причины его перехода с кафедры всеобщей истории, которой он заведовал в 1971–1976 гг., на кафедру истории СССР (заведующий в 1976–1984 гг.). Документы личного фонда никак не объясняют это решение, при том, что обычно Евгений Васильевич старался показать (прямо или косвенно) в передаваемых в архив материалах мотивы своих действий. Поэтому о причинах можно лишь догадываться. Обычно этот странный переход принято объяснять стремлением укрепить кафедру, призванную заниматься отечественной историей. Действительно, в научном смысле «отечественники» выглядели откровенно слабее медиевистов: уход ряда сотрудников отрицательно сказался на изучении истории России XIX в., о специалистах по русскому средневековью говорить не приходилось, а наиболее сильные историки, изучавшие советский период, работали либо на кафедре истории КПСС, либо вообще в других вузах, так что на долю студентов ГГУ оставался незабываемый Василий Иванович Ефимов, на лекции которого ходили как

на клоунаду в цирк (впоследствии он покинул университет и, кажется, был все-таки лишен ученых степеней и званий). Переходя в это «болото», Евгений Васильевич удалялся от сильных профессионалов, по большому счету не уступавших ему ни по уму, ни по знаниям. Чтобы оставаться авторитетом для коллег-медиевистов, надо было много и упорно работать, причем именно в научной сфере, где оценивать будут строго и нелюбезно. Как знать, быть может, это была одна из причин того предпочтения, которое профессор, уже получивший признание и занявший определенное положение, отдал развеселой и не слишком обремененной знаниями кафедре истории СССР?

Как бы то ни было, научный уровень работ Е.В. Кузнецова с конца 1970-х гг. приходится сопоставлять с публикациями его младших коллег – «отечественников», которых профессору предстояло «выводить в люди». В личном фонде сохранились два откровенно слабых автореферата диссертаций по русскому средневековью, преподнесенных в дар со словами признательности за помощь (Оп. 1. Д. 101, 103) [5]. Но какой разительный контраст между этими сочинениями – и трудами коллег-медиевистов 1960-начала 1970-х гг.! Уровень окружения не мог не повлиять на работы самого руководителя. Характерный пример – статья Е.В. Кузнецова по тематике русского средневековья, получившая название «К вопросу об исторических судьбах русских земель и княжеств после Батыева нашествия» (полный вариант, в черновом виде, см.: Оп. 3. Д. 13; опубликована с сокращениями в 1986 г. в научном сборнике ГГУ). Материал этот едва ли можно назвать статьей или исследованием: по жанру это скорее просветительский очерк, не имевший серьезного научного значения даже в период его написания. Увы, вскоре и сама средневековая тематика уходит из сферы научных интересов Е.В. Кузнецова, уступая место откровенной публицистике.

Порой диву даешься, сколько времени серьезный ученый-историк мог потратить на «методические рекомендации для преподавателей курса истории СССР», написанные в 1984 г. в соавторстве! [6]. Нелепым выглядит и само заглавие всей этой объемистой публицистики: «Коммунистическая партия Украины – организатор разгрома махновщины» (Оп. 2. Д. 9). Ясно и понятно, что разгром махновщины – заслуга воинских соединений под общим командованием М.В. Фрунзе, а подрыв социальной базы повстанчества – результат начала НЭП, вводившейся из Москвы. Так при чем же тут Компартия Украины?!.. Сейчас подобные сочинения профессиональных

историков принято объяснять давлением «тоталитарного режима», но в ответ так и хочется спросить: уж не К.У. Черненко ли «давил», или, может, это Брежнев с Сусловым запрещали заниматься медиэвистикой?

Судя по сохранившейся переписке, Е.В. Кузнецов интересовался судьбой своих дипломников, призывая их «не исчерзывать на два года». И бывшие студенты выражали готовность продолжать научную работу под руководством уважаемого профессора. Увы, упоминаемые в письмах 1980-х гг. темы далеки от исторических исследований и скорее подошли бы политологам и пропагандистам: «Религия и современный мир капитала», «Религия на службе милитаризма» (см., например: Оп. 2. Д. 30). Евгений Васильевич, с его умом и профессиональной подготовкой, не мог не понимать, что выбор темы бывшими выпускниками порой продиктован соображениями, далекими от науки. Но готов ли был ученый примирительно отнестись к такому?

Переписка свидетельствует, что порой принципиальность историка брала верх над сиюминутными соображениями. Примечательно согласие Е.В. Кузнецова с критическими замечаниями доцента ГГУ к.и.н. Т.В. Гусевой, высказанными в 1985 г. по поводу направленных ей на отзыв статей горьковских краеведов (Оп. 3. Д. 92). Т.В. Гусева писала: «Присланные статьи чрезвычайно слабы. Самый большой недостаток – их описательность, отсутствие исторического анализа». Евгений Васильевич отметил некоторые фрагменты записки и внизу написал: «Ответить, что все правильно!» – и дважды подчеркнул последнее слово.

Полемическая страстность Е.В. Кузнецова наиболее ярко проявилась в отрицательном отзыве на докторскую диссертацию О.А. Колобова (Оп. 3. Д. 50, не ранее 1986 г.). В отзыве звучат нелицеприятные выражения: например, применение индукционного метода исследования названо «методическим архаизмом диссертанта», и далее следует гневное: «Использовать сейчас индукционный метод при анализе сложнейших процессов в международной политике, это все равно, что, взгромоздившись на донкихотовского Росинанта, выдвигать претензии на победу в автоталли поперек австралийского континента» (там же, л. 1). В целом же, по мнению Е.В. Кузнецова, диссертант склонен подменять классовый анализ национальным (Л. 9). Впрочем, тема диссертации («Механизм формирования политики США по отношению к Израилю и арабским странам») слишком далека от английского средневековья, и по материалам личного фонда невозможно судить, насколько

ко глубоко Е.В. Кузнецов разбирался в данной проблематике. Поэтому нельзя исключить, что к научному неприятию методики диссертанта примешивалось что-то личное, лежащее за пределами науки.

И уж откровенно вне исторической науки лежит общественная деятельность Е.В. Кузнецова. С присущей ему страстностью профессор пытался организовать работу регионального «добровольно-патриотического общества «Отчизна»» (насколько можно понять, это общественная организация по типу пресловутого общества «Память»). Один из наиболее ярких документов – послание А.И. Солженицыну, вызванное публицистическим эссе последнего «Как нам обустроить Россию?» (Оп. 4. Д. 55, вскоре после сентября 1990 г.). Конечно, спустя три с лишним десятилетия это послание выглядит наивным. Коробит восторженно-раболепный тон некоторых фрагментов: «С волнением и где-то со слезами прочитали...», «Нижегородское добровольно-патриотическое общество «Отчизна» молит Бога о Вашем здоровье и долголетии». А если учесть, что Е.В. Кузнецов долгие годы был членом КПСС, то не могут не удивлять и пассажи о «разжиревшей на труде русских рабочих «партийно-теневых» мафиози и оберегающих институтов», «воссоздание государства русского народа России, во главе с освященным историей и Христовой религией Предводителем» (там же, л. 1-2, орфография оригинала сохранена). Впрочем, на рубеже 1980-90-х гг. и не такое звучало из уст бывших коммунистов. Но как-то не вяжется все это с обликом серьезного, вдумчивого ученого-историка 1960-1970-х гг.

Материалы личного фонда Е.В. Кузнецова не дают возможности проследить развитие и изменение его политических взглядов и общественных симпатий на протяжении долгой жизни ученого. Нередко попадает критика «идейных позиций диссидентов шестидесятых годов» и обличение «идей, противоречащих азам марксизма-ленинизма» (Оп. 3. Д. 85. Л. 4). Наряду с этим встречаются, например, беглые упоминания В.Н. Емельянова: его «справка» именуется «официально непризнанным, но... блестяще написанным сочинением», хотя оговорено, что «Емельянов доводил критику сионизма до крайних пределов» (Оп. 3. Д. 50. Л. 9) [7]. Понятно, что взгляды Е.В. Кузнецова и даже, вероятно, его мировоззрение менялись, ибо сильно менялся окружающий мир. Но как и под влиянием каких внешних факторов происходили эти изменения, можно лишь догадываться.

Так каким же в итоге предстает в архивных документах Евгений Васильевич Кузнецов – ученый-историк и человек?

Если коротко, то личностью яркой и противоречивой. Трудно отделаться от мысли, что человек науки неведомо зачем ушел в область сначала неглубокого «культпросвета», а затем и просто политизированной публицистики, внутренне соглашаясь на понижение научного уровня – прежде всего, своего собственного.

Разумеется, архивные источники не исчерпываются личным фондом Е.В. Кузнецова. Управленческие и финансовые документы университета и факультета способны достоверно показать административную деятельность декана, а протоколы заседаний партийных комиссий – приоткрыть завесу над личной жизнью профессора. Но стоит ли такая овчинка выделки? Ведь для ученого главный критерий оценки – научные исследования. Пройдут десятилетия, забудутся личные счета и расчеты восторженных почитателей и непримиримых противников, уйдут в небытие лироэпические сказания о метресах и попойках, но останется главный вопрос: можно ли считать Е.В. Кузнецова выдающимся ученым, то есть первооткрывателем перспективных направлений в науке и основателем исторических школ?

Спору нет, среди тех, кто работал под его руководством или учился при нем на истфиле, немало самобытных исследователей, но открыла ли выпестованная им в 1980-е гг. профессура новые горизонты научных исследований общероссийского уровня – такие, чтоб не стыдно было?

Судить об этом, разумеется, не нам, архивистам. Архивисты вообще не судьи, а всего лишь добросовестные хранители тех документов, которые сданы в архив. И если работы историка выдержали проверку временем, а его выводы востребованы в новейших исследованиях, то неизбежен интерес к личности ученого, к процессу зарождения и развития его научных взглядов. В этом случае архивные документы позволят удовлетворить этот интерес, высветить личность в науке, как это произошло с С.И. Архангельским, Н.П. Соколовым, В.Т. Илларионовым, Н.И. Приваловой, а сейчас происходит с Н.Г. Бережковым. Если же публикации останутся лишь в качестве уточняющего факта для узкого круга специалистов, то и личность автора едва ли вызовет интерес историографов. И тогда от кумира былых времен останется лишь черточка между двумя датами или, в лучшем случае, сноска в академической монографии или справочнике. Архивный же фонд личного происхождения обречен оставаться невостребованным, но мы будем продолжать бережно хранить его со слабой надеждой, что авось когда-нибудь он станет интересен – Бог весть, кому и зачем.

Примечания

1. Примечательно, что Е.В. Кузнецов сформировал и передал в архивы Нижегородской области не один фонд своих личных документов, как это делают обычно ученые, а три фонда. Основной фонд хранится в ЦАНО; еще один – в Государственном общественно-политическом архиве Нижегородской области (ГОПАНО. Ф. Р-7866; пять описей, 591 ед. хр. за 1904–2023 гг., преимущественно об общественной деятельности), а третий фонд – в Государственном архиве Нижегородской области, находящемся в Арзамасе (ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-3309. Оп. 1. 44 ед.хр. за 1955-2007 гг.; передан по договору дарения в 2011 г.).

2. Копия диссертации хранится в ГАНО, г. Арзамас: Ф. Р-3309. Оп. 1. Д. 10. По тексту есть пометы неустановленного лица.

3. Кроме того, черновые материалы к диссертации (многочисленные выписки и хронологические таблицы) отложились в ГАНО, г. Арзамас: Ф. Р-3309. Оп. 1. Д. 25, 26, 27.

4. См., например, статью 2001 г. «Виклифизм и нонконформизм: веселый лоллард Рэммесбери» (ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-3309. Оп. 1. Д. 21. См. также другие публикации по медиевистике последующих лет: там же, дд. 16-18).

5. Пользуясь случаем, уместно обратить внимание на одно существенное разночтение. В справочной литературе указывалось, что Н.Ф. Филатов защитил кандидатскую диссертацию в Горьковском государственном университете в 1979 г., с присвоением степени «кандидат архитектуры» (см., например: Чернобаев А.А. Историки России конца XIX – начала XXI века. Биобиблиографический словарь. Том 3. М., 2017. С. 351). В действительности автореферат был представлен Н.Ф. Филатовым на соискание ученой степени кандидата исторических наук (Оп. 1. Д. 100), что и логично, так как в ГГУ не было диссертационного совета по архитектуре.

6. Соавтором Е.В. Кузнецова в этой работе был профессиональный журналист и преподаватель культпросветучилища из г. Мелитополя З.Г. Дубровский. См. также их переписку (Оп. 2. Д. 21; Оп. 3. Д. 86).

7. В личном фонде Е.В. Кузнецова нет документов, подтверждающих, что он как декан был инициатором приглашения В.Н. Емельянова и Е.С. Евсеева для чтения лекций студентам историко-филологического факультета. Но сама практика приглашения иногородних лекторов получила при Евгении Васильевиче широкое распространение. В частности, автор этих строк в конце 1979 г. прослушал двухнедельный курс по методике полевой археологии, прочитанный ученым-историком из МГУ И.В. Поздеевой. Группу студентов, добровольно записавшихся на этот курс, распоряжением декана освободили на это время от всех других занятий. Непревзойденный профессионализм Ирины Васильевны Поздеевой,

высочайший уровень ее лекций стали важным этапом в выборе моей дальнейшей специализации.

А.Г. Радьков

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ, СУЩЕСТВОВАВШИХ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА, ПО НЕАРХИВНЫМ ИСТОЧНИКАМ*

На сегодняшний момент имеется проблематика при изучении государственных и общественных организаций, функционировавших в начале XX века на территории Нижегородской губернии. Для примера приведём такие государственные организации, как Нижегородское сыскное отделение при городском управлении полиции, Нижегородский Всеобуч, а также общественную организацию Военно-спортивный комитет.

Начнём с Нижегородского Военно-спортивного комитета, создан комитет по примеру таких же комитетов, появившихся в разное время в городах Российской империи для подготовки главным образом гимназистов и студентов для службы в армии в период Первой мировой войны.

К сожалению документов, отражающих его образования, работу и финансирования на данный момент в нижегородских архивах найти не удалось.

Но достаточно полная информация по данной организации присутствует в нижегородской периодической печати, представленной двумя ежедневными газетами: «Волгарь» и «Нижегородский Листок». В результате изучения газетных публикаций, отображающих целый пласт информации о данной организации, удалось установить руководящий состав комитета, и спортивные клубы Нижнего Новгорода, вошедшие в данную организацию, места дислокации спортивных залов и площадок, также видов спорта, которые курсанты комитета изучали в летнее и зимнее время. Благодаря газетным публикациям известны учебные заведения, чьи учащиеся проходили обучения в военно-спортивном комитете и их количество. Отображены источники финансирования данной организации. К сожалению данные комитеты в Российской империи финансировались добровольным путём и поскольку Нижегородская буржуазия, наживавшая на войне огромные барыши спонсировать столь нужную организацию не пожелала, в на-

* Тезисы публикуются в авторской редакции (в порядке обсуждения). – *Прим. ред.*

чале 1917 года военно-спортивный комитет прекратил своё существование. Фактически, только благодаря периодической печати удалось полностью проследить создание, формирование, развитие, функционирование и закрытие данной организации в Нижнем Новгороде и губернии.

Если перейти к изучению государственной организации периода гражданской войны Всеобуч в Нижегородской губернии, то документов, находящихся в Нижегородских архивах будет очень мало и все они в основном находятся в ГОПАНО. В фонде № 1 нижегородского губернского комитета ВКП(б) можно найти отдельные решения местных партийных органов в отношении работы и организации системы допризывной подготовки Всеобуч, но поиск в данном фонде затруднён, так, как в учётных карточках есть ошибки и эта организация фигурирует под другими названиями. Так же в ГОПАНО имеется фонд 4615 относящейся к нижегородским губернским частям особого назначения, где массив информации гораздо больше, но материалы там касаются только того периода времени, когда части особого назначения входили в состав Всеобуча и к сожалению, касаются главным образом подготовки самих частей особого назначения, а не изучаемой структуры организации и её деятельности в целом.

Для создание более полной картины создание и работы Нижегородского всеобуча в годы Гражданской войны основную часть материала приходится черпать из публикаций газеты «Нижегородская Коммуна» за исследуемый период. Так в одной из статей выше приведённой газеты, посвящённой очередной годовщине созданий Всеобуча были обнаружены серьёзные проблемы функционирования организации в первые месяцы её создания в Нижнем Новгороде. Так же благодаря газетным публикациям удалось установить руководящий состав, хотя иногда без инициалов, а только пофамильно. Так же газетные публикации и объявления приводят места дислокации подразделений Всеобуча и спортивных объединений Нижнего Новгорода в него вошедших, включая союз нижегородских Бойскаутов. Можно проследить этапы развития Всеобуча, расширения его базы, возраста призывников в ряды РККА подлежащих обязательному военному обучению, места проведения занятий с ними. Ярko отображаются общественные мероприятия, проводимые сотрудниками и курсантами Всеобуча, а также проводимые субботники и воскресники по помощи в разгрузке грузов в речных портах в черте Нижнего Новгорода и Сормова. Из представленной информации можно понять, что Нижегородский Всеобуч на пути своего станов-

ления вобрал в себя все спортивные организации Нижнего Новгорода и стал активно готовить инструкторов для своей работы активно продвигая нарративы: «Спорт в массы», делая это в тяжелых условиях Гражданской войны и разрухи. Ведение военной дисциплины и ответственности за её нарушение среди курсантов Всеобуча позволило охватить и привлечь к занятиям большую часть подлежащих призыву возрастов. Для развития спортивной жизни Нижнего Новгорода в период восстановления страны после Гражданской войны были сохранены ценнейшие кадры. Видно изменившееся отношение государства и новой власти к развитию спорта, в отличие от военно-спортивных комитетов, Всеобуч был полностью на государственном финансировании, активно занимался не только военной подготовкой граждан, подлежащих призыву, но и активно прививал любовь к спорту всем слоям населения.

Что касается изучения деятельности Нижегородского уголовно-сысского отделения при городском управлении полиции, то в ЦАНО имеется фонд сысского отделения нижегородского полицейского управления № 1865, а также в фондах № 5, 105 и 342 касающихся работы городской полиции и документооборота нижегородского губернского правления. К сожалению, имеющиеся в перечисленных выше фондах архива документы, касаются главным образом финансирования этого отдела, имеются списки личного состава и негласной агентуры, реже попадаются отдельные рапорты, а также личные дела сотрудников.

Для получения информации о методах работы сысского отделения, выявления всех руководителей данной структуры документов оказалось недостаточно. На помощь, как всегда пришла нижегородская периодическая пресса, представленная газетами: «Волгарь», «Нижегородский Листок», «Нижегородская Почта» и «Нижегородские губернские ведомости». Благодаря газетным публикациям удалось выяснить аспекты работы нижегородской сысской полиции, полностью установить в хронологическом порядке всех заведующих сысским отделом, даже тех, кто исполнял временные обязанности на короткий срок. В ярких газетных заметках имеется информация о руководителях сыска, раскрывающие их деятельность на данном посту и личные достижения в розыскальной работе, благодаря чему можно сформировать определенную характеристику каждому из них. Большим плюсом является то, что судебные заседания в газетах публиковались в большом объеме, иногда очень подробно описывая методы работы нижегородских сыщиков, включая главную роль негласной агенту-

ры. Кроме того, газетные публикации начала века позволяют восстановить память о незаслуженно забытых героях – агентах уголовного сыска, подчас рисковавших своей жизнью в борьбе с преступностью. Также, материал газетных заметок позволяет сделать анализ наиболее часто применяемых видов преступлений в Нижнем Новгороде и ознакомить исследователя с некоторыми одиозными фигурами из преступного мира нашего города и заезжих криминальных гастролёров, приезжавших главным образом в наш город в период работы Нижегородской ярмарки, с которым и боролось сыскное отделение.

Как показывает процесс изучения государственных и общественных организаций нижегородской губернии начала XX века, не архивные источники могут представлять из себя кладёз полезной информации, проливающей свет на деятельность изучаемых структур, а иногда и просто являются единственным источником, дающим нам представление об их деятельности.

П.В. Чеченков

ПЕРВЫЕ ВЛАДЕЛЬЦЫ КСТОВА ДВОРЯНЕ СОЛОВЦОВЫ В КОНТЕКСТЕ КРАЕВЕДЧЕСКИХ БАТАЛИЙ

Вопросы, связанные с появлением различных поселений, всегда занимали видное место в исторических исследованиях. Это и не удивительно, от решения этих вопросов зависит понимание многих глобальных процессов, таких как колонизация, освоение территории, миграции населения, противостояния этнических групп, народов и государств, экономическое развитие и прочее. История многих населённых пунктов уходит своими корнями в седую древность, которая плохо освещена письменными историческим источниками, поскольку таковые либо плохо сохранились, либо отсутствуют вовсе. Археологическая наука тоже не всегда может помочь в силу того, что все и везде археологи раскопать не могут. Поэтому вопросы основания различных поселений часто становятся предметом дискуссий в научном мире. В ещё большей степени они будоражат умы самих жителей этих поселений.

Постсоветские десятилетия ознаменовались в нашей стране обвалом инициатив по корректировке «дат основания» различных населённых пунктов. В большинстве случаев они исходили с мест от краеведческой общественности и направлены были на удревление официальной истории своей малой родины. Данный прорыв связан с тем, что существовавшая в

Советском Союзе система цензуры, возглавляемая Главлитом, стремилась искоренить в печати не только идеологически вредные мысли, но и безграмотность, дилетантизм, мракобесие. Жесткий отпор получали антинаучные построения. Либерализация печатного рынка, а затем и появление сети Интернет, с ее невиданными ранее возможностями, создали совершенно новую ситуацию, когда автором рассуждений на исторические темы, имеющими выход на значительную аудиторию, смог стать практически любой. Если раньше для того, чтобы ставить на повестку дня вопросы пересмотра дат основания, нужно было хотя бы иметь профильное образование, то теперь не нужно ничего.

Краеведение, как форма общественной работы, крайне неоднородно. Невозможно переоценить его просветительское значение, возможности формирования региональной идентичности, навыков социального взаимодействия, самоорганизации, воспитания подлинного патриотизма. Вместе с тем, переход от изучения исторической литературы к построению собственных выводов не всегда происходит безболезненно. Историческая наука – это не натягивание совы исторических данных на глобус собственных желаний, а, прежде всего, работа с историческими источниками, то есть остатками прошлого, дошедшими до наших дней, а также стремление к истине, какой бы она не была. Выявление, обработка и интерпретация исторических источников требуют определенной подготовки, а также знания истории в широком смысле. Краевед, в силу естественных причин, испытывает эмоциональную привязанность к объекту своего изучения, но это часто и лишает его объективности. Научный подход требует отстраненности от объекта изучения, а краевед из самых лучших и искренних побуждений стремится выловить все самое славное, позитивное, героическое о родной местности. При этом о критике источников информации забывают или намеренно не вспоминают. Распространение сомнительных построений прикрывается доводами в духе «есть мнение, мы не должны его замалчивать». Но мнение мнению рознь! Есть мнения, что Земля плоская, а деление восьми на два дает в одном случае три, а в другом – ноль. Никому не запрещено так думать и публично утверждать. Однако ставить эти утверждения в один ряд с серьезными научными гипотезами, а тем более установленными фактами, абсолютно непродуктивно.

Когда речь заходит о точке отсчета истории того или иного населенного пункта, ключевым является вопрос о дате его первого упоминания в достоверных письменных источниках.

Здесь не помогает часто встречающаяся апелляция к археологии: если бы пришли археологи, то они бы все раскопали и установили точное время возникновения. Во-первых, все раскопать невозможно. Во-вторых, под слоем почвы вопросов таится еще больше, чем ответов. Далеко не всегда археологические материалы (так же как и материалы письменных источников) дают однозначное понимание. В-третьих, в большинстве случаев археология оперирует большими периодами, часто столетиями, а определение точной даты возникновения поселения только по археологическим данным возможно крайне редко. Поэтому выявление первых упоминаний поселения в письменных источниках является первостепенной задачей. Часто первое упоминание не совпадает с датой основания, то есть поселение упоминается как уже существующее. Тем не менее, такую дату условно принято считать датой рождения поселения.

Показателен случай Москвы. Она впервые упоминается в Ипатьевской летописи под 1147 годом в связи со встречей князей Юрия Владимировича Долгорукова и Святослава Ольговича. Ясно, что к этому моменту она уже существовала какое-то время. Данные археологии свидетельствуют о возникновении укрепленного поселения на месте Москвы, то есть «города» на языке того времени, на рубеже XI – XII веков, а вещевой материал указывает на еще более раннее заселение. Однако всем известно, что возраст Москвы отсчитывают от 1147 года.

Своя история и свои баталии о дате основания есть у самых разных населенных пунктов. Показательным можно считать случай города районного значения Кстово Нижегородской области. Поселение, расположенное в ближайшей округе областного центра, городом считается с 1957 года и является одним из самых молодых городов области. Характерным примером краеведческих публикаций являются выступления в печати кандидата юридических наук В. Павлова. Так, заметку под названием «Когда появилось Кстово?» он начинает с обычного в таких случаях утверждения о множественности версий времени возникновения, не перечисляя их, не разбирая аргументы. Затем следует несистематизированный набор положений из работ нижегородских историков разного времени и характера. Цель их показать, что в период существования Нижегородского княжества, в середине – второй половине XIV века, шло активное освоение междуречья Волги, Оки и Кудьмы. Затем идут примеры разной степени убедительности, опять же из исторической литературы, появления в XIV веке тех или иных населенных пунктов более-менее близко расположенных к Кстово. Заключительный вывод не радует оригинальностью:

«скорее всего, и Кстово в XIV веке появилось в середине этого столетия» [1]. Таким образом, анализ исторических источников отсутствует, есть только манипулирование сведениями литературы. Как они получены, это интереса у автора не вызывает.

Не зная историографии русского средневековья, В. Павлов не догадывается, что история Нижегородского княжества изучалась не только в Нижнем Новгороде. Границы княжества на основе письменных источников в общих чертах были обрисованы видным отечественным специалистом в данной области, представителем академической науки В.А. Кучкиным в его работах 1970-80-х годов, прежде всего, в ставшей классической, монографии «Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв.». В учебных и популярных работах Н.Ф. Филатова и Ф.А. Селезнева, известных Павлову, мы, скорее всего, имеем дело с пересказом выводов В.А. Кучкина. Согласно приведенным им данным, уже к началу XIV века нижегородские земли вниз по течению Волги достигали реки Сундовика, а в 60-70-х годах граница дошла до Суры на востоке и верхнего течения Пьяны на юго-востоке [2]. Позднейшие археологические исследования не противоречат этим выводам. Таким образом, то, что местность, в которой расположено Кстово, в XIV веке входила в зону освоения русским населением, сомнений не вызывает. Но подтверждает ли этот факт точку зрения В. Павлова? Разумеется, нет. Не специализируясь в области юриспруденции, нам, тем не менее, сложно представить, что будущих юристов учат ставить знак равенства между преступлением, которое могло совершиться, и совершившимся преступлением. Так же и в истории: могло появиться – не значит появилось!

Более благоприятное впечатление оставляют публикации М.Л. Колганова. Хотя им присущи некоторые погрешности. Так автору осталось неизвестно, что датировка духовной грамоты Дмитрия Сиротина, упоминание которой в позднейшем источнике он изучает, была скорректирована Н.В. Соколовой. В 1995 году, когда она ввела в оборот новые источники, связанные с Нижегородским Печерским монастырем, ей была предложена датировка – 1433-1444 гг. Однако позднее, под влиянием работ А.А. Горского, Д.И. Иванова, Б.М. Пудалова и нашей, исследовательница отнесла появление документа к первой трети XV в. [3]. Кроме того, некорректно называть изучаемый М.Л. Колгановым текст «оригинальной духовной грамотой Дмитрия Сиротина, которая написана типичной скорописью XVII века». Ясно, что оригинал XV века не может быть написан скорописью XVII века. Речь идет не об оригинале и даже не о

копии, а об упоминании несохранившегося акта в описи документов Печерского монастыря конца XVII – начала XVIII века из фондов Центрального архива Нижегородской области.

Высказанные замечания, однако, не умоляют серьезных заслуг автора. Он критически разобрал тезис, приобретший широкую известность благодаря большим тиражам научно-популярных работ Л.Л. Трубе – специалиста по географии Горьковской области. Суть тезиса в том, что Кстово упоминается с XIV века под названием деревни Кстоской [4]. Во-первых, хотя Трубе не давал ссылок, М.Л. Колганов смог найти в источниках то упоминание деревни Котовской, с которого все началось. Оно находится в отмеченном выше изложении грамоты Дмитрия Сиротина. Во-вторых, исследователь обратился к самой архивной рукописи, провел палеографический анализ и установил: в монастырской описи интересное слово «Котовская» написано так, что легко может быть прочитано неправильно – как «Кстовская» или «Кстоская» (второе чтение получается в том случае, если не обратить внимание на выносную букву «в» над строкой). В-третьих, используя другие источники, в том числе картографические, он выяснил судьбу деревни Котовской. Оказалось, что это современная деревня Жуковка Борского городского округа. В-четвертых, им (или его соавтором) были проведены и историографические изыскания причин появления неверного мнения. Ведь всегда полезно понять генезис ошибочной версии. Ясно, что не Трубе был ее автором, поскольку он был географом, и собственные историко-архивные исследования вряд ли проводил. Автором мог быть только тот, кто имел доступ к рукописи, имевшей особенности написания, которые выявил М.Л. Колганов. Оказалось, что автором является протоиерей С.А. Добротворский, выпустивший в 1850 году книгу «Описание Нижегородского Печерского первоклассного мужского монастыря» [5]. Можно только поздравить М.Л. Колганова с завершением кропотливого расследования загадочного вопроса.

В результате мы можем отвести краугольный камень гипотезы об упоминании Кстова в XIV веке. В действительности же первое известное на сегодняшний день упоминание относится к 1587/88 сентябрьскому году, т.е. к периоду с 1 сентября 1587 по 31 августа 1588 года. Оно содержится в выписи конца XVI века с недошедших дозорных книг Василия Борисова и подьячего Третьяка Аврамова, которые были составлены в 1587/88 г. Это упоминание было известно еще Н.Ф. Филатову, чья заметка середины 90-х годов XX века в кстовской газете на долгие годы стала чуть ли не главным светочем исторической истины для кстовчан.

Поскольку в ней отзвуки знакомства с реальными историческими источниками неотделимо переплелись с авторскими интерпретациями и произвольным домысливанием, а научный аппарат, в силу специфики газетной заметки, отсутствует, придется привести обширную цитату из этой работы: «...сохранившиеся в разных архивах страны акты сообщают [6], что после удачного похода на Казань 1552 года Иван IV... пожаловал одному из его активных участников Ивану Соловцову – за ратные подвиги в Березопольском стане Нижегородского уезда в поместье... из государственных земель 150 четей. Правда, всей земли тогда не примерили, и писец Василий Борисов спустя много лет, в 1588 году, был вынужден констатировать, что Соловцов имеет “в сельце Кстове Поляне 125 четей и недошло ему... против Государевы грамоты 25 четвертей”. Можно полагать, что к этому времени относится и основание русского поселения на старом мордовском селище, называемом по старинке Кстовой Поляной, что в переводе с мордовского языка означает ягодная поляна [7]... Соловцовы поставили в Кстовой Поляне свой двор, и она стала называться сельцом – селением, где имелась усадьба, но еще отсутствовал храм. В 1597 году Ивана Соловцова не стало... 30 августа 1589 года нижегородскому воеводе... был дан указ выделить жене Ивана Соловцова и его сестрам “на прожиток” половину его нижегородского поместья..., а другая часть была пожалована на правах поместного владения служилым дворянам – детям боярским – Федору и Степану Струковым. Но им достались лишь запустелая усадьба, два жилых крестьянских двора и 5 разоренных в годы черемисских войн мест, жители которых были вынуждены селиться в один двор (сразу 6 семей!). Возле была срублена всем миром и небольшая бревенная [так у автора – П. Ч.] церковь... В первые годы Смуты... поместье осталось за ними, ибо на государеву службу, в полк боярина Федора Ивановича Шереметева ушел подросток племянник Ивана Соловцова Мисюра... который, как и его дядя, верой-правдой служил... за это бывшая треть нижегородского поместья дяди и отданная служилым людям Степану и Федору Струковым была у них отобрана и возвращена Мисюре Соловцову. Правда, население сельца Кстовой Поляны в годы смуты заметно сократилось: в 1613 году в нем осталось лишь 5 дворов крестьянских... Два двора тогда оказались пустыми, а церковь вообще исчезла с лица земли... земли всего “...80 четей в поле, а в дву потому ж“...» [8]. Н.Ф. Филатов прав том, что первые страницы истории Кстова связаны с фамилией Соловцовых. Дальше начинаются нюансы.

Самые ранние сведения о Соловцовых на нижегородской земле получаем из сохранившегося комплекса указных грамот 1591 – 1610 годов в Нижний Новгород об отделе и размежевании поместных земель, восходящего к архиву Нижегородской приказной избы. Грамоты особенно ценны тем, что к большинству из них приложены выписи из недошедших дозорных книг, начиная с 1570 года. Частично эти документы были опубликованы Г.Н. Анпиловым в 1977 году. В 1999 году их подробное описание выпустил А.В. Антонов, который и подготовил к изданию полный текст, вышедший в 2015 году [9].

Первым нижегородским помещиком из Соловцовых был Яков Антонов сын, владевший в 1571/72 году деревней Черемисской (совр. с. Чермиска Лысковского муниципального округа). Однако пустить здесь корни ему было не суждено. В 1601 году о нем писали: в живых нет давно, а жены и детей не осталось [10]. Вероятно, тогда же и также не надолго появился в Нижегородском уезде «казанский жилец» (то есть прикомандированный к службе в казанских землях) Петр Михайлов сын Соловцов. В упомянутых книгах Василия Борисова 1587/88 года он фигурирует в качестве бывшего помещика пустоши Горюшкино [11]. Как показали наши исследования процессов формирования нижегородского дворянства, Соловцовы были здесь людьми новыми [12]. Выдающийся специалист по русской истории периода становления Российского государства С.Б. Веселовский (1876 – 1952 гг.) относил Соловцовых к захудавшей ветви старинной фамилии московского боярства Вельяминовых, которые были потомкам московских тысяцких Протасевичей. Современный исследователь С.В. Стрельников полагает, что они были выходцами из ростовских служилых людей [13].

Еще одним нижегородским Соловцовым был Юрий Семенов сын, который, согласно выписям с книг Василия Борисова в 1587/88 года, владел селом Кстова Поляна на реке Волге и долей села Работка (совр. Работки) [14]. К сожалению, степень его родства с Яковом Соловцовым установить пока не удалось. В тот момент в селе Кстова Поляна был храм Николы Чудотворца, двор приказчика, два двора крестьянских и двадцать мест дворовых. Общий размер закрепленных за селом пашенных земель – 125 четей в одном поле (при трехпольном севообороте) [15], из которых обрабатывалось только две (т. е. менее 3,5 га из более чем 200 га). К выписи с книг Василия Борисова сделана приписка о том, что в 1593/94 году поместье Юрия дано его сыну Ивану [16]. Причины запустения определены Н.Ф. Филатовым верно [17].

Юрий Семенов сын Соловцов известен и по другим источникам. Он фигурирует в Дворовой тетради, фиксирующий состав Государева двора и близких ему служилых людей из уездов. Документ был составлен в первой половине 1550-х гг. В разделе по Ростову там записан Юшко Семенов сын Соловцов [18]. Кроме того, известно, что он был участником знаменитого Полоцкого похода 1563 года во время Ливонской войны, который возглавлял сам Иван Грозный. В записной книге Полоцкого похода он упомянут как член государева полка в «податнях» (то есть в помощниках) у государевых пищалей [19]. Положение помощника при вооружении царского полка подтверждает статус Юрия как члена Государева двора, то есть объединения представителей привилегированной части служилого населения. Члены Государева двора составляли окружение царя, занимали все высшие и средние командные должности в войске и органах власти. В описании Василия Борисова обращает на себя внимание отсутствие двора помещика как в Кстове Поляне, так и в соответствующей доле села Работки. Это наводит на мысль, что Юрий в 1580-х годах не проживал в своих нижегородских владениях.

Передача поместья наследнику в 1593/94 году могла бы свидетельствовать об уходе из жизни Юрия в это время, поскольку по общему правилу такой переход происходил в случае смерти или тяжелой болезни, когда представитель старшего поколения уже не мог нести государеву службу. Однако, по-видимому, это не так. Любопытные обстоятельства выясняются их указной грамоты от 25 октября 1595 г. в Нижний Новгород по делу вдовы покойного Смирного Елизарова сына Взовского. Смирной Взовский и Алексей Волненицын владели долями пустоши Великий Враг (совр. село Великий Враг). Юрий Соловцов, отчество которого не указано, смог каким-то образом добиться передачи ему этих долей. В ответ последовал протест Смирного Взовского. Поместный приказ 22 июля 1595 г. дал распоряжение местным властям выяснить, владел ли Смирной своей частью. В случае положительного ответа, передать Юрию только долю Волненицына, который, по-видимому, умер к этому времени. После 1 сентября и до 25 октября 1595 г. в Поместный приказ поступила челобитная вдовы Смирного Акулины, в которой она просила пожаловать ее мужниным поместьем, поскольку того «Юрьи Соловцов убил до смерти» [20]. Учитывая территориальную близость Кстова и Великого Врага (их по прямой разделяет расстояние менее чем в полтора километра), вряд ли речь может идти о

каком-то другом Юрии Соловцове, а не о владельце Кстовой Поляны. Вероятно, к концу жизни он все-таки перебрался в Нижегородский уезд, если устраивал баталии с соседями, доходящими до убийства.

Сын Юрия Иван уже точно проживал в Кстове Поляне. Сохранились указная грамота от 15 октября 1597 года об отделе «казанским жильцам» Федору и Степану Струковым, по их челобитью, части поместья умершего Ивана, а также выпись с отдельных книг (документ, фиксирующий непосредственно отдел поместной земли) 1597/98 года. Из них следует, что в 1597 году Иван ушел из жизни. После него осталась бездетная жена Прасковья и две незамужние сестры Соломонида и Ульяна. За ними был оставлен двор помещиков, в котором жил Иван, 6 дворов крестьянских, двор бобыльский, место дворовое крестьянское, 75 четей земли в одном поле, из которых обрабатывалось 25,5. Струковы получили место дворовое помещиково, «а подле ево церковь», 9 дворов крестьянских, 3 места дворовых, 50 четей земли в одном поле, из которых обрабатывалось 37,5 [21].

В документации XVII века по поводу общего размера поместных владений Кстовой Поляны возникло разночтение и двойной счет. Указная грамота 1597 года, ссылаясь на челобитье Струковых, констатирует, что владение И.Ю. Соловцова равнялось 275 четям. На основании этого было сделано распоряжение отделить братьям по 100 четей. При этом в приложенной выписи про кстовское поместье И.Ю. Соловцова ясно написано: «пашни паханы две чети да перелогом и лесом поросли сто дватцать три чети в поле, а в дву по тому ж», то есть всего 125. Сознательно вводили Струковы Поместный приказ в заблуждение или на каком-то этапе производства по делу произошла описка, но подьячий Микифор Сверчков, оформивший указную грамоту и выпись, проявил халатность, не обратив внимания на расхождение в цифрах, а дьяк Иван Ефанов санкционировал плохо подготовленный документ. Выпись из отдельных книг сына боярского Григория Карпова 1597/98 года, приложенная к более позднему документу (о котором ниже) свидетельствует, что никаких 275 четей в Кстове не было, и в реальности Струковы (за вычетом вдовьей доли) смогли получить лишь 50 четвертей на двоих. С источниковедческой точки зрения это наблюдение важно как показатель недостаточной надежности сведений указных грамот о наделении поместьями. Проблема в том, что далеко не всегда в нашем распоряжении имеются такие выписи, с помощью которых можно проверить реальность исполнения распоряжений из Москвы.

Вернемся к заметке Н.Ф. Филатова. Во-первых, первым владельцем Кстова был не Иван, а его отец Юрий. Во-вторых, никаких сведений об их участии в Казанских походах нет. Возможно, упоминание «казанских жильцов» Струковых смутило историка городов и всей Нижегородского края (или текст был неразборчив, или просто наваяло). В-третьих, в указанных документах нет никаких сведений относительно недоданных 25 четей земли. Откуда взялась эта цифра, об этом ниже. В-четвертых, Никольский храм существовал уже в 1588 году, а не был построен в конце XVI века. В-пятых, Струковы получили 9 крестьянских дворов, а не два, и не было никакого нелепого проживания шести семей в одном дворе. Н.Ф. Филатов просто не разобрался в тексте документа. Вот цитата: «А от того помещикова двора к городу едучи на правой стороне от Волги реки Федоровы да Степановы крестьяне Струкова (в) Тренка Никонов, (в) Михалко Иванов Маленкой, (в) Игнашко Елизаров, (в) Дружинка Иванов, (в) Васка Федоров, (в) Кирилка Филофеев, (в) Трофимка Иванов да Тренка Иванов, а живут на одном дворе, (в) Новоселко Игнатъев, (в) Иванко Иванов на другой стороне улицы». В скорописном тексте буква «в» обведенная кружком, означает «во дворе». При печатном наборе этот знак передается как буква «в» в круглых скобках. Мы видим в цитате 9 соответствующих знаков, а словосочетание «живут на одном дворе» относится только к братьям Трофимке и Тренке Ивановым, а не ко всем предыдущим крестьянам.

С 1599 года как владелец Кстовой Поляны фигурирует выборный дворянин Мисюрь Головин (Иванов) сын Соловцов. Мисюрь (Пантелеймон) – яркая фигура своего времени. Как член нижегородской корпорации служилых людей и как деятель Смутного времени, он отмечен в наших работах и работах А.Ю. Кабанова [22]. Мисюрь в начале 1607 года участвовал на стороне царя Василия Шуйского в битве с болтниковцами под Серебряными прудами. Был письменным головой (командная должность в подчинении воеводы) в отряде князя И.В. Голицына, а потом рати Ф.И. Шереметева, успешно боровшихся с тушинцами в Поволжье. Участвовал в освобождении Юрьевца, Касимова и Владимира. В 1610 году доставлял в Москву казну из Троице-Сергиева монастыря, собранную в Сибири и Вологде. В 1611 году был назначен руководством Первого земского ополчения в Ядрин воеводой. Получал назначения и от Второго ополчения. Его подпись имеется на Утвержденной грамоте, оформившей избрание царя Михаила Романова Земским собором 1613 года. В 1614 году выполнил ответственное поручение нового правительства по доставке казны Соловецкого монастыря в Москву для выплаты жалования ратным лю-

дям. В 1615 – 1616 годах был воеводой Царицына, где руководил восстановлением города. Как позднее, в 1628 году, писал о Мисюре его сын Андрей, «в ызмене отец мой нигде не бывал и тушинскому, и колускому [калужскому – П. Ч.], и псковскому вору, и иным, которые назывались царевичи, креста им нигде не целовал» [23]. 13 ноября 1618 года во время смотра и раздачи жалования нижегородским дворянам и детям боярским, который проводил князь Б.М. Лыков, Мисюрь от службы был отставлен «за старость и увечья». Вместо него велено было служить единственному сыну Андрею, который «в службу поспел, а не служивал и не верстан». Смотр 30 января 1622 года подтвердил, что Мисюрь «стар и болен» [24]. По-видимому, вскоре он ушел из жизни.

О происхождении героя известно следующее. Дед Мисюря Федор Леонтьев сын в 1550-х годах представлял верхушку псковских помещиков, что зафиксировано в так называемой Тысячной книге. В 1540-е – 1550-е годы получал в кормления небольшие наместничества в Псковской земле: Велье, Гдов, Кобылье городище. Это городки, центры уездов не были особо доходны, а потому и не престижны для знати, но вполне подходили для провинциальной элиты. В книге раздачи денежного жалования выборным служилым людям разных городов 1556/57 года отмечено, что с ним на службу выходили двое сыновей: Иванко и Данилко [25]. Федор также, как и Юрий Семенович Соловцов, участвовал в Полоцком походе 1563 года и тоже в составе государева полка, в котором записан в дозорщиках (дозор – военный патруль, разъезд, аванпост). Мы не знаем степень их родства, и были ли они до этого знакомы, но, будучи однополчанами, несомненно, контактировали друг с другом. Мог быть знаком с Юрием и сын Федора, отец будущего обладателя юрьева поместья, Иван (второе имя или прозвище – Голова), который тоже упомянут среди участников похода как один из многих командиров среднего звена [26]. Позднее Иван был членом Земского собора 1566 года. Его имя фигурирует в приговорной грамоте об отказе литовским послам в перемирии. Городовая принадлежность в документе не указана, но других нижегородских фамилий в нем не находим. Присутствующий там же Кузьма Юрьев сын Соловцов был записан в Дворовой тетради по Ростову [27]. Опять возникает Ростов в связи с Соловцовыми. Возможно, сын Федора какое-то время был записан по Ростову и попал в число нижегородских помещиков вместе с другими ростовскими Соловцовыми в результате мероприятий по наделению землями в восточных уездах малопоместного и беспоместного дворян-

ства. Соответственно, Федор, а вслед за ним Иван, были представителями так называемого выборного дворянства – промежуточного слоя между Государевым двором и уездными корпорациями служилых людей.

К концу XVI века Иван Голова уже точно был нижегородским помещиком. Сохранилась его духовная грамота 1594/95 года, из которой известно о наличии у него нижегородского поместья и отсутствии каких-либо иных. В ней же упоминается, что у Мисюря к этому времени было свое поместье – деревня Молитовка. Последний получил ее недавно, поскольку завещатель разрешал ему после своего ухода из жизни временно жить в своем дворе, «покамест Мисюрь в своем поместье устроитца». Поскольку у старшего брата Якова своего поместья не было, и он мог рассчитывать только на отцовское наследство, приходим к выводу, что уже в молодом возрасте, в самом начале карьеры, Мисюрь смог отличиться по службе. Это наиболее вероятный путь получения собственного поместья молодым сыном боярским. Единственным крупным военным конфликтом, где незадолго до 1595 года мог он себя проявить, была Русско-шведская война 1590–1595 годов, закончившаяся возвращением Корелы с уездом, Яма, Ивангорода и Копорья, утраченных по итогам Ливонской войны. Косвенно эту мысль подтверждает текст самой духовной. В одном из разделов Иван Голова распределяет между наследниками иконы и зависимых людей (холопов). Из последних большинство – «новокрещены немецкого полону». Про некоторых отмечено, что «привел их Яков» или «тех людей привел Мисюрь» [28].

По мнению А.Ю. Кабанова «из текста духовной следует, что где-то в последней трети XVI в. Иван (Голова) Федорович Соловцов служил по выбору от Нижнего Новгорода» [29]. Нам представляется этот тезис сомнительным. Ровным счетом ничего определенного о службе в духовной не написано. Из нее ясно, что биография Головы начиналась в Псковских землях при отце, поскольку распоряжения завещателя открывают указания дать 25 рублей Георгиевскому храму «во Псковском уезде в Завелицкой засаде в Каменной губе» (именно к Завелицкой засаде и был приписан службой его отец). Там же на северо-западе он обзавелся супругой. Об этом свидетельствует указание на происхождение одного из холопов, передаваемых Мисюрю. В свое время его для внука прислала теща Прасковья из Новгорода. И это не Нижний Новгород, поскольку в остальных случаях название уездного центра дано полностью. Также ясно, что к середине 1590-х годов Голова успел закрепиться в Нижегородском уезде. Во-первых, он рачительный хозяин

своего благоустроенного поместья – села Шавы (совр. село Кстовского муниципального округа, около 15 км вниз по Волге от районного центра), детально знает его составляющие и доходы. Само по себе это ничего не доказывает, так как поместье в хорошем состоянии могло достаться от иных владельцев в недавнее время. Но Голова упоминает кабальные грамоты крестьян по ссудам хлебом и деньгами. Это свидетельствует о длительности их отношений. Во-вторых, он успел выдать дочь замуж за представителя одного из коренных местных родов – Владимира Савельевича Жедринского. В-третьих, его духовный отец – священник церкви Николы на Почайне в Нижнем Новгороде, одного из старейших храмов города. Похоронить Иван Голова завещал себя в главном храме региона – Спасском соборе Нижегородского кремля «направе у летницы». На помин души и для записи в синодик просит сделать вклад, кроме Спасского собора, также в Нижегородский Вознесенский Печерский монастырь. Таким образом, видна устойчивая связь с важнейшими местными духовными центрами.

И все же иметь поместье в уезде – не означает быть включенным в состав местной служилой корпорации. Ни в одном документе Голова не назван «нижегородцем». Сохранился текст жалованной кормленной грамоты ему на город Орлов на Вятке от января 1575 года. Претендовать на кормления могли члены Государева двора. Следовательно, в нижегородском служилом «городе» Соловцов мог занимать позицию не ниже выборного дворянина. Отсюда, по-видимому, и проистекает указанный вывод А.Ю. Кабанова. Однако в Нижнем Новгороде выделение этой группы происходило очень медленно. Оформилась она лишь к концу XVI века, впервые фиксируется боярским списком 1602–1603 гг., в котором Соловцовых еще нет. В более ранних списках, в частности 1577, 1588–1589, 1598–1599 гг., раздел по Нижнему Новгороду отсутствует [30]. Боярские списки фиксировали состав Государева двора, а члены уездных корпораций записывались в десятни. К сожалению, нижегородские десятни XVI века до нас не дошли. Однако известны так называемые «алфавиты» к десятням, составленные в XVIII веке. По ним можно восстановить порядок, в котором фамилии были записаны в подлинной десятне (имена и отчества остаются не известны, поскольку в алфавитах отсутствуют) [31]. В частности, по Нижнему Новгороду имеются алфавитные указатели к десятням 1581, 1591/92, 1596/97, 1597/98, 1599/1600 гг. «Верхушка» служилых людей заносилась на первые листы десятни. Анализ показывает, что в десятнях 1581, 1591/92, 1597/98 годов фамилия Соловцов отсутствовала. В

десяти 1596/97 года она была на последнем листе. Если это и был Голова, то в разделе отставленных от службы и умерших. Лишь в десяти 1599/1600 года интересующая нас фамилия присутствовала на листах 4 и 52. Без сомнения в упоминании на листе 4 речь должна идти уже о сыновьях Головы. Соответственно, он не числился выборным дворянином по Нижнему Новгороду. В качестве такового он мог быть первоначально записан по Пскову, позднее – по Ростову.

От А.Ю. Кабанова не укрылась примечательная деталь: в духовной грамоте Голова назначает одним из своих душеприказчиков двоюродного брата Михаила Богдановича Сабурова, который был в свойстве с Романовыми, в будущем дослужится до чина боярина. Поэтому можно смело утверждать, что нижегородское уездное служилое сообщество было для такого человека слишком мелко. Согласно сохранившимся боярским спискам в конце 1580-х – 1590-е годы М.Б. Сабуров числился в дворянах московских [32]. Возможно, и Иван Федорович Соловцов дослужился до этого чина, который был на одну ступеньку выше так называемого «выбора из городов». Данная страта не была закрыта для выходцев из выборного дворянства. А.Л. Станиславский отмечал в свое время: «Состав московских дворян до 1584 г. известен недостаточно хорошо. Наиболее ранний полный перечень представителей этого чина сохранилась в боярском списке 1588 – 1589 гг.» [33]. Но к этому времени Голова мог уже постепенно отходить от службы по возрасту.

Сыновья Ивана Головы Яков и, особенно, Мисюрь заняли ведущие позиции в нижегородской дворянской корпорации в начале XVII века, а после битвы под Серебряными Прудами, последний фактически ее и возглавил. Его взлет был стремительным. Еще в 1605/06 году он занимал пятую или седьмую позицию в иерархии нижегородской уездной корпорации дворян и детей боярских вслед за своим старшим братом Яковом. Поместный оклад его был тогда 500 четей. За год в два приема он вырос на гигантскую цифру в 200 четей. Некоторые нижегородцы тоже получили прибавку, но всего по 50 четей. В результате Мисюрь обошел и старшего брата, и мужа сестры Владимира Савина сына Жедринского, и единственного титулованного нижегородца князя Ивана Дмитриевича Болховского, и прежних лидеров Бориса Ивановича Доможирова и Василия Ивановича Онучина. Братья Головины Соловцовы являлись представителями нижегородских служилых людей по различным вопросам, что говорит не только о формальном, но фактическом лидерстве [34]. К 1614 году оклад Мисю-

ря вырос до 750 четей [35]. Однако к 1613 году реальное владение Мисюря не покрывало и половины от его внушительного оклада. Расхождение между поместным окладом, который отражал положение на социальной лестнице, и «дачей» было в то время уже обычным делом. Семейным гнездом Головиных Соловцовых оставалось село Шава. Хотя отец завещал свой двор старшему сыну Якову с младшими братьями Михаилом и Федосеем, сестрой Аксиньей, а Мисюрю – жить отдельно в своем поместье, тем не менее, у Мисюря и его сына сохранялась доля во владении Шавой. Там же, а не в Кстовой Поляне, находился его двор [36].

18 мая 1599 года Мисюрю была отделена треть от той доли в Кстовой Поляне, что досталась родственницам И.Ю. Соловцова: два двора крестьянских и 25 четей земли. Это был «жеребий» Ульяны, которая вышла замуж, но по неясной причине не передала его мужу, чье имя неизвестно: «а отдано Мисюре Соловцову по сыску тот девкин жеребий, а девка шла замуж, а тот жеребий не отдан никому» [37]. Помимо Кстовой Поляны за Мисюрем была упомянута деревня Молитовка (совр. микрорайон Нижнего Новгорода) и с 1597 года доля в селе Подвьязе (совр. село Богородского муниципального округа). В дальнейшем Мисюрь последовательно добивался перехода в свои руки и всех долей села Кстова Поляна. К нему перешли владения Струковых. Сначала один из братьев, Федор, умер, и Яков с Мисюрем били челом государю о передаче его доли. Здесь продолжилась неразбериха с размерами. В указной грамоте от 10 апреля 1610 года о наделении Головиных Соловцовых поместьем Федора Струкова констатируется: «нашего де жалованья за Федором было поместья в Нижнем Новгороде вопче з братом его Степаном Струковым двесте чети, на его половину сто чети, и то де его поместье порозжо». Но к грамоте была приложена упомянута выше выпись из отдельных книг 1597/98 года, из которой ясно следует, что за Федором было только 25 четей. Вероятно, в каких-то учетных документах сохранялась неверная цифра. По-видимому, лишь эти 25 четей и смог тогда получить Мисюрь.

Оставшаяся часть владения Струковых перешла «свияжским жильцам» Михаилу и Григорию Аксентевым детям Александровым, а те согласились «сдать», то есть добровольно уступить (вероятно, за вознаграждение) Мисюрю [38]. 21 апреля 1610 года последовала указная грамота об отделе ему поместья Александровых. При этом размер его определен как 25 четей, что точно соответствует половине действительного владения Струковых. Таким образом, никакого насильствен-

ного отъема государством владений Струковых в пользу Мисюря, как писал Н.Ф. Филатов, не было. Переход к Мисюрю Кстовой Поляны – результат его собственных активных действий. Остается неясным, как он заполучил вдовью долю. Возможно, за счет родства, но в какой степени родства он находился с Иваном Юрьевым сыном Соловцовым, неясно [39]. Построения на этот счет Н.Ф. Филатова не выдерживают критики. Не случайно в его заметке не упоминаются отчества Соловцовых. Мисюрь Иванович не мог приходиться племянником Ивану Юрьевичу, так как в этом случае дед первого и отец последнего – одно лицо. Но деда Мисюря звали Федор, а не Юрий.

В дозорной книге 1613 года за Мисюрем записано 80 четей в селе Кстова Поляна. Это не означает, что поместье сильно сократилось, а из села пропал храм (как посчитал Н.Ф. Филатов). Напомним, по отдельным книгам 1597/98 года все кстовское владение составляло 125 четей. Следующий по хронологии источник, после дозорной книги 1613 года, писцовая книга 1621 – 1623 гг. В ней владение уже полностью принадлежит сыну Мисюря Андрею и составляет 125 четей, а храм на месте, двор владельческий тоже здесь [40]. Следовательно, к 1613 году Мисюрь еще не являлся единственным владельцем, но дозорная книга не зафиксировала этот нюанс. Возможно, 45 оставшихся четей продолжали находиться за вдовой Прасковьей и девкой Соломонидой [41].

В писцовой книге излагается жалованная грамота от 28 сентября 1614 года Мисюрю о переводе 150 четей его владения из поместья в вотчину за верность престолу в Смуту. Далее следует уточнение, что по книгам Василя Борисова в Кстово только 125 четей, поэтому не «дошло ему [Мисюрю – П. Ч.] в вотчину против государева указу дватцать пять четвертей» [42]. Полное совпадение с цитатой Н.Ф. Филатова в начале его заметки, показывает, что и здесь произошла путаница. Данные, относящиеся к Мисюрю в 1614 году, ошибочно были приписаны Ивану Юрьевичу, жившему в 90-х годах XVI века. Все смешалось в доме Соловцовых глазами Н.Ф. Филатова!

Подведем основные итоги.

1. Случай Кстова довольно характерен с точки зрения путей формирования исторической памяти жителей нашей страны о ранней истории своих населенных пунктов. Первые опыты дореволюционных краеведов-любителей, содержащие неточности, ошибки, неверные интерпретации, домысливания, часто некритически принимались, казалось бы, более подготовленными советскими авторами. Думается, что

причинами стали грандиозные перемены в стране, вызванные революционными событиями. Произошла определенная утрата исследовательских традиций, перемена мест хранения некоторых архивных комплексов, перестройка всего общественного уклада. В результате, если дело не касалось идеологической составляющей, дореволюционные труды по краеведению стали считаться своеобразной кладовой фактического материала, из которой можно было черпать нужные данные, не заботясь о проверке. Негласный принцип был примерно такой: они там глубже нас сидели в материале, знали такие источники, которых мы не знаем, поэтому берем как есть. Далее, на сложившееся информационное поле, легла ситуация «разухабистых» перестроечных и постперестроечных лет, когда казалось, что можно всем и все, и даже уважаемые профессора на местах пускались в самые смелые и эклектичные построения. В результате теперь, когда вовлеченность в краеведческую деятельность возросла, а участие в ней деформализовано, пред участниками предстает крайне пестрая картина, в которой отделить зерна от плевел весьма затруднительно. С одной стороны, это дает возможность заинтересованным лицам (например, представителям администраций) брать из этой «кучи» то, что ярче блестит, что больше нравится, что выгоднее с определенных точек зрения. С другой, сложившаяся ситуация размывает представления об исследовательской культуре и профессиональном подходе к истории.

2. Первое достоверное упоминание Кстова под своим названием относится к периоду с 1 сентября 1587 по 31 августа 1588 года. К этому времени село уже существовало. Наличие 20 мест дворовых свидетельствует о том, что существовало поселение давно, как минимум с середины XVI века. Однако определить точнее дату возникновения на данном этапе невозможно.

3. Для отнесения момента возникновения Кстова к XIV веку в настоящий момент достаточных оснований нет.

4. Известная публикация Н.Ф. Филатова о ранней истории Кстова содержит множество неточностей. В частности неверно называет первого известного владельца.

5. Ранняя история Кстова связана с дворянской фамилией, представители которой появились в Нижегородском уезде не позднее начала 70-х годов XVI века. Они заняли ведущие позиции в среде местного служилого сообщества. Иван Федорович стал заметным нижегородским помещиком. Пантелеймон Иванович возглавил нижегородский служилый «город». Андрей Пантелеймонович входил в число богатейших членов

нижегородской дворянской корпорации. Его отец, первый из их семьи владелец Кстова, был одним из заметных и, что важно, положительных героев Смутного времени, внесших свой вклад в спасение Родины.

6. В плане изучения исторических процессов рубежа XVI–XVII веков любопытна довольно высокая мобильность светского землевладения и территориальной привязки службы, дробность и мелкость поместий за пределами центральных уездов. Встречающиеся случаи несоответствия параметров землевладения в делопроизводственной документации требуют к себе внимания и исследовательской осторожности.

Примечания

1. Маяк. Кстовская городская газета. 2024, 5 июля (№ 54). С. 9.
2. Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X – XIV вв. М.: Наука, 1984. С. 216-217, 227-228.
3. Соколова Н.В. Древнейшие акты Нижегородского Печерского монастыря // Проблемы происхождения и бытования памятников древнерусской письменности и литературы. Нижний Новгород, 1995. С. 52-68; она же. Еще раз о древнейших актах Нижегородского Печерского монастыря // Поволжье в средние века. Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 2001. С. 157-159.
4. Именно эта версия, например, отражена на сайте Администрации Кстовского муниципального округа: <https://kstovo.nobl.ru/district/>.
5. Колганов М.Л. О первом упоминании Кстова Нижегородской области в письменных источниках // Открытый текст. Электронное периодическое издание. 2023, 9 ноября. URL: <https://opentextnn.ru/history/istoricheskaja-geografija/o-upominanii-kstova/>; Закревская В.Г., Колганов М.Л. Как деревня Котовская стала Кстовской // Земляки. 2024. 27 июля (№ 28). С. 4.
6. Что за акты, в каких архивах – об этом исследователь умалчивает. К сожалению, такой флер таинственности очень часто сопутствует неуверенности в собственных выводах. Между тем, любые построения, претендующие на научность, должны оставлять возможность для проверки.
7. Какие у Н.Ф. Филатова были сведения о мордовском селище – совершенно неясно. Скорее всего, данный тезис, заимствованный у Л.Л. Трубе, основан лишь на интерпретации слова «кстова» как мордовского (Трубе Л. Как возникли географические названия Горьковской области. Горький: Горьк. кн. изд-во, 1962. С. 43, 123). Современные словари мордовских языков свидетельствуют, что ягода по-мордовски – имож или умарь. Хотя есть и похожее слово: ксты (кстый) – земляника. Прилагательное от него – кстынь. Кстынь ку-жа – земляничная поляна. Автор этой идеи, Л.Л. Трубе, все-таки выводил от «кста» созвучное ему «Кстоская» (которое, как теперь выяснилось, к делу не относится), а не «Кстова Поляна». Происхождение

«Кстова» от «кстынь» сомнительно. Между тем, с 2006 года земляника красуется на гербе города Кстова. Кроме того, обращает на себя внимание то, что все соседние поселения имеют в своих названиях русские корни: Великий Враг, Вишенки, Зеленцина, Караулова, Крутая, Липов Остров, Лобкова, Лукерьино, Малая Еленка, Опалиха, Сосновка, Столбищи, Фроловская, Черемисская (приведены по карте А.И. Менде середины XIX века). Это заставляет проверить русский вариант происхождения. В старорусском языке слова «крестины» и «крестить» звучали как «кстины» и «кстити». Соответственно, «кстова» могло означать «крестова». Но в чем был бы смысл названия Крестовая Поляна – не беремся судить. В любом случае, даже наличие мордовского корня в названии не означает, что русское поселение возникло на месте мордовского. Это могло быть просто название местности, урочища, позаимствованное пришедшими русскими у коренного населения. См.: Русско-мокшанско-эрзянский словарь / сост. В.И. Щанкина, А.М. Кочеваткин, С.А. Мишина. Саранск, 2011. С. 171, 259, 366; Мокшанско-русский словарь / Ин-т языка, литературы, истории и экономики при Совете министров – Правительстве Республики Мордовия. М.: Русский язык, Дигора, 1998. С. 204, 296; Эрзянско-русский словарь / НИИ языка, литературы, истории и экономики при Правительстве Мордовской ССР. М.: Русский язык, Дигора, 1993. С. 306; Словарь русского языка XI – XVII вв. / Ин-т русского языка АН СССР. М.: Наука, 1981. Вып. 8. С. 100.

8. Маяк. Кстовская городская газета. 1994, 28 июля (№ 86). С. 2.

9. *Анпилогов Г.Н.* Нижегородские документы XVI в. М.: Изд-во Московского ун-та, 1977; Антонов А.В. Нижегородские поместные акты конца XVI – начала XVII вв. // Русский дипломатарий (далее – РД). М.: Памятники исторической мысли, 1999. Вып. 5. С. 212-274; Материалы по истории Нижегородского края конца XVI – первой четверти XVII века / сост. А.В. Антонов, А.А. Бульчев, В.А. Кадик, С.В. Сироткин (далее – МИНК). М.: Древлехранилище, 2015. Ч. 1. С. 10-409.

10. МИНК. Ч. 1. С. 333-335 (№ 183, 183 а).

11. МИНК. Ч. 1. С. 46 (№ 21а).

12. *Чеченков П.В.* Формирование землевладения и фамильный состав нижегородской служилой корпорации первой половины – середины XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 1 (59). С. 60-75.

13. *Веселовский С.Б.* Исследование по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969. С. 216, 227; *Стрельников С.В.* Землевладение в Ростовском крае в XIV – первой трети XVII в. М.-СПб., 2009. С. 138.

14. Из публикации Г.Н. Анпилова было известно лишь о Ю.С. и И.Ю. Соловцовых, как владельцах Работок, а также о М. Соловцове, как владельце Кстовой Поляны с 1599 г. Все остальные материалы, интересующие нас в данной работе, впервые опубликованы А.В. Антоновым. Остается предполагать, что Н.Ф. Филатов работал с архивными документами Российского государственного архива древних актов.

15. Чуть более 2 кв. км.
16. МИНК. Ч. 1. С. 17-18 (№ 6, 6а), 187-188 (№ 105, 105а).
17. См. подробнее: *Чеченков П.В.* Между войной и кризисом: тенденции аграрного развития Нижегородского края в 60-70-х годах XVI в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2016 г. М., Уфа, 2016. С. 57-64.
18. Тысячная книга 1550 г. и дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. / подгот. А.А. Зимин. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 141.
19. *Баранов К.В.* Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года // РД. Вып. 10. М.: Древлехранилище, 2004. С. 130 ; Книга Полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст) / подгот. К.В. Петров. СПб.: Изд-во Российской национальной библиотеки, 2004. С. 47.
20. МИНК. Ч. 1. С. 50 (№ 24).
21. МИНК. Ч. 1. С. 187-188 (№ 105, 105а), 400-403 (№ 217, 217а).
22. *Чеченков П.В.* Нижегородская уездная корпорация служилых людей «по отечеству» в первой четверти XVII в. (по данным десятиен): численность, структура, фамильный состав // История: электронный научно-образовательный журнал. 2012. Вып. 7(15). URL: <http://history.jes.su/s207987840000198-6-2> (доступ для зарегистрированных пользователей); он же. Формирование нижегородской служилой элиты в XV – начале XVII века // Русское средневековье: сб. статей в честь профессора Юрия Георгиевича Алексева. М.: Древлехранилище, 2012. С. 407-421 ; он же. Нижегородские дворяне – участники земского собора 1613 г. // Сословное представительство в контексте европейской истории. Вторая половина XVI – середина XVII вв. М., 2013. С. 192-195 ; он же. Дворяне и дети боярские Нижнего Новгорода в 1613 году и их представители на земском соборе // Представительные институты в России в контексте европейской истории XV – середина XVIII вв. М.: Древлехранилище, 2017. С. 223-230 ; *Кабанов А.Ю.* Нижегородский дворянин Мисюрь Иванович Соловцов – забытый герой эпохи Смуты // Мининские чтения. Сборник научных трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в. Нижний Новгород: Изд-во «Кварц», 2012. С. 142-151 ; *Кабанов А.Ю., Рабинович Я.Н.* «Прямые» и «кривые» Смутного времени в России. М.: Квадрига, 2022. С. 58-93.
23. *Антонов А.В.* К начальной истории нижегородского ополчения // Русский дипломатарий. М.: Памятники исторической мысли, 2000. Вып. 6. С. 231.
24. МИНК. Ч. 1. С. 706, 744.
25. Тысячная книга 1550 г... С. 99 ; Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века / сост. А.В. Антонов и К.В. Баранов. М.: Археографический центр, 1997. Т. 1. С. 236-238 (№ 263-266) ; *Антонов А.В.* Родословные росписи конца XVII в. М.: Археографический центр, 1996. С. 189 ; *Антонов А.В.* «Боярская книга» 1556/57 года // РД. Вып. 10. С. 87. О псковских городах см.: *Аракчеев В.А.* Псковский край в XV-XVII веках: Общество и государство. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 2003. С. 18-21, 109-112.

26. Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода... С. 131, 139; Книга Полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст) / подгот. К.В. Петров... С. 48, 62.

27. Антонов А.В. Приговорная грамота 1566 г. // РД. Вып. 10. М.: Древлехранилище, 2004. С. 177; Тысячная книга 1550 г. и дворовая тетрадь... С. 141-142.

28. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века / сост. А.В. Антонов и К.В. Баранов. М.: Археографический центр, 1997. Т. 1. С. 238-243 (№ 268). А.Ю. Кабанов пришел к выводу, что «немцы» в распоряжении Соловцовых оказались в годы Ливонской войны. Однако согласно его же расчетам возраста Якова и Мисюря, они еще только родились в те годы, когда данная война подходила к концу.

29. Кабанов А.Ю., Рабинович Я.Н. «Прямые» и «кривые»... С. 60.

30. См. подробнее: Чеченков П.В. Формирование нижегородской служилой элиты...; он же. Состав региональной элиты конца XVI – первой половины XVII века. Случай Нижнего Новгорода // Вызовы времени: становление централизованных государств на Востоке и Западе Европы в конце XV–XVIII в. Калуга: Калужский государственный институт развития образования, 2019. С. 438-445.

31. См. подробнее: Чеченков П.В. Алфавиты «старые» к десятиям разрядного архива как источник изучения нижегородского дворянства // Материалы VI Нижегородской межрегиональной архивоведческой конференции «Человек и документ». Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2011. С. 73-86; он же. Перспективы использования алфавитов Разрядно-Сенатского архива к десятиям для изучения городского дворянства России второй половины XVI–XVII в. (на примере Нижнего Новгорода) // Открытый текст. Электронное периодическое издание. 2012, 9 февраля. URL: <https://opentextnn.ru/history/istochnikovedenie-history/xi-xvii/chechenkov-p-v-perspektivy-ispolzovaniya-alfavitov-razrjadno-senatskogo-arhiva-k-desjatnjam-dlja-izuchenija-gorodovogo-dvorjanstva-rossii-vtoroj-poloviny-xvi-xvii-v-na-primere-nizhnego-novgoroda/>; он же. Древнейший перечень фамилий нижегородского дворянства 1581 года // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., 2014. Вып. 3. С. 448-453.

32. Боярские списки 1577-1607 годов // Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М.: Издательский центр РГГУ, 2004. Приложение. С. 217, 252.

33. Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков... С. 129.

34. Например, в 1610 году собирались свидетельские показания о предательстве служилого немчина Христофора Буканова, который перешел на сторону противников царя Василия Шуйского. Свидетельские показания дали 9 человек нижегородских дворян и детей боярских, но в документе (указной грамоте) они записаны как «Мисюръ да Яков Соловцовы с товарищци». Сразу видно, что братья как

бы являлись лицом нижегородских служилых людей этого времени. См.: МИНК. Ч. 1. С. 392 (№ 213).

35. А.Ю. Кабанов неточен, когда пишет, что это произошло уже к 1607 году.

36. Чеченков П.В. Формирование нижегородской служилой элиты... С. 419; он же. Дворяне и дети боярские Нижнего Новгорода в 1613 году... С. 225-227.

37. Антилогов Г.Н. Нижегородские документы... С. 342-343. Форма написания имени («Мисюра», а не «Мисбрь») свидетельствует о том, что Н.Ф. Филатов был знаком с этой публикацией.

38. МИНК. Ч. 1. С. 403-404 (№ 218).

39. Стоит отметить, что праправнук Андрея Мисюрьевича И.И. Нечаев в поколенной росписи своего рода 1792 года первым владельцем Кстовой Поляны отметил Мисюря. Предыдущие владельцы с той же фамилией ему не были известны. См.: ЦАНО. Ф. 162. Оп. 106. Д. 4. Л. 1, 2.

40. Хозяйственное положение села к началу 1620-х годов заметно улучшилось. В нем было 18 дворов крестьянских, 5 дворов бобыльских, 2 двора пустых, двор приказчиков, двор попа, двор дьячка, двор пономаря, двор проскурни и келья нищего. Итого 28 жилых дворов. Из 125 четей 80, т.е. почти две трети, обрабатывалось.

41. Потомки Ивана Головы были не единственными представителями данной фамилии в уезде. В дозорной книге 1613 года помимо них записаны Петр Иванов сын, а также Афанасий, Иван и Тимофей Семеновы дети Соловцовы без указания городской принадлежности. Писцовая книга 1621-1623 годов сообщает, что владение Петра (доля в селе Ниском (Никольском)) перешло его детям «свяжским жильцам» Петру, Льву и Григорию. Однако до 1619 г. они его по неизвестным причинам утратили. Про Ивана и Тимофея выясняется, что они были «казанскими жильцами», а их поместная деревня Озерки до 1613 г. принадлежала отцу Семену Русинову сыну. Братья упоминаются в отрывке десяти денежной раздачи нижегородским служилым людям 1603/04 г. Оказывается, что старший Афанасий (Ивану было только 7 лет, а Тимофею – 6) в том году не был верстан (т.е. включен в состав служилого «города»), поскольку про них сказали, что они «у Семейки Соловцова привитни, а не прямые дети». Кроме того, в десяти 1606/07 г. упоминается Юрий Юрьев сын Соловцов, про которого окладчики сказали, что его «без вести нет» (МИНК. Ч. С. 479, 483; Ч. 2. С. 314-316, 683, 785). Представляется, что эти данные подтверждают нашу мысль о наделении нескольких семей Соловцовых владениями в восточных уездах в конце XVI в.

42. МИНК. Ч. 2. С. 16.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Баринов Дмитрий Владимирович, аспирант, ассистент кафедры истории архитектуры и основ архитектурного проектирования ФГБУО ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»

Горностаева Ирина Геннадьевна, заведующая отделом краеведческой литературы Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки им. В.И. Ленина

Грачева Мария Петровна, ученый секретарь государственного бюджетного учреждения культуры Нижегородской области «Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник»

Дербенева Наталия Юрьевна, ученый секретарь Государственного бюджетного учреждения культуры Нижегородской области «Государственный литературно-мемориальный и природный музей-заповедник А.С. Пушкина «Болдино»

Дингес Михаил Александрович, заместитель директора государственного казенного учреждения Центральный архив Нижегородской области

Дмитриева Анна Галибовна, хранитель музейных предметов Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Всероссийский музей А.С. Пушкина».

Ермаков Николай Сергеевич, заместитель директора по основной деятельности Государственного бюджетного учреждения «Госархив Пензенской области»

Жалсанова Бутит Цыдыпмункуевна, доктор исторических наук, директор Государственного архива Республики Бурятия

Кошелев Анатолий Вячеславович, доктор филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Государственного архива Новгородской области

Кошелева Ольга Евгеньевна, доктор исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории Российской Академии наук

Кураева Фаина Михайловна, научный сотрудник Государственного бюджетного учреждения культуры Нижегородской области «Государственный литературно-мемориальный и природный музей-заповедник А.С. Пушкина «Болдино»

Лебедев Павел Александрович, заведующий архивохранилищем государственного казенного учреждения Центральный архив Нижегородской области

Марьева Анна Олеговна, заведующий отделом редких книг и рукописей Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки им. В.И. Ленина

Марченко Марина Александровна, заместитель директора государственного казенного учреждения Государственный общественно-политический архив Нижегородской области

Мельник Ирина Викторовна, старший научный сотрудник Государственного бюджетного учреждения культуры Нижегородской об-

ласти «Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник»

Пудалов Борис Моисеевич, кандидат филологических наук, руководитель комитета по делам архивов Нижегородской области

Радьков Андрей Георгиевич, заместитель директора по научной работе Нижегородского Музея «Холодной Войны» и истории города Горький в 1946-1991 гг.

Романова Анастасия Александровна, аспирант, ассистент кафедры истории архитектуры и основ архитектурного проектирования ФГБУО ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»

Смирнов Валентин Георгиевич, доктор исторических наук, директор Российского государственного архива военно-морского флота

Соколинская Елена Владимировна, главный архивист отдела использования документов и информационной работы государственного казенного учреждения Государственный архив специальной документации Нижегородской области

Чеченков Павел Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры методологии, истории и философии науки Нижегородского государственного технического университета имени Р.Е. Алексеева

Шабалкин Антон Юрьевич, ведущий архивист областного государственного бюджетного учреждения «Государственный архив Ульяновской области»

Широкалова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Приволжского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской Академии наук

Шумилкин Александр Сергеевич, кандидат архитектуры, доцент кафедры истории архитектуры и основ архитектурного проектирования ФГБУО ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет», директор Архитектурного бюро «Асгард»

Шумилкин Михаил Сергеевич, кандидат архитектуры, доцент кафедры истории архитектуры и основ архитектурного проектирования ФГБУО ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»

Шумилкин Сергей Михайлович, доктор архитектуры, профессор, зав. кафедрой истории архитектуры и основ архитектурного проектирования, ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»

Шумилкина Таисия Васильевна, кандидат архитектуры, доцент кафедры истории архитектуры и основ архитектурного проектирования ФГБУО ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»

Эскин Юрий Моисеевич, главный хранитель, заместитель директора Российского государственного архива древних актов

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	3
Пудалов Б.М. Архивы и историческая наука в Нижегородском регионе: прошлое и настоящее	4
«О Пушкине архивной строкой...» (материалы докладов участников конференции)	10
Баринов Д.В. Архитектура церкви Успения Пресвятой Богородицы села Большое Болдино в контексте формирования стиля классицизм в культовой архитектуре конца XVIII – начала XIX вв.	10
Горностаева И.Г. Пушкинские дни 1937 года в селе Большое Болдино (по материалам периодической печати)	14
Грачева М.П. Глиняная посуда болдинских мастеров (на примере коллекции предметов из села Казариново Большеболдинского муниципального округа)	20
Дингес М.А. О документах Центрального архива Нижегородской области, связанных с биографией и увековечением памяти А.С. Пушкина	24
Дмитриева А.Г. Обзор архива Т.Г. Цявловской из собрания Всероссийского музея А.С. Пушкина	28
Ермаков Н.С. Чествование памяти А.С. Пушкина в Пензенской губернии в столетнюю годовщину его рождения	33
Жалсанова Б.Ц. А.С. Пушкин в творчестве Цэдэна Галсанова (по документам фонда Госархива Бурятии «Цэдэнов Галсан Цэдэнович (1917–1992) – народный поэт Бурятии»)	38
Кошелев А.В. О сборнике художественно-документальной прозы А.С. Пушкина (СПб.; М., 2023)	45
Кураева Ф.М., Дербенёва Н.Ю. История музея-заповедника А.С. Пушкина «Болдино»	48
Марченко М.А. Документы из фондов ГОПАНО о Пушкинском музее в с. Большое Болдино	58
Марьева А.О. Нижегородская Пушкиниана как книговедческий феномен (прижизненные и юбилейные издания в фонде Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки им. В.И. Ленина)	66
Мельник И.В. Яркие страницы: обзор предметов из коллекции НГИАМЗ к 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина	72

Пудалов Б.М. Ранние сведения о Болдинской вотчине Пушкиных	76
Романова А.А. Опыт сохранения литературно-мемориального и природного музея-заповедника А.С. Пушкина «Болдино» как элемент событийной реставрации	86
Смирнов В.Г. Моряки и Пушкин. В память о поэте	89
Соколинская Е.В. Отражение души поэта: памятники, вдохновленные А.С. Пушкиным	94
Шабалкин А.Ю. Выставочный проект Государственного архива Ульяновской области «Эпоха Пушкина»	99
Широкалова Г. С. Современные образы «сеятелей свободы» (на основе эссе студентов)	105
Шумилкин А.С. Реставрационная практика в усадьбах Большое Болдино и Львовка начала XXI века	109
Шумилкин С.М. Градостроительное развитие Нижнего Новгорода и Нижегородской ярмарки в 1820-х годах	113
Шумилкина Т.В., Шумилкин М.С. История строительства и реставрации собора Крестовоздвиженского монастыря в Нижнем Новгороде	121
Актуальные вопросы документального и архивного источниковедения	126
Кошелева О.Е., Эскин Ю.М. Ограбление стольника Пушкина. Неизвестные документы из истории села Болдина ...	126
Лебедев П.А. Выполнение рекрутской повинности крестьянами Городецкой вотчины Орловых и Паниных (первая половина XIX в.)	136
Пудалов Б.М. Штрихи к портрету историка: архивный фонд Е.В. Кузнецова	162
Радьков А.Г. Проблема изучения государственных и общественных организаций, существовавших в Нижегородской губернии в начале XX века, по неархивным источникам	171
Чеченков П.В. Первые владельцы Кстова дворяне Соловцовы в контексте краеведческих баталлий	174
Коротко об авторах	196

«О ПУШКИНЕ АРХИВНОЮ СТРОКОЙ...»

МАТЕРИАЛЫ
XIII МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ
АРХИВОВЕДЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

31 мая 2024 года

Составитель
Березуцкая Ульяна Николаевна

Компьютерная верстка *Е.И. Яновская*

Подписано в печать 04.12.2025 .

Гарнитура Book Antiqua.

Тираж 100 экз.